

Папка № 3

Запись датирована 10 января 1991 года

По завершении атаки на американские транспортные корабли «Морской лев» вернулся в район связи. Составляя текст сообщения для «Центра», Захаров сначала не включил в него упоминание о применении ракетного оружия. Когда его прочитал Березин (а именно он должен был визировать все передаваемые шифрограммы с «Морского льва»), он отложил бумагу, сказав, что, пока там не будут указаны время и цель применения ракетного оружия, он подписи там не поставит. Понимая, что препираться бесполезно, Захаров удовлетворил требование Березина. Когда сообщение было передано, он с волнением ожидал строгого взыскания из «Центра», не исключая своего отстранения от командования.

Ответ пришел достаточно холодный и монотонный. «Морскому льву» было поручено патрулирование в водах Оманского залива с целью осуществления наблюдения за прибывающими военными кораблями антииракской коалиции. За своевольное применение ракетного оружия Захарову выносилось первое строгое предупреждение. Капитан «Морского льва» знал, что третьим строгим предупреждением он будет уже безвозвратно отстранен, поэтому Захаров посчитал, что сейчас еще легко отделался, так как «Центр» мог и не играть в считалочку «раз-два-три», а решить все одним махом.

Получив новое задание, команда «Морского льва» превратилась в кладовщиков, учитывающих все входящие и выходящие из Персидского залива суда. Раз в неделю они выходили на связь с «Центром», передавая все собранные ими данные и получая в ответ одну и ту же команду: «Продолжайте наблюдение. Следующий сеанс связи...» Казалось, жизнь на подводной лодке замерла, последовали монотонные дежурства, в ходе которых время сливается воедино. Тем более еще к этому способствует и окружающая обстановка замкнутого пространства.

А на поверхности тем временем творилось нечто невообразимое: вовсю шел второй этап переброски вооруженных сил армии США на Аравийский полуостров, который превратился в гигантский плацдарм. Его небо никогда за всю свою историю не видывало такого количества

и разнообразия военной техники. Самолеты, прилетевшие за многие тысячи километров, принеся в своем чреве военную технику и людей, разгружались и вновь поднимались в воздух, чтобы спустя несколько десятков часов снова вернуться сюда же, доставив очередную дивизию для участия в предстоящей операции под кодовым названием «Буря в пустыне».

Воды залива испытывали колоссальное давление от находившихся на их поверхности и в их глубинах десятков кораблей и подводных лодок различных классов. Персидский залив - и без того мелководный и узкий, в нем еще до прибытия армады кораблей было плотное движение. Теперь же, после того как сюда прибыли еще и корабли многонациональных сил, в нем едва можно было повернуться. Арабский мир никогда прежде, даже во время арабо-израильской войны, не знал такого огромного насыщения военной техникой в своем сердце.

Всю осень продолжалась переброска войск и снаряжения многонациональных сил на Аравийский полуостров. В районе Персидского залива (как в его водах, так и в воздухе) было в буквальном смысле столпотворение самолетов и кораблей. В песках Аравийской пустыни спешно располагались и обустроивались военные контингенты тридцати восьми стран, входящих в антииракскую коалицию.

Если на конец августа 1990 года одно только американское военное присутствие в этом регионе составляло около шестидесяти тысяч человек личного состава (в водах Залива паслись девять кораблей и авианосец «Индепенденс», в Красном море - шесть кораблей и авианосец «Саратога»; на прилегающих аэродромах к будущему месту сражения находилось около ста истребителей F-15, сорок шесть штурмовиков F-16), то на начало января 1991 года эта группировка была доведена до трехсот шестидесяти тысяч солдат, из которых пятьдесят пять тысяч приходилось на морских пехотинцев и тридцать пять тысяч на ВМС, 1300 танков, около двух тысяч БМП и БТР. Американский авиапарк насчитывал около семисот самолетов различных классов и четыреста боевых вертолетов «Апачи» и «Кобра». К этому следует еще прибавить двести пятьдесят самолетов, которые Пентагон планировал перебросить в ближайшее время.

Военно-морские силы США были представлены в виде трех самостоятельно действующих авианосных ударных группировок, находящихся в Оманском заливе, Красном и Средиземном морях. В общей сложности к январю 1991 года в регионе насчитывалось около восьмидесяти кораблей, из них три авианосца («Индепенденс», «Саратога», «Мидуэй») и два линейных корабля («Миссури» и «Висконси»), прибыла группа особого назначения 7-го флота из тринадцати кораблей и скрытно уже находящихся двадцати подводных лодок типа «Лос-Анджелес». Кроме того, на подходе были еще три авианосца - «Рейнджер», «Америка» и «Теодор Рузвельт». Эта гигантская военная группировка превышала все остальные присланные войска союзников, вместе взятые, численность которых едва достигала двухсот сорока пяти тысяч человек.

Противостояли антииракской коалиции Иракские вооруженные силы, насчитывающие около миллиона солдат, более 5,5 тысячи танков, включая 500 по тем временам новейших танков советского производства Т-72, 3,5 тысячи единиц тяжелой артиллерии, 513 боевых самолетов, 200 залповых пусковых установок, 500 ракет класса «земля - земля» и 330 зенитно-ракетных комплексов для запуска ракет класса «земля - воздух».

Кроме блока НАТО и Саудовской Аравии свои войска прислали Австралия, Аргентина, Египет, Марокко, Пакистан, Бангладеш, Сенегал, Нигерия, ОАЭ, Оман, Бахрейн, Катар, но самое интересное - в этом списке также числились вчерашние участники Варшавского договора. Польша послала сто человек медперсонала, а Чехословакия - сто семьдесят человек из подразделения химической защиты. В то время как Советский Союз выразил свой нейтралитет и послал в качестве наблюдателей большой противолодочный корабль и два корабля сопровождения, восстановленные осенью 1990 года дипломатические отношения с Саудовской Аравией позволили последней тайно закупить у Советского Союза около шести миллионов костюмов противохимической защиты на случай, если Ирак отважится применить химическое оружие. Это была, наверное, единственная помощь советского правительства стране - участнице антииракской коалиции, и то она была осуществлена на полуофициальной основе.

Хотя, как теперь мы знаем, втайне от советского демократически настроенного руководства здесь уже продолжительное время находилась и самая совершенная подводная лодка в мире - «Морской лев». Последнее чудо советской технической мысли, которое должно было обеспечить проведение в жизнь политическую позицию консервативных партийных функционеров из Комитета государственной безопасности и Министерства обороны, действующих вне зависимости от государственной внешнеполитической деятельности Советского Союза, и настроенных на выполнение подписанного с Ираком в 1971 году договора о дружбе и военной помощи, подтвердив тем самым свою приверженность старым коммунистическим идеалам советской эпохи (несмотря на то, что ООН приняла резолюцию № 678 о вооруженной операции против Ирака с целью освобождения территории Кувейта).

Наступал уже январь месяц, «Морской лев» все так же последовательно и с некоторой даже педантичностью вел наблюдение и регистрацию всех входящих и выходящих из Персидского залива судов. Чтобы экипаж не впал в скрытую депрессию в эти монотонные дни, Захаров отдал приказ командирам отсеков о проведении тренировок, по проверке боевой готовности и живучести корабля и каждое утро слушал доклад Курехина о больных среди членов экипажа. Захаров, не доверяя всем этим тестам, которые ему предоставил Канарейкин, каждый день готовил себя к ответным действиям, если у его подчиненных начнутся какие-либо отклонения в психике, приводящую в действие зловещую инструкцию.

С того времени как Захаров последний раз навещал Березина для согласования шифровки, отправляемой в «Центр», о потопленном вертолетоносце «Иводзима», прошло уже около двух с половиной месяцев. За этот срок старпом уже покинул медотсек. Встречаясь в узких коридорах «Морского льва», они тихо здоровались друг с другом и расходились в разные стороны, словно между ними никогда не было взаимных претензий. Захаров по-прежнему знакомился с каждым членом своего экипажа, в ненавязчивых, как ему казалось, разговорах пытался узнать об их судьбе. Мало-помалу за эти два с небольшим месяца ему удалось поговорить с каждым. Кто-то из них с радостью шел на контакт, а кто-то чего-то опасался, и Захарову

давалось с большим трудом убеждать своего собеседника в том, что ему ничего за это не грозит. Но все же приходилось соблюдать осторожность и строго-настрого предупреждать своего собеседника о том, чтобы он об этом никому не рассказывал. Однако, несмотря ни на какие предупреждения, слухи о проводившихся беседах уже циркулировали по всей лодке, звучали даже предположения о том, что командир якобы готовит побег и подбирает для этой цели наиболее подходящих людей. Все это, конечно, смущало Захарова, и он был вынужден делать перерывы, иногда даже длиной с неделю. Как только все слухи как бы стихали, он снова возобновлял свои собеседования и к уже традиционным вопросам: «Откуда ты? Как попал на базу? Давно ли на ней?» - прибавлял вопросы о том, кто бы мог запускать слух о готовящемся побеге. Но все с поразительной откровенностью говорили, что никогда не слышали ничего подобного и не знают, кто бы мог это делать.

Однажды в своих опросах Захаров наткнулся на людей из охраны, которые являлись прямыми подчиненными Березина. Начав с одним из них душевную беседу с чашкой кофе, он обнаружил в своем собеседнике прямое нежелание с ним идти на контакт. Как только Захаров ни ухитрился, поднимая те или иные темы для разговора, но везде наткнулся на холодное равнодушие со стороны своего собеседника. А на заданный им прямой вопрос: «Почему вы не хотите поговорить по душам?» - последовал ответный вопрос, как говорится, на засыпку, слегка шокировавший его: «Что вы, девушка, что ли, чтоб я с вами по душам говорил?» Захаров, немного смутившись, помолчав, снова сделал попытку: «Я это к чему говорю? Мне бы просто хотелось, так сказать, с вами познакомиться. Узнать, может, у вас ко мне есть какие-то просьбы, пожелания...» Ответ был убийственный: «Вы, товарищ командир, со мной разговариваете как надзиратель с заключенным. Там тоже спрашивают, нет ли каких просьб, а здесь мы же на службе... К чему это вы? Там, кстати, и мужчины очень близко знакомятся, но мы же не в кутузке?» После таких слов Захарову больше не хотелось продолжать беседы и он взял длинный тайм-аут, а по лодке, как и предупреждал Карташов, все же поползли слухи о нетрадиционной сексуальной ориентации командира.

Несмотря на эти неприятные последствия, Захарову все же удалось выявить, кроме людей из отряда охраны «Морского льва», пять или шесть матросов из числа экипажа, преданных Березину. Охранники имели прямой доступ к оружию и выполняли наименее трудные функции на подводной лодке, для чего не нужно было много учиться либо иметь какой-то опыт. Что примечательно и чего ранее не заметил Захаров - так это то, что на центральном посту в любое время суток один из них нес вахту. Естественно, что, когда он обнаружил за собой скрытое наблюдение, то не мог не сделать элементарных выводов: все происходящее на лодке немедленно становится известно Березину. Прямых сторонников у Захарова не было, и он в связи с этим понимал, что Березин может расправиться с ним в любой удобный для него момент либо как-то жестоко наказать. Но вот вопрос, на который не знал ответа Захаров: «Почему он этого не делает?» По его соображениям, он уже давно перешел все дозволенные границы, и, наверное, как ему думалось, пора Березину применить свою власть. «Особенно после того, как я ему, по существу, дважды набил физиономию? Что его держит? Почему он дожидается возвращения на базу?» Эти вопросы занимали его голову, когда на место вахтенного офицера вдруг сел Березин. Как только он его заметил, Захаров как-то вострепнулся, словно чего-то испугавшись, но тут же одернул себя, сделав отстраненный вид.

- Акустик, сколько засечек за последний час? - спросил Захаров.

- Восемь, - тут же последовал короткий ответ.

- На сопровождении?

- Три.

Действительно, навстречу «Морскому льву» шел патрульный фрегат ее Величества королевы Англии Елизаветы II, а с юга-запада приближались два судна-склада американских ВМС.

Захаров посмотрел на часы: до выхода на связь оставалось чуть больше двух часов.

Березин сидел, словно ничего вокруг не замечая. Работая на компьютере, он пристально вглядывался в центральный монитор. Захаров встал со своего места и, обойдя Березина со спины, пошел к планшетному столу, где располагалась карта района нахождения «Морского льва». Тот даже не обернулся, а Захаров посмотрел искоса, чем тот

увлечен. Оказалось, что он что-то печатал, но Захарову не удалось это прочитать.

- Ноль второй вызывает Карташова, - зазвучало в наушниках Захарова.

«Интересно, что он хочет от него? Может, с инструкцией что-то случилось», - подумал Захаров.

С того момента как он единожды ее прочитал, он больше в нее не заглядывал. Справа из-за перегородки из оргстекла вышел Карташов и направился к Березину. В голове у Захарова промелькнула мысль: может, перехватить его, - но потом передумал («спрошу после того, как он вернется») и стал наблюдать за ними издалека.

Карташов подошел к старпому, тот, даже не посмотрев на него, ткнул пальцем в экран. Карташов что-то забарабанил по клавиатуре и заводил мышью по коврику, а его лицо сделалось серьезным. Березин смотрел то на него, то на экран, видимо, ожидая результата. Спустя какое-то время Карташов побежал обратно к своему месту и порылся в одном из своих ящичков, спешно что-то ища. Захаров внимательно наблюдал за обоими. Наконец, Карташов нашел то, что искал: это оказались какие-то дискеты. Он сел за свой компьютер и, вставив дискету в дисковод, начал что-то делать. Потом тревожно обернулся и посмотрел на Березина: тот тупо уставился на экран, очевидно, все еще ожидая получить желаемое. Через несколько минут Карташов подошел к Захарову и как бы мимоходом бросив две загадочные фразы:

- Вы бы здесь не светились, Иван Алексеевич... Все испортили, а я за вас тут отдуваюсь.

- Да?!.. - самопроизвольно от неожиданности слетело с языка Захарова. Но Карташов уже этого не слышал, он был на пути к Березину. Ничего не понимая, Захаров пошел обратно на свое место.

- Установил драйверы для принтера? - вопрошал Березин Карташова.

- Да.

- Распечатывает?

- Нет.

- Почему?

- Пока не знаю.

- Ну так узнай. Попробуй еще раз.

- Сейчас попробую.

Повисла тишина.

- Ничего. Что мне теперь делать? - спросил Березин

- Пока оставьте так, как есть, я еще здесь поковыряюсь, а когда сделаю, вас позову.

- Ты у себя в жопе поковыряйся, а здесь нормально наладь распечатку. При мне. Я тебе секретную инструкцию не оставлю, у тебя нет доступа. Понял?

- Что-то случилось? - не выдержал Захаров.

Никто не ответил. Карташов посмотрел на старпома.

- Я говорю, что-то случилось? - уже подойдя к Березину, Захаров повторил свой вопрос. Но ответа опять не последовало.

- Товарищ Карташов, вы, наконец, объясните, что, в конце концов, произошло? - еще раз спросил Захаров.

- Инструкция не распечатывается, - посмотрев сначала на Березина, ответил Карташов.

- Почему?

- Сейчас пока трудно сказать почему. Бортовой компьютер почему-то ее блокирует, несмотря на то что вроде бы все правильно и код набираем тоже верный...

- Григорий Олегович, вы уверены, что после того падения и удара головой вы код не перепутали? - спросил Захаров.

- Уверен, - коротко ответил Березин.

- Что думаете дальше делать? - попытался командир.

- Пока не знаю, нужно с «папиком» проконсультроваться, но Григорий Олегович отказывается мне сообщить код, - после короткой паузы, посмотрев еще раз на Березина, ответил Карташов.

- Да, я отказываюсь сообщать код. И не сделаю этого, даже если вы мне это прикажете, - резко вставил Березин.

- Ты собачку-то не спускай, мы все здесь орать-то умеем, - пресек его Захаров. Все немного снова помолчали.

- Так, сколько тебе понадобится времени для выяснения причины? - спросил Захаров Карташова. Он знал, что неполадки с инструкцией наверняка возникли из-за того, что он тогда неаккуратно вышел из нее.

- Около часа, - ответил тот.

- Так, время у нас есть, - сказал Захаров и посмотрел на Березина. - Ну, что, Григорий Олегович, может, нам пока немного отойти в сторону, чтобы Сергей Александрович

спокойно здесь разобрался, а, когда все будет в порядке, он нас позовет.

- Пока инструкция открыта, я отсюда никуда не уйду, - ответил Березин.

- Хорошо. Так что делать будем? - спросил всех Захаров.

- Пусть делает при мне, - настаивал старпом.

- Так вы хоть бы ему место уступили. Ему же неудобно, - сказал Захаров. Березин лениво встал, а Карташов тут же юркнул в свободное кресло.

- Григорий Олегович, вам не кажется парадоксальным, что я самый старший по званию и по занимаемой должности здесь - и не имею доступа к инструкции? А вы имеете, - сказал Захаров.

Березин словно его не слышал. Он продолжал следить за работой Карташова.

- Мне нужно сходить в аппаратную: здесь, наверное, ничего не получится, - сказал Карташов, после того как проверил всю цепочку от компьютера до принтера.

- И я с вами, - тут же вставил Березин.

- Насколько я знаю, - снова вмешался Захаров, - эта комната довольно маленькая, да и доступа у вас нет.

- В чрезвычайной ситуации мне разрешено инструкцией, - парировал Березин.

- Там больше одного человека нахождение запрещается, иначе сработает блокировка, - поддержал Захарова Карташов.

- Ну вот, у нас есть выбор: либо до конца боремся за секретность и гробим «Морской лев»... Насколько я понимаю, если сработает блокировка, вырубится вся компьютерная сеть?

- Не только - вся аппаратура на центральном посту замрет, - добавил Карташов. Все трое молчали, а Захаров и Карташов еще и смотрели на Березина в ожидании, что тот скажет.

- Тогда я не знаю. Мне нужно подумать, - тихо сказал Березин.

- А я знаю. Вот что я предлагаю, - чувствуя, что тот встал в тупик, Захаров решил этим воспользоваться и повернуть всю ситуацию в нужное ему русло. - Сергей сейчас пойдет в аппаратную, вы ему сообщите все коды доступа, ну, там, входа, распечатки... Он все наладит и распечатает вам инструкцию, а потом сотрет ее файл. Таким образом, у вас

будет единственный ее экземпляр. Как вам мое предложение?

- Не знаю, - так же тихо ответил Березин.

- Это единственный выход, иначе вам больше не видать инструкции, пока мы не возвратимся на базу.

Старпом молча вышел из центрального поста. Захаров и Карташов переглянулись.

- Что с инструкцией случилось? - спросил командир, как только Березин скрылся за переборкой.

- Не знаю. Очевидно, ваш некорректный выход тогда что-то поломал в системе защиты, и та захлопнулась. Я уж так перепугался, что даже не знал, что и делать. Ладно, хоть вовремя спохватился, а то хотел было посылать запрос через «папика». А он бы, представляете, по громкой связи объявил или на всех принтерах распечатал, что обнаружен несанкционированный вход в программу. Вот бы Березин узнал!

- Да, весело было бы. Если он согласится с моим планом, ты сумеешь на мой принтер также вывести один экземпляр инструкции, перед тем как ты ее сотрешь?

- Вы что, думаете, этот файл можно уничтожить? Его можно стереть, только имея ключ - специальную программу, а она только у Шкворина есть.

- Что будет, когда Березин узнает об этом? - спросил Захаров.

- А вот об этом у вас должна болеть голова, вы у нас командир.

- Что ты тогда сделаешь с файлом инструкции, если он согласится на мое предложение?

- Поменяю коды входа и сделаю его иконку невидимой - вот что я сделаю.

В это время в коридоре снова показался Березин.

- Сколько времени вам нужно, чтобы наладить распечатку и уничтожить файл? - с ходу спросил он Карташова.

- Трудно сказать: как дело пойдет, - оторопев от неожиданного вопроса, ответил Карташов.

- В прошлый раз ты говорил: тебе нужен час, - сказал Березин, смотря Карташову прямо в глаза.

- Наверное, но не меньше.

- Я тебе даю полчаса. Если ничего не получится, ты сядешь в карцер до конца похода. Тебе это подходит?

- Березин, вы перебираете, - вмешался Захаров.
- Кто вам сказал? Вы разве не видите, что это вредитель? Он ответственен за состояние компьютерного обеспечения на корабле. Оно не работает. Почему?
- Насколько я знаю, оно не работает не по его вине. Вашу инструкцию устанавливали люди Шкворина. Может, это они чего-то там напортачили; у него к ней даже нет доступа.
- Это не имеет значения, - ответил Березин.
- Я вам не позволю арестовать Карташова: без него невозможно дальнейшее выполнение поставленной задачи. Никто, кроме него, не шарит в этих чертовых компьютерах. Или, может, вы исправите неполадку, коснись что случится?
- Так... - повисла пауза. Березин затопал ногой и поглядел в коридор, где уже стояли двое здоровяков из отряда охраны, лично подчиняющихся ему.
- Григорий, остынь и оставь парня в покое. Он тебе все сделает, может, даже раньше. Ты только не торопи его, - дружески сказал Фирсов, вдруг неизвестно откуда появившийся.
- Хорошо, но, смотри, не больше часа, вот тебе коды, - Березин передал Карташову бумажку, где были написаны коды доступа к файлу, "Инструкция", и пошел к креслу вахтенного офицера, попутно кивком головы отпустив охрану. А Карташов чуть ли не побежал в аппаратную исполнять приказ.
- Как это ты лихо сумел его уговорить, - заметил Иван Алексеевич, когда они остались вдвоем с Фирсовым.
- У меня талант к этому. Он не знал, что делать, и был в тупике, а я ему открыл дверь, вот и все. С людьми это часто случается... - сказал Фирсов.
- У нас тут сплошные тупики, - сказал Захаров, и оба разошлись.
- Всем внимание, говорит ноль второй: начинаем подготовку к сеансу связи, - зазвучал голос Березина по громкоговорящей связи. Захаров посмотрел на часы.
- Он с ума сошел что ли (до сеанса связи еще целый час)? - сказал вслух командир.
- Контуру управления: всплываем на перископную глубину, антенну высоких частот поднимать только по моему приказу, - продолжал командовать старпом.

- Что ты делаешь? До сеанса связи еще целый час, - сказал Захаров, подойдя к Березину.

- Я знаю, но у нас на лодке возникла внештатная ситуация, и я должен о ней доложить «Центру», - спокойно ответил Березин.

- Ты что, не понимаешь, что ли? Это тебе не в кабинете сидеть - здесь нельзя выходить на связь когда вздумается.

- Лодка на перископной глубине, - сообщили из контура управления.

- Инструкция мои действия санкционирует, - спокойно ответил Березин.

- Где она, покажи мне ее, и тогда я тебе поверю. Ты же нас всех погубишь. Ты что, не понимаешь?

- Сейчас Карташов ее распечатает, и я вам покажу, - все так же невозмутимо ответил Березин.

- Вот пока он не принесет ее, никакого сеанса связи до назначенного времени не будет. Вот так, Григорий Олегович. Пока я здесь командир. Внимание, центральный пост: говорит командир, без моего приказа не проводить никаких сеансов связи.

Старпом молча откинулся на спинку стула, уставившись в центральный экран. Захаров сел рядом, также ожидая, когда Карташов принесет распечатку инструкции. Время шло, а Сергей не возвращался, тогда Березин подошел к командиру и предложил ему связаться с ним.

- Внимание, командир вызывает Карташова.

- Карташов на связи.

- Как у вас дела, Сергей Александрович?

- Ничего, скоро закончу.

- Сколько еще времени понадобится? - спросил Березин.

- Минут пятнадцать.

Захаров посмотрел на часы и сказал, что через пятнадцать минут «Морской лев» и без всяких инструкции выйдет на связь. Так оно и произошло: подняв антенну высоких частот, субмарина начала трансляцию сообщений. Сначала передали отчет о входящих в Персидский залив и выходящих из него судах, а потом составленное лично Березиным донесение о файле «Инструкция».

Запись датирована 15 января 1991 года

После закодированного выхода «Морского льва» в эфир в сравнении с предыдущим сеансом связи, когда очередной приказ к продолжению уже осуществлявшихся действий пришел тогда по прошествии получаса, в этот раз, к удивлению Захарова, ответили достаточно быстро, а лучше сказать, моментально.

На поверхности наступило пятнадцатое января тысяча девятьсот девяносто первого года. В этот день истекал срок, определенный ООН для вывода иракских войск с территории Кувейта. Если Саддам Хусейн не подчинится требованию ООН, то в этот день войска многонациональных сил должны были начать боевые действия по освобождению Кувейта.

Предвидя начало боевой операции многонациональных сил против Ирака, «Центр» решил подготовить «Морского льва» к адекватным действиям, предписывая ему прорваться в Персидский залив, выставив там мины. А после очередной связи - нанести ракетный удар по дополнительно указанному одному из наземных объектов. Иракская сторона также давно вела подготовку к отражению удара, и теперь угроза полномасштабной войны стояла уже на пороге арабского дома.

Березин также получил послание, в котором говорилось о том, что файл «Инструкция» уничтожить невозможно. «Рекомендовано капитану второго ранга Березину его распечатать, а потом заблокировать», - далее шел подробный инструктаж, как это сделать. Прочтя сообщение, Березин подозвал Карташова, который уже заранее знал, зачем тот его зовет, так как он самолично проводил дешифровку этого послания.

- Товарищ Карташов, вы сказали, что сотрете файл, но вот мне пришло сообщение о том, что это сделать невозможно. Так вы стерли файл или нет?

- Да, я это хотел сделать, - ответил Карташов, - но я не успел принести распечатку. Тут такая суматоха была, вы сами знаете... Я думал завершить работу после сеанса связи.

Березин посмотрел на часы. С того времени, как он передал ему бумажку с кодами, прошло не более полутора часов.

- Вы больше ничего не делали с инструкцией? - и Березин вонзил в него пыливый взгляд.

- Нет! Я же больше не ходил в аппаратную, - ответил Карташов, не замечая подозрительных глаз Березина.

Старпом еще продолжал смотреть на Карташова, но наивное выражение его лица служило надежной ширмой, за которой невозможно было узнать, правду или нет говорит его обладатель. Карташов замер на точке замерзания воды - нуля градусов по Цельсию, когда один микрон отклонения в ту или иную сторону - и вода замерзнет или, наоборот, начнет таять. Где этот микрон, Березин не мог определить.

- Хорошо, больше не трогай файл «Инструкция», все остальное я сделаю сам, - после длительной паузы и тщательного разглядывания Карташова сказал старпом и отправился в аппаратную.

- Всем внимание! Говорит командир. Старшему офицерскому составу собраться в кают-компании для обсуждения полученного приказа из «Центра», - прозвучал голос Захарова по громкоговорящей связи.

Захаров по-прежнему сидел в своем командирском кресле в центральном посту. Когда он увидел текст приказа, то был немало удивлен его содержанию. Только один вопрос по его прочтении засветился в сознании капитана «Морского льва»: «КАК?» Именно, большими буквами он стоял в его глазах, и ничего, ни одного ростка, похожего на ответ, не было вокруг. Поэтому командир и решил созвать всех, чтобы, быть может, совместными усилиями родить ключ, отворяющий дверь, за которой находится дорога, ведущая к выполнению поставленной задачи.

Пока Захаров находился в яме размышлений, к нему подошел Карташов.

- Иван Алексеевич, - обратился он к командиру.

- Что? - не поворачиваясь, Захаров издал звук, означающий, что обращающегося услышали.

- Еще бы немного, и меня Березин зажопил.

- С чем зажопил? - не поворачиваясь, спросил Захаров. Казалось, он окаменел.

- С инструкцией.

- А что с инструкцией?

- Вы что, забыли? Ее же заклинило, то есть файл заклинило, и я пошел в аппаратную.

- И что, ты распечатал мне экземпляр? - вдруг оживился Захаров, повернувшись к своему собеседнику.

- Распечатал, только...

- Никаких «только»! Молодец, все остальное неважно. Давай, пошли в кают-компанию, вон, видишь, Алферов уже пошел. Сейчас есть дела поважнее, чем эта инструкция. Сделал дело отлично - теперь забудь про это. Пришел приказ следовать в Персидский залив для постановки мин. Теперь у нас с тобой эта задача номер один, - вставая на ноги, говорил Захаров.

- А Березин? Он же пошел в аппаратную...

- Ну и что? А зачем он пошел в аппаратную? - остановившись, спросил Захаров.

- Чтобы заблокировать файл.

- Ну и чего ты беспокоишься?

- А вдруг существует журнал учета печати?

- Какой журнал учета? Ты знаешь, я в этом ничего не понимаю, ты можешь мне подступней объяснить.

- Журнал учета печати... Ну, это, конечно, почти невозможно, но все же он может фиксировать, когда, в какое время, сколько раз и на какой принтер какие страницы были распечатаны.

- Перестань, этого журнала нет, а если он и существует, то Березин не сможет до него добраться, - снова обрел движение Захаров.

- Хорошо, если так.

- Не волнуйся, скоро мы это проверим. Если что, я скажу, что это я приказал, а сейчас выкинь ты эту инструкцию из головы и давай займемся делом, - сказал Захаров, отодвигая перегородку, открывающую вход в помещение общего сбора.

В кают-компании уже сидели Алферов и Заленский. С порога Захаров оглядел присутствующих и, подойдя к многофункциональному телевизору, включив его, взял клавиатуру, и после недолгих манипуляций по ней на экране высветилась карта Персидского залива. В это время в кают-компанию вошел Фирсов. Не хватало только Березина.

- Кого не хватает? - спросил вслух Захаров.

- Ноль второго, - тихо ответил Карташов.

В дверь постучали. Когда перегородка открылась, то явила всем измученное и чем-то озабоченное лицо Березина.

- Так, все в сборе, тогда начинаем, - сказал Захаров, раскладывая на столе бумаги и текст приказа командования.

- Итак, товарищи офицеры, в полученной сегодня радиোগрамме содержится приказ о выдвижении «Морского

льва» в Персидский залив для постановки мин и о последующем нанесении наземного ракетного удара...

Иван Алексеевич нарочно выдержал паузу. Заленский, Алферов и Фирсов в удивлении переглянулись, а Березин и Карташов остались безучастны.

- Полученный приказ, несомненно, труден и очень, очень опасен. Но мы должны его выполнить, поэтому я и собрал вас здесь для того, чтобы выслушать доклады по готовности лодки к выполнению опасного задания. Также хотелось бы услышать ваше мнение по поводу выполнения поставленной «Центром» боевой задачи.

- Они там что, совсем с ума посходили? - забыв о присутствии Березина, сказал Алферов.

- Товарищ штурман, я бы попросил вас говорить в других тонах, - сказал Захаров, заметив злобный взгляд Березина, устремленный на Алферова, но тот словно его не замечал.

- Залив весь просвечивается акустикками...

- Да к тому же и глубина, как в тарелке, - поддержал штурмана Заленский.

- Задание не из легких, не найти бы нам в заливе могилу, - сказал Карташов.

- Они, очевидно, думают, что мы, сидя в этой лодке, можем все, - с иронией сказал Фирсов.

- Нас туда насильно никто не гонит: не получится - значит, будем атаковать из Аравийского моря, - ответил как бы за командование Березин.

- Если раньше времени нас не обложат, как волков, противолодочными буйками и не подстрелят, - вполголоса, почти самому себе под нос, сказал Захаров. - Если не прорвемся, вероятность поражения намеченной цели будет равна почти нулю, - уже громче сказал он. Потом, помолчав немного и взбодрившись, продолжил:

- Все, хватит раскисать, нужно думать о выполнении поставленной задачи. Итак, нам предстоит проникнуть незаметно через очень узкий и мелководный Ормузский пролив, - Захаров показал указкой на экран. - Не секрет, что этот район насыщен кораблями многонациональных сил, и, естественно, они его наверняка очень плотно заблокировали. Также не исключено, что в проливе или около него находится несколько подводных лодок типа «Лос-Анджелес». Единственно, как мне представляется, прошмыгнуть через

пролив - так это дожидаться входящего в него какого-нибудь корабля, и, спрятавшись под его днище; может, тогда и сумеем просочиться сквозь противолодочный рубеж. Как мы это делали, проходя Гибралтарский пролив, правда, англичане все равно вычислили нашу хитрость, но все же это шанс. Тем более, что у нас намного ниже шумовые показатели, да и корпус лодки поглощает электромагнитные волны. Хотя, конечно, все равно есть риск: расстояние слишком мало, и что-то все же может отразиться на экранах американских радаров.

- Сядем на хвост. Неплохая идея, командир. Интересно только, как мы потом будем улепетывать из этой английской лужи, - с улыбкой сказал Карташов.

- А почему нам иракский флот не может помочь или авиация? Нанесли бы удар по группировке кораблей, а мы бы тем временем, воспользовавшись их замешательством, и прорвались бы, а? - спросил Заленский.

- Это другой вопрос. Что же касается авиации или кораблей, то у Ирака нет таких самолетов, чтобы эффективно нанести удар с воздуха, а весь их флот, наверное, блокирован в портах. Так что придется нам как-нибудь самим справляться.

- Откуда вы знаете, командир? Может, пошлем им радиограмму с нашим предложением, - предложил Заленский.

- У нас следующий выход на связь только через неделю, двадцать второго января, - вставил Березин.

- Ну и что, дело-то серьезное, можем и нарушить немного нашу скрытность. Речь-то идет о наших с вами жизнях, - поддержал Карташов.

- Нет, товарищ Карташов, ничего нарушать не будем, справимся сами, - решил Захаров. Березин даже удивился, что он выступил на его стороне. - Да и это все равно бесполезно. Там, наверное, не дураки сидят: если б была такая возможность, наверное бы, уже послали кого-нибудь на подмогу.

- Не думаю. В заливе находится наш большой противолодочный корабль, он-то уж точно хоть как-то мог бы нам помочь. А тут как хочешь, так и выполняй это задание. Умри, но сделай, и всем наплевать. Что за психология? - растерянно сказал Заленский. - И вы это знаете, командир. Я не понимаю, почему в нашем совке все время приходится

рисковать, когда можно чуточку подумать и все спланировать, сократив риск до минимума. Нет, привыкли все за счет людей, все за счет людей...

Слова Заленского произвели сильное впечатление на Захарова и он даже не знал, что ответить. Но еще больше был поражен Березин, буквально весь покраснев.

- Мы здесь находимся, товарищ Заленский, строго секретно, и ваша патетика тут ни к чему, - резко обрезал старпом.

- У вас истерика, Павел Витальевич, - спокойно сказал Захаров. - Давайте-ка лучше перейдем к делу. Я хочу выслушать доклады о готовности технической части «Морского льва» к прорыву в залив.

- А мне кажется, никакой истерики нет. Он прав: почему наши командиры, и вы в том числе, думаете больше о выполнении задачи, нежели о людях? Вам не кажется, что вы, я подчеркиваю: вы, а не мы, здесь сидящие - камикадзе?

- Это бунт? - тихо спросил Захаров.

- Я вызову отряд охраны, - сказал Березин.

- Не торопитесь, Березин, - одернул его Захаров. - Я еще раз спрашиваю: это бунт?

- Нет, не бунт, - ответил Заленский.

- Тогда я ставлю вопрос о доверии ко мне.

- При чем здесь это, командир? - сказал Карташов.

- При том. Если вы все здесь, кроме Григория Олеговича, считаете меня камикадзе, то как можно доверить такому человеку командование современной подводной лодкой...

- По инструкции они вас не могут отстранить, - вмешался Березин.

- Если вы решите, то я сам добровольно сдам командование своему помощнику, - не обращая внимания на Березина, сказал Захаров.

- Никто так не считает, - ответил за всех Карташов.

- Тогда перейдем к делу. Кто первый доложит о готовности лодки? - Захаров посмотрел на всех в поисках желающих.

- Начнем с хвоста, - бодро сказал Фирсов.

- Хорошо, - одобрил его начинания Захаров и переключил изображение на телевизоре-мониторе на технический разрез кормовой части «Морского льва».

- Да это, наверное, даже ни к чему, - указал на экран, сказал Фирсов. - Я так, в двух словах, в принципе скажу. Главная энергетическая установка функционирует нормально, никаких значительных поломок в ходовой части за время моего последнего вам доклада не было. В целом мы, я имею в виду своих подчиненных и вверенную мне технику, готовы к выполнению боевой задачи.

- Ну что ж, хорошо, Михаил Петрович. Только у меня есть вопрос: когда нам придется проникнуть в залив (а он весь, как рентгеном, просвечивается электромагнитными волнами, из-за чего наша система поглощения будет испытывать чрезвычайную нагрузку, потребляя очень много электроэнергии), как вы считаете, нам хватит мощности турбины?

- Я думаю, хватит. Нам же в это время не придется нестись как угорелым, поэтому на обеспечение хода потребуется минимум всех энергозатрат.

- Но вы не забывайте еще и жизнеобеспечение «Морского льва», питание аппаратуры...

- Я думаю, что, если возникнет угроза нехватки энергии, мы можем отключить все ненужные энергопотребители. Ну, может, придется экипажу несколько дней посидеть на походных пайках. Но мне кажется, что до этого дело не дойдет.

- Вы уверены? - спросил Захаров.

- Почти.

- Что это значит?

- В этой жизни никогда нельзя быть уверенным на все сто - всегда нужно делать погрешность на неудачу в той или иной ситуации, это же все-таки жизнь, командир. Может, на том свете все возводится в абсолют, а здесь все относительно, как мы знаем.

- Да, - усмехнулся Захаров и подумал о чем-то своем. Но в ту же минуту, словно смахнув откуда-то прилетевшую паутину воспоминаний, продолжил совещание: - Так, хорошо, теперь заслушаем, наверное, Павла Витальевича?

Заленский тут же встал, словно ожидая, что именно он будет следующим. Но почему-то сразу как-то сник и нехотя подошел к монитору.

- Павел Витальевич, вам отобразить что-то на экране? - спросил Карташов.

- Да. Если возможно, торпедный и ракетный отсеки, - снова оживившись, сказал Заленский.

Поводив мышью, Карташов вывел на экран продольные разрезы необходимых отсеков, а Заленский взял указку и подошел ближе к экрану. Последовал тяжелый вздох, и после него он начал:

- Со времени выхода из базы «Морского льва» наша подводная лодка уменьшила свой боезапас: торпед на две, противоракет на пять, зенитных ракет на семь. С теми задачами, которые были поставлены перед моими контурами, я считаю, что мы справились. Я говорю о своевременном обнаружении и уничтожении противника, а то, что мы не смогли обеспечить надежное прикрытие погибшим иракским товарищам... - Заленский вдруг почему-то замолчал.

- Иракские товарищи пали смертью храбрых, и по этому факту будет проведено расследование, когда придем на базу, - дополнил его Березин.

- Намечается работа по выявлению предателей Родины? - поинтересовался Захаров. За эти два месяца, он уже успел забыть о погибших иракских подводниках.словно мираж: вот он был, и в следующую секунду его уже нет.

- Нет, не предателей, а виновных.

- Виновных здесь нет. У иракцев была старая техника, никуда не годная в сегодняшних условиях.

- Следствие это учтет. Проверке подлежат действия экипажа, а в особенности действия командования «Морского льва». Все ли было сделано им для предотвращения гибели иракских подводников? - пояснил старпом.

- А вы как думаете, Григорий Олегович? - спросил Захаров.

- Моя точка зрения не имеет значения, это всего лишь поверхностный взгляд без учета деталей...

- Но все же... - добивался ответа Захаров.

- Я думаю, что-то у вас тогда, товарищ Захаров, не получилось, вот и все.

- Вы хотите сказать, что ситуация вышла из-под моего контроля?

- Не знаю, вам видней, только что-то не сработало в вашей системе, пошло не в то русло, в которое вы рассчитывали, - и Березин загадочно посмотрел на всех.

- Хорошо, не сработало так не сработало. Продолжайте, Павел Витальевич, - сказал Захаров, словно тема погибших

иракских подводников никогда и не интересовала его, как и затеянное Березиным расследование по этому факту.

- ...нам предстоит использование ракет класса «поверхность - земля», у нас на борту имеется десять таких ракет с дальностью действия в две с половиной тысячи километров. Наведение может осуществляться либо с помощью спутника, либо с помощью корреляционной системы сравнения реального масштаба местности в контрольных точках, над которым пролетает ракета, с электронным аналогом в ее памяти. Конечное наведение на объект производится либо телевизионное, либо лазерное по габаритам объекта, либо с помощью активной радиолокации. Конечно, десятью ракетами чувствительного удара противнику не нанесешь, но все же нервы потрепать можно.

- Только чтобы нервы кому-то пощипать, нас и гонят на верную смерть. Родина ждет своих героев, - не унимался Карташов.

- Вы закончили, Павел Витальевич? - спросил Захаров.

- Да, у меня все.

- Алексей Николаевич, ваша очередь.

Алферов нехотя, даже как-то кряхтя, встал.

- Я так по-умному говорить не буду, Иван Алексеевич, и на экране мне ничего не надо показывать, - заранее предупредил штурман. - Я вот что хочу сказать: задание нам дали очень рискованное, может, больше и не удастся поговорить...

- Ну, ну, что за настрой, Алексей Николаевич... - попробовал взбодрить его Захаров.

- Да нет, может, конечно, все и обойдется, я беду накликаю не хочу, вы все здесь не подумайте ничего плохого, просто я так, на всякий случай говорю... - заметив смущенные лица, Алферов замолчал.

- Ближе к делу, Алексей Николаевич, похороны еще не завтра, - подбодрил его Карташов.

- Ты, Серега, не вступай, подожди, - штурман еще немного помолчал и продолжил: - Я что хочу сказать про свой контур - у нас аппаратура очень хорошая: лодка слушается руля, порхает в океанских глубинах, как ласточка в небе. Не знаю, может, у вас, Иван Алексеевич, есть какие-то замечания к нашей работе, так вы скажите...

- Да нет, пока никаких вроде бы претензий нет.

- Время, товарищи, наступает очень серьезное, и здесь, сейчас ссоры нам ни к чему, поэтому я хочу, чтобы вы на время выполнения задания все оставили свои претензии друг к другу на потом. Это я говорю обо всяких там расследованиях, которые вы собираетесь устраивать, товарищ Березин. Зачем вы сейчас нервируете понапрасну офицеров перед выполнением ответственного задания?

- Я никого понапрасну не нервирую, товарищ Алферов. Я только уведомляю всех об этом факте, чтобы имели в виду, - ответил старпом.

- Мы все здесь в одной трубе сидим, товарищ Березин, и ваша жизнь зависит от любого из нас. Вы бы подождали немного со своим расследованием, а то как бы не случилось чего, - заступился за Алферова Заленский.

- Вы мне угрожаете?

- Нет, это в порядке информации, эксклюзивно для вас, - с умилением ответил Заленский.

- Если что-то со мной случится, вам никто не поможет, когда вернетесь на базу. Все меня слышали? - повысил голос Березин. Нервная дрожь пробежала по его лицу.

- Успокойтесь, ничего с вами не случится, все вернемся живые и здоровые. Хватит спорить, давайте о деле говорить, - вмешался Фирсов.

- Продолжим, - коротко сказал Захаров.

- Моя очередь, - без всяких приглашений начал Карташов. - На мне лежит обязанность организации и локализации всех неисправностей в компьютерных сетях. Серьезных неполадок в моем хозяйстве определено пока не было. Все системы (тьфу-тьфу!) пока функционируют нормально, но меня заботит одна очень важная вещь. Я бы хотел просить у вас, Иван Алексеевич, разрешить мне снова включить автоматизированную систему управления огнем, а то мы все это время на ручнике работали по вашему приказанию. Времена-то экстремальные наступают...

- Я думаю, с этим потом решим, - ответил Захаров.

- А что ж откладывать-то? - спросил Заленский.

- Ну, если вы настаиваете, тогда можете включить автоматизированную систему, товарищ Карташов, только потом проведете со мной дополнительный инструктаж, - сказал Захаров.

У Карташова появилось удивление: он знал, что Захаров хорошо знаком с этой системой.

- Так, у нас остался еще товарищ Березин, - продолжил Иван Алексеевич.

- Вы хотите, чтобы и я выступил?

- А почему нет: на вас возложены обязанности по воспитанию личного состава «Морского льва», так вот мы и послушаем, как протекает ваша работа.

- Как протекает работа? - переспросил Березин. - Нормально протекает, особенно когда мне удалось предотвратить ваши никем не санкционированные допросы личного состава, товарищ Захаров.

- Так это вы распустили слух?

- Какой слух?

- А вы не знаете!

- Нет как будто.

- Ага, нет, ну ладно, тогда продолжайте. Какие еще, кроме меня, у вас затруднения? - сказал Захаров и посмотрел проникновенным взглядом.

- Вы моя главная проблема, но я ее решу, обещаю вам, командир.

- Постарайтесь, - не желая вникать в подробности, сказал Захаров. - Так, все выступили, осталось только мне сказать вам несколько слов. Значит, так: из всего вышесказанного я полагаю, что наш «Морской лев» находится в прекрасном боевом состоянии, правда, немного боезапас поистратили, ну это, я думаю, не страшно - надеюсь, у нас еще достаточно пороха, чтобы дать прикурить всем, кто пожелает.

Задание нам досталось действительно сложное, но я, в отличие от вас, полон оптимизма в его успешном выполнении. Приказ есть приказ, и его нужно выполнять, а не сопли жевать, на этом и стоит наш великий советский флот. Какие бы приказы ни исходили от Родины, они будут выполнены без всяких обсуждений. Не скрою, жалеть никого не буду и от всех потребую в эти дни полной самоотдачи, и даже сверх того. Прорыв думаю начать сегодня на закате. Да, а вас, товарищ Березин, попрошу не мешаться под ногами для вашей и нашей пользы. Правильно сказал Алексей Николаевич: не мотайте нервы людям - сейчас не до того.

- Я никому не мотаю нервы. Я, так же как и вы все здесь, выполняю приказ, и хотите или нет, я его буду и дальше выполнять. А вам, товарищ Захаров, я хочу отдельно

сказать: не возобновляйте ваши допросы, и это, может, как-то улучшит моральное состояние на подводной лодке.

- Послушайте, Березин, я не устраиваю никаких допросов, а провожу беседы для того, чтобы определить каждому члену экипажа свое место. Я выстраиваю свою систему механизма управления «Морским львом». Я должен знать, какое колесико где лучше поставить, чтобы оно стало наиболее полезным. Мы все здесь - часть «Морского льва», и моя задача - чтобы он действовал как можно эффективней. Вам понятно?

- А какое место вы мне определили в вашей системе?

- Да вы здесь вместо балласта, - улыбнувшись, сказал Захаров, - как незакрепленная бочка в трюме корабля, которая может пробить его борт и потопить в любой момент. Так, сейчас всем отдыхать часа четыре, а затем быть на центральном посту в восемнадцать часов, на поверхности как раз будет девять часов вечера.

Запись датирована 20 января 1991 года

Когда стрелки хронометра встали друг напротив друга, на центральном посту «Морского льва» экипаж занял место согласно штатному расписанию готовности номер один. По всей лодке перекрывались отсеки, было объявлено соблюдение полной тишины, запрещались какие бы то ни было перемещения, не связанные с текущей работой, и все вокруг незаметно опустело и затихло.

Захаров вместе с Алферовым проложили курс «Морского льва» в Персидский залив, красная линия пролегла через узкую щель Ормузского пролива, соединяющего его с Оманским заливом, где они сейчас и находились. Как только Захаров принял со всех постов доклады об их готовности, подводная лодка начала движение на малом ходу в залив.

Спустя шесть часов субмарина Захарова пристроилась в кильватер одному из проходивших судов-складов американского военно-морского флота, снабжавших военную

группировку. Таким образом командир «Морского льва» надеялся под его прикрытием незаметно миновать военные корабли, преграждавшие вход в залив. И, хотя эта тактика прохождения узких мелководных проливов была и не нова, этим приемом, как мы уже знаем, еще в семидесятых пользовались советские подводники при форсировании Гибралтарского пролива. Несмотря на то, что англичанам все же удалось разгадать эту хитрость, установив на дне чувствительную гидроакустическую аппаратуру, Захаров все же надеялся, что этот дедовский фокус сработает. Потому что, во-первых, их здесь никто не ждет, а во-вторых, используя свои повышенные качества скрытности плавания, у них был довольно хороший шанс на удачное проникновение сквозь узкий пролив.

Следуя за судном-складом на предельно малой дистанции «Морской лев» был напрочь лишен слуха. Чуть впереди идущий корабль шумом своих винтов затмевал все остальные звуковые колебания, и только когда какое-нибудь судно оказывалось позади их - лишь только в этот момент у акустиков «Морского льва» появлялась скудная возможность узнать о его присутствии. Карташов совместно с акустиком попытались отфильтровывать шумы винтов судна-склада. Спустя два часа после кропотливого и упорного труда им все же удалось это сделать, и к субмарине частично вернулся утраченный ею слух. Но взамен этому появилась другая опасность: в случае, если у какого-нибудь военного корабля шумы винтов по какой-то случайности совпадут с частотой шумов винтов судна-склада, акустики «Морского льва» пропустят его, не услышав. Поэтому Захаров отдал распоряжение, чтобы время от времени акустики переключались на частоту впереди идущего судна-склада с целью дифференциации уровня работы его винта в поиске сдвоенности шумов.

- Всем внимание!!! Говорит акустик: обнаружены следы облучения активным гидроакустическим радаром, - сообщил акустик спустя два часа, после того как «Морской лев» пристроился в хвост судну-складу.

Действительно, к северо-западу от «Морского льва» находился французский фрегат УРО, ведущий активный поиск.

- Говорит командир: включить защиту поглощения электромагнитных волн; Карташов, следите за уровнем магнитного поля «Морского льва».

Субмарина не имела возможности отвернуть в сторону от эсминца и поэтому шла почти ему навстречу. Через несколько минут уже на северо-востоке были обнаружены мирно качающиеся на волнах американский эсминец и английский фрегат. Воздействие электромагнитных волн на корпус «Морского льва» увеличивалось, и стоило только какому-то его пучку вернуться к излучателю, то на экране сразу бы появилась зарубка, символизирующая местоположение подводной лодки.

Часть электромагнитных волн корпус «Морского льва» рассеивал, а другую часть, в основном прямой направленности, впитывал в себя, подобно губке. Устройства, расположенные как внутри прочного, так и в межкорпусном пространстве, работали на понижение магнитного поля. Постоянно впитывая электромагнитные волны, подводная лодка Захарова повышала свой магнитный фон, и это являлось демаскирующим фактором, а значит, рано или поздно их присутствие по этому признаку можно было обнаружить.

На большинстве американских кораблях установлена мощная гидроакустическая аппаратура, которая малоэффективна на глубинах сто-двести метров. Единственным наиболее приемлемым вариантом поиска подводных лодок на мелководье был французский гидроакустический комплекс средней дальности действия «Салмон». Вся сложность состояла в том, что радиоакустические волны отражаются от дна и возвращаются обратно в излучатель, формируя таким образом картинку для оператора. Отраженный на экране неровный ландшафт дна может ввести в заблуждение акустика, и поэтому определение движущегося подводного объекта ведется комплексно по ряду признаков. Также затруднителен поиск подводной лодки и в акустическом режиме из-за разницы поверхностной и донной температуры: когда холодные воды силой течения выносятся на поверхность, то это вносит диссонанс в распространение звуковых волн.

Все это Захаров, естественно, учитывал и понимал. Хотя корпус «Морского льва» и поглощал радиоакустические

волны, но это могло его не спасти, когда он выйдет на мелководье. Вместо отразившихся от дна электромагнитных волн на экране оператора возникнет черное пятно. Поэтому перед Захаровым встал сложный вопрос: какую тактику избрать на мелководье - либо по-прежнему пользоваться защитой, либо отключить ее и, прижимаясь ко дну, попытаться прорваться?

А между тем помимо обнаруженных трех кораблей акустики заметили впереди по курсу дрейфующую американскую подводную лодку типа «Лос-Анджелес», ведущую пассивный гидроакустический поиск. Она была почти у поверхности, словно огромная рыбина в ожидании высунуть нос наружу. А судно-склад шло, не меняя курса, сокращая с ней расстояние. В эту минуту никто не был так опасен, как эта американская подводная лодка. Именно у нее были наибольшие шансы обнаружить «Морского льва».

- Дистанция до «Лос-Анджелес» четыре мили, - сообщил акустик.

Отворачивать уже было поздно, так как любое изменение курса могут уловить американские акустики. Захаров затребовал карту рефракции распространения звуковых лучей Оманского залива.

«Наверное, сейчас они спят, хотя нет: у них же по Гринвичу время, значит, жизнь в самом разгаре и все слушают очень внимательно», - сказал он сам себе.

- Говорит акустик: судно-склад поворачивает на север.

- Ну, вот, здорово, сейчас америкашки увидят нашу задницу и вдуют нам по самое некуда, - следом за акустиком прошептал Карташов.

- Скорость пятнадцать, - коротко скомандовал Захаров и тут же подумал: «Нужно убирать волосы, а то сбреет начисто». - Всем контурам, внимание: убрать все выдвижные устройства.

Захаров хотел приблизиться как можно ближе и немного вырваться вперед судна-склада, чтобы шумы винтов «Морского льва» было невозможно услышать сзади.

- Штурман, нужно подплыть как можно ближе к посудине, - добавил Захаров.

Через некоторое время на центральном посту все ощутили качку.

- Больше не могу, иначе придется увеличивать скорость, - доложил штурман.

- Увеличь на пол-узла и подойди ближе, - сказал Захаров.

- Мы оглохли, - сообщил акустик.

- Командир, держу из последних сил... Все, ближе не можем, - сообщил Алферов.

Из-за того, что «Морской лев» подошел очень близко к работающим винтам судна-склада, ничего вокруг, кроме них, не было слышно. Возникла угроза задеть его винты, что неминуемо привело бы к гибели субмарины. Захаров знал, что рисковал очень сильно, но не видел другого выхода и поэтому следил за секундомером, чтобы, как только американская подводная лодка окажется на достаточном удалении от «Морского льва», тот незамедлительно вернулся к прежней безопасной дистанции с прикрывающим их судном. Забег стрелки шел уже четвертый круг, а необходимо было как минимум десять. Вот здесь и началась неизвестность, проверка всех на выдержку и хладнокровие. Что происходило в эти минуты на «Лос-Анджелесе»? Быть может, ее акустики уже обнаружили идущую вслед их судну-складу неизвестную подводную лодку и та всюю готовилась выпустить по ней торпеду.

- Защиту не выключать, - почему-то сказал Захаров и, встав, пошел к Алферову, прихватив секундомер. Подойдя к штурману, он заметил его строгое лицо, следящее за показаниями приборов: справа на небольшом экране отображался силуэт «Морского льва», покачивающегося из стороны в сторону. Качка уже напрямую ощущалась на центральном посту. Захаров молча постоял еще немного рядом с Алферовым и направился, держась, чтобы не упасть, за поручни, к Заленскому, который стоял позади гидроакустической группы, крутя между пальцами карандаш.

- Как Павел Витальевич? Ничего не слышно? - спросил Захаров.

- Впереди что-то можно распознать, а вот хвост у нас открыт, - ответил Заленский и посмотрел на старшего гидроакустической группы капитан-лейтенанта Лузина. Тот пристально вслушивался в море.

- Немного осталось, - сказал Захаров, показывая секундомер, и тут же спросил: - Как настроение? В любой момент нам могут засветить.

Заленский только махнул рукой, потом тихо ответил:

- Мы сами можем засветить, да так, что в округе никого не останется.

«Морской лев» был оборудован автоматизированной системой огня. Даже если он оставался глухим, вдоль всего борта на легком корпусе стояли небольшие короткоимпульсные локаторы, нечто вроде средней линии у рыб, которые улавливали малейшие вибрации воды. Если компьютер расшифрует их колебания как приближение малого сверхскоростного объекта - тогда немедленно бортовая система выдаст залп и сработает система срочного всплытия. Последнее, конечно, было нежелательно, так как «Морской лев» врежется в днище судна-склада.

Когда стрелка секундомера пересекла финишную черту, Захаров скомандовал на погружение, что, конечно, сразу же облегчило работу акустиков. Лодка вновь обрела слух и заново обнаружила находившиеся корабли и американскую подводную лодку, которая так и осталась болтаться у поверхности. Спустя еще шесть часов все обнаруженные ранее корабли многонациональных сил скрылись за звуковым горизонтом, и можно было считать, что первый этап форсирования противолодочного рубежа завершен. «Морской лев» не торопясь (но поспешая) двигался за судном-складом, пересекая границу Оманского залива, за которой дно круто поднимается к поверхности. Если в начале залива глубина достигает трех с половиной километров, то на выходе из него, на западе, она уже составляет не более ста пятидесяти метров.

Вход в Персидский залив преграждал огромный зуб Аравийского полуострова, вонзавшийся более чем на пятьдесят километров в мягкое тело Ормузского пролива. Для того чтобы попасть в залив, необходимо было выполнить поворот порядка девяносто градусов, встретившись с двойным течением (на поверхности - на запад, а на глубине - холодное донное на восток). «Морскому льву» пришлось идти практически у дна, едва не задевая его своим брюхом и борясь с выходящей водой из залива. Для чего ему пришлось увеличить скорость на четыре мили, чтобы скомпенсировать ее потерю при прохождении этого достаточно сложного участка пути.

К утру семнадцатого января «Морской лев» уже был на выходе из Ормузского пролива. А спустя еще два часа акустики сообщили о группировке кораблей, состоящей из

четырёх эсминцев (двух французских и двух английских). Начиналось мелководье с глубинами не более ста метров.

Это утро открыло миру южную и северную часть Ирака, охваченную огнем от массированного налета многонациональной авиации. Началась воздушно-наступательная операция антииракской коалиции.

Но перед этим войска многонациональных сил на протяжении почти всего периода оккупации Ираком Кувейта вели на разных технических уровнях разведку, используя весь свой спутниковый и довольно значительный авиационный потенциал. Для этих целей были задействованы самолеты ДРЛО, в том числе самолеты E-3A «Сентри» системы AWACS, а также, помимо специально переоборудованных самолетов-разведчиков типа «Торнадо-GR.1A» и «Мираж-F.1CR», самолеты стратегической разведки RC-135, U-2C.

К началу воздушно-наступательной операции командование 9-й воздушной армии тактического авиационного крыла ВВС США располагало высокоточными картами Ирака и Кувейта и размещавшихся на их территориях военных группировок противника и военно-политических объектов с привязкой на местности. Также благодаря авиакосмической разведке были получены данные о возводимых иракской армией вдоль саудовско-кувейтской и иракской границ мощных фортификационных сооружениях.

С авиабаз в Эр-Рияде, Табуке, Эт-Таире, Хамис-Мушайте, Дахране взлетели сотни самолетов многонациональных сил, и к трем часам утра 17 января в районах Багдада уже звучали взрывы авиабомб. Последовавшая атака самолетов подавила системы ПВО Ирака, включая авиабазы противника и средства связи, линии электропередач, в которой, помимо самолетов-невидимок F 117A (их удар был так же продублирован самолетами F/A-18) и бомбардировщиков B-52G, использовавших для нанесения удара крылатые ракеты, участвовали F-111, F-16, F-15E. По окончании первой волны налета был произведен двойной залп пятьюдесятью крылатыми ракетами морского базирования с кораблей, находившихся в Персидском заливе и Красном море. Затем последовал второй эшелон воздушной атаки, в нем участвовало значительно меньшее число самолетов, целью которых были уже военно-политические объекты, откуда

осуществлялось непосредственное управление иракскими войсками. И все это время вдоль прифронтовой полосы барражировали самолеты-заправщики KC-135, KC-130, и KA-6 производившие заправку в воздухе самолетов, участвующих в обеспечении прикрытия ударной группировки. Суммарное число крылатых машин, принявших участие в налете, восходило к шестистам единицам.

Спустя три с половиной часа по окончании первого двойного ракетно-бомбового удара командование многонациональных сил нанесло второй массированный двухчасовой авианалет. В нем было задействовано около четырехсот самолетов. Впервые в воздушной атаке приняли участие французские самолеты «Ягуар». Их целью были объекты хранения и производства оружия массового поражения, то есть химического оружия. На излете дня, на фоне догорающего солнца, авиация многонациональных сил сделала еще одну попытку причинить ущерб Ираку, нанеся ракетно-бомбовый удар по экономическому потенциалу уже в глубине его территории.

Интенсивная бомбардировка велась в течение трех суток, с 17 по 19 января. За это время авиация многонациональных сил семь раз подвергала разрушениям военно-экономическую структуру Ирака. По истечении воздушной операции многонациональных сил стало очевидно, что уничтожить до конца иракскую ПВО не удалось: так же продолжала действовать система управления войсками, по-прежнему оставалось целым и достаточное количество мобильных пусковых установок, которые впоследствии проявят себя, нанеся ракетный удар по городам Израиля и Саудовской Аравии. К положительным же моментам этой трехдневной операции можно отнести установление господства в воздухе и уничтожение выявленных ранее объектов, производящих и осуществляющих хранение химического оружия, а также причинение значительного ущерба экономическому потенциалу Ирака (особенно это касается нефтегазовой промышленности).

Проанализировав итоги воздушной операции, командование многонациональных сил решило продолжить бомбардировку иракской и кувейтской территории, снизив ее интенсивность с целью подготовки благоприятных условий для наземного вторжения.

К моменту входа «Морского льва» в залив воздушная операция многонациональных сил была в самом разгаре. Все корабли ВМС США, находящиеся в заливе, были в западной его части, принимая участие в нанесении ракетно-бомбового удара по территории Ирака и блокировании иракских портов. Во время скрытого проникновения в залив «Морского льва», с первых миль его следования в хвосте судна-склада, его сферический нос встретил невидимые электромагнитные лучи гидроакустических станций двух английских эсминцев и двух французских фрегатов.

Стодвадцатипятиметровое тело субмарины шло практически у поверхности залива, едва не показывая из-за волн солнечным лучам край своей рубки. Корабли располагались на юге, словно закрывая собой вход в порт Абу-Даби, куда и держало курс судно-склад. «Морскому льву» же необходимо было идти на север, к иранскому побережью. Залив очень странный: он словно стекал с севера на юг. У побережья Объединенных Арабских Эмиратов были наибольшие глубины, а вот на севере скалистые берега залива определили очень пологое дно, здесь вероятность сесть на мель резко возрастала. «Морскому льву» предстояло идти именно в этот район, чтобы не быть заранее обнаруженным кораблями многонациональных сил. Когда судно-склад стало поворачивать на юго-запад, Захаров отдал приказ на изменение курса на север. Вход в залив оказался не таким сложным, как ожидалось, но сам факт его преодоления - это еще было полдела, трудности ждали впереди. Мало было просто проникнуть в него - необходимо еще как-то здесь воевать и потом так же незаметно покинуть этот район.

- Алексей Николаевич, какая здесь глубина? - спросил Захаров, ерзая на стуле.

- По карте восемьдесят, потом падает, - ответил Алферов.

Действительно, с опасностью их обнаружения кораблями многонациональных сил стояла бок о бок и еще одна опасность - сесть на мель. Положение дел усугубляла невозможность из-за демаскировки применить эхолот для постоянного слежения за глубиной, поэтому пришлось довериться карте. Удалившись от кораблей на тридцать миль, Захаров повернул на северо-запад, где были несколько большие глубины.

Через час, Захаров отдал приказ снизить скорость, и «Морской лев» почти замер на месте.

- Внимание всем! Вот мы и в Персидском заливе. Поздравляю экипаж с удачным выполнением нелегкой боевой задачи. Объявляю двухчасовой отдых, после этого идем на запад ставить мины. На местах остается только дежурная смена, всем остальным разрешаю отдохнуть, - сказал Захаров и пошел к себе в каюту, чтобы немного поспать.

Два часа превратились для не спавшего всю прошлую ночь Захарова в две секунды. Первая секунда была им потрачена на то, чтобы закрыть глаза, а вторая - на то, чтобы их открыть. Его сознание за этот короткий промежуток успело полностью отсоединить все каналы связи с внешним миром, и поэтому, когда наступил момент его входа в реальное течение жизни, Захаров почувствовал с первыми упавшими на его сетчатку глаза лучами искусственного света тяжесть в затылке и ушах. Помимо этого его голова успела за этот короткий срок падения в пропасть безвременья пустить корни в подушку. И когда он пытался перевести себя в вертикальное положение, ему на миг показалось, что подушка не сможет отпустить его голову.

Спустя две минуты заспанное лицо Захарова вновь увидело огни центрального поста. Как только командир «Морского льва» занял свое место, по всей лодке вновь объявили готовность номер один. Заполнение помещения, откуда осуществлялось почти все управление «Морского льва», произошло удивительно скоротечно. И вот спустя пять минут после всеобщего звонка готовности субмарина Захарова направилась на запад залива, где необходимо было выставить двадцать четыре мины.

Путь оказался неблизким, и «Морской лев» прибыл на место только в середине следующих суток.

- Внимание контуру противокорабельной обороны: доложить о готовности, - скомандовал Захаров, как только центральный компьютер сообщил о прибытии в точку постановки мин.

- Докладывает контур противокорабельной обороны: маршруты движения мин заложены. Контур готов к работе.

- Хорошо. Внимание, второй отсек: подтвердите готовность к минопостановке.

- Докладывает второй отсек: все мины загружены в торпедные аппараты. К стрельбе готовы.

На борту «Морского льва» находились двадцать четыре самодвижущиеся донные мины, каждая весила около тонны и могла самостоятельно передвигаться до пятидесяти километров. За время перехода в указанную зону команда «Морского льва» разработала и ввела в небольшое интеллектуальное устройство мины кодированный алгоритм индивидуального маршрута движения и срабатывание ее взрывателя на определенную чистоту звуковой волны.

Ознакомившись с оперативной обстановкой, Захаров принял решение о начале минной операции.

- Всем внимание: начинаем постановку мин, докладывать о каждой из них в отдельности, - скомандовал он.

- Докладывает торпедный отсек: крышка первого аппарата открыта.

- Докладывает контур противокорабельной обороны: первая вышла... включились двигатели... мина легла на курс.

- Все, понесла курочка яички, - вставил Карташов.

- Отставить шутки, товарищ Карташов, - тут же пресек его Захаров.

- Вторая вышла... включились двигатели... мина легла на курс...

Доклады продолжались в таком режиме, пока все двадцать четыре тонны смертоносного металла не вышли в воды залива. Спустя шесть часов контур противокорабельной обороны доложил о последней самоходной мине, занявшей свое место где-то на дне залива.

- Все, ложимся на обратный курс, - скомандовал Захаров, как только услышал последний доклад.

Субмарина начала разворот, и вдруг справа по борту послышался режущий уши скрежет металла.

- Внимание контуру управления: стоп машина. Малый назад, - моментально отреагировал Захаров, узнав тут же трубный звук смерти.

- Стоп машина, малый назад, - повторил его команду Алферов.

Этот разьедающий барабанную перепонку звук сигнализировал о том, что «Морской лев» умудрился залезть в минное поле и при развороте задел своим корпусом минреп ближайшей к нему якорной мины.

- Внимание, товарищ Заленский: у вас что, лазерный радар поиска мин не работает? Почему не доложили, что мы сидим на минном поле? - разгорячено спросил Захаров. С него сейчас капал пот, как из неплотно закрытого крана вода, а посередине его спины уже чувствовалась небольшая лужица, впитанная рубашкой.

- Мы его выключили, - ответил Заленский.

- Что-о-о? - Захаров чуть не упал со стула, услышав ответ Заленского. - Включить немедленно.

- Есть.

- Внимание, штурман: курс двести семьдесят, малый назад.

- Есть, - ответил Алферов.

Заленский выключил его не потому, что он сделал это по своей какой-то рассеянности, а из-за того, что этот радар зычно свистел при каждой вновь обнаруженной мине. Во избежание писка обнаруженной мины, которая покинет борт «Морского льва», он и выключил его, поскольку он никак не подозревал, что «Центр» определит место постановки мин, там, где уже находится минное поле. Как только включили лазерный радар и он высветил всю картинку близлежащих мин, у Заленского волосы встали дыбом. Если бы при развороте «Морской лев» не задел минреп, тогда бы его нос через несколько секунд наткнулся на притаившуюся на дне усатую смерть. Стоило корпусу подводной лодки хотя бы слегка дотронуться до любой из торчащих из нее антенн, раздался бы взрыв, от которого «Морской лев» вряд ли бы уцелел.

Как только выявленная лазерным радаром карта минного поля была передана в контур управления, Алферов сразу же составил зигзагообразный маршрут выхода субмарины из губительного окружения безносой спутницы. Это заняло значительное время и потребовало филигранной техники управления почти десятитысячной тонной тела «Морского льва». И, как только Алферов выпутал подводную лодку из лап минной смерти, она направилась в район связи.

Точка, определенная для выхода на связь, была достигнута к вечеру двадцатого января, как и было запланировано. «Морской лев» все так же медленно двигался в синеве залива. Высунув низкочастотную антенну, сигнализировал командованию о выполнении очередной поставленной задачи и о своей высокой боевой готовности

проводить дальнейшую политическую линию «Центра», обеспечивая успешное ее воплощение силой своего оружия.

Запись датирована 22 января 1991 года

Новый приказ из «Центра» снова не заставил себя ждать - пришел так же быстро, как и предыдущий. В нем, как и предполагалось ранее, говорилось о нанесении ракетного удара по государству Бахрейн.

- Всем внимание, - по громкоговорящей связи раздался голос командира. - Получен новый приказ от командования о нанесении пятью нашими крылатыми ракетами удара по Бахрейну. Для тех, кто не знает: это небольшое островное государство, расположенное в средней части Персидского

залива. Там, видимо, тоже живут противники иракского народа.

Захаров выключил микрофон и вывел на экран карту Персидского залива. Он не знал всех тонкостей ближневосточной политики и поэтому не понимал, почему вместо того, чтобы нанести ракетный удар по скоплениям многонациональных сил, нужно причинять вред стране, которая не представляет никакой угрозы.

В центральном посту часы показывали половину одиннадцатого вечера, старт ракет был намечен на половину первого ночи двадцать первого января. «Морской лев» находился почти у самой поверхности, а для успешного старта и скрытного ухода с позиции нужны глубины, превышающие тридцать метров. В Заливе было очень узко, в поле зрения «Морского льва» постоянно попадали корабли многонациональных сил. Все маневры проходили в непосредственной близости от них, и из-за чего Захаров чувствовал себя словно посаженным в лифт, где было совсем не развернуться.

- Давай, давай, тащи ее, смотри, какая здоровая.
- Ого, вот это да.
- Давай, сажай ее скорей в аквариум. Ну, сажай, сажай ее.
- Сейчас, сейчас...
- Зубы-то какие, смотри осторожней.
- Да вижу вот... вот так.
- Все, закрывай, чтобы не выпрыгнула.
- Оп. Все. Попалась, рыбка, сиди теперь здесь.

На фоне тонущего солнца моряки поймали буквально на удочку четырехметровую тигровую акулу и посадили ее в стоящий на корме их судна плоскодонный аквариум. Морской хищнице было там очень тесно, и, чтобы развернуться в нем, она изгибалась практически до хруста свой позвоночник. Если бы акулы имели голос, то по всей округе, наверное, сейчас раздался бы самый жалобный вой, что приходилось слышать тихо шепчущему морю. Она металась из стороны в сторону, пытаясь выбраться в родную стихию. Куча брызг затмила все стекло, так что было невозможно даже ее разглядеть.

- Смотри, как бесится: видимо, недовольна.
- Может, ей успокоительного дать, чтобы она немного поутихла?

Несмотря на то что аквариум был прикрыт крышкой, акула била изо всей силы хвостом, и вода выливалась наружу.

- Она так совсем без воды останется.
- Наплевать - главное, чтобы до утра не сдохла. Завтра у Дашеньки день рождения: мы ее удивим, а там пусть как хочет.
- Может, ее покормить?
- Ты только крышку откроешь - она тебе полруки отцапает.
- Не беспокойся, до завтра ничего не случится.

Тем временем акула перестала биться о стекло и затаилась; жадно работая жабрами, она пропускала через них воду, отфильтровывая кислород для дыхания.

- Что, устала, рыбка, да? Ну, посиди, посиди немного, отдохни.

Акула замерла на месте, пока все наблюдавшие за ней моряки не отошли от аквариума. И, как только все посторонние звуки стихли и жизнь на корабле взяла перерыв до утра, плотоядная рыба вновь ударила хвостом, нарушив спокойствие ровной воды. В этот раз она уже не хаотично металась по дну стеклянного карцера, а ее действия приобрели целенаправленный характер. Акула двигалась взад и вперед, подобно тарану, ударяясь мордой о стеклянную стенку аквариума, пытаясь ее разбить. Стеклянная крепость находилась наверху, и если бы рыбе удалось это сделать, то с высоты она имела бы шанс, минуя палубу, вылететь в море.

После двух часов работы маятника прозрачная стенка не выдержала напористого желания рыбы выбраться из заключения. Стекло треснуло, и хищница впервые, как потеряла свободу, почувствовала ее близость, несмотря на то, что вода, в которой она плескалась, уже окрасилась в цвет ее жизни. Сделав еще пару ударов, акула, порезав себе морду разбившимся стеклом и ударившись хвостом о леер корабля, выпала за борт. Оказавшись в родной стихии, она тут же поспешила прочь от корабля.

На сигнальный звук разбитого аквариума начали собираться ничего не понимающие люди, разбуженные среди ночи. И только невдалеке от стеклянной тюрьмы, где сидела опасная рыба, тихо притаившись около спасательной шлюпки, сидела маленькая девочка, наблюдавшая уже целый час за действием инстинкта свободолюбия. Именно она, маленькая Дашенька, для которой и была поймана тигровая акула, заметила, как бьется в отчаянии океанская хищница, - ее детское сердечко не выдержало, и ей стало безумно жаль бедную рыбку. Она взяла свой маленький молоточек и ударила по стенке прозрачной темницы. Когда стекло треснуло, девочка испугалась и спряталась около шлюпки.

Побуждаемый этой теснотой, Захаров начал поиск места для запуска ракет. А корпус «Морского льва» по-прежнему чувствовал на себе слабые радиоакустические сигналы, исходящие от английского эсминца.

- Алексей Николаевич, сколько под брюхом? - спросил Иван Алексеевич после долгого ожидания безрезультатного поиска.

- Пять.

- Есть где-нибудь место посвободней и поглубже? - в слабой надежде спросил Захаров.

- Если только отправиться к иранскому порту Бушир. Там побольше глубины да и концентрация кораблей, наверное, поменьше, - ответил Алферов.

- К сроку поспеем?

- Должны, если прибавим немного.

- Сколько?

- Узла три.

- Давай же, прибавь, - почти взмолившись, сказал Захаров: ему было тошно от малых глубин. Еще немного, и он почувствует себя выброшенной на берег рыбой. - Во сколько будем?

- В двенадцать.

- Хорошо. Значит, подготовку должны провести на переходе. Так, где Карташов?

- На месте, - отозвался тот.

- За двадцать минут все равно можем не успеть, так что вы, Сергей Александрович, вместе с Павлом Витальевичем проведите подготовку исходных данных для запуска и обеспечения полета ракет. Вы вроде бы жаловались, что у вас какие-то электронные карты не в порядке. У вас есть время до полуночи, чтобы привести все в порядок, - приказал Захаров и выключил микрофон.

- Будет сделано, товарищ командир, - ответил Карташов. Затем последовали интенсивные консультации между ним и Заленским.

Захаров же пошел в свою каюту чтобы немного отдохнуть. Когда он закрыл за собой дверь и упал на кровать, его мысли все еще оставались в центральном посту. Тревога о том, как действовать на мели в случае, если заметят старт ракет с «Морского льва», щипала его нервные окончания в мозгу, не давая покоя сознанию. Жутко хотелось расслабиться и вздремнуть, сняв на время усталость, накопившуюся за дни, что «Морской лев» начал форсирование узкого пролива. Но аналитический ум работал, подобно вращающемуся ротору в турбине, извлекая из серого вещества в его черепной коробке информацию о возможных вариантах развития ситуации. Обработывая ее, его мощный вал отметал, как ненужные лохмотья, весь интеллектуальный шлак в виде абсурдных мыслей, накапливая в сухом остатке выпавшие дистиллированные осадки будущих решений.

В тот миг, когда его сознание покинуло пределы внешнего мира, космическое пространство отреагировало моментально, ускорив ход. Планета прибавила пару тактов в хороводе вокруг своей няньки. И точка, после которой начинается завтра, подошла так быстро, что, казалось, секунду назад она была еще так далека, и промежуток между ними был так велик, что хватило бы для того, чтобы хотя бы частично восстановить дряхлеющую плоть. С течением пространства во Вселенной сознание, подобно аккумулятору,

все же успело увеличить свою плотность, отчего его голова отяжелела, приняв условия нового темпа движения мыслей.

Режущая молекулы воздуха звуковая волна из динамика громкоговорящей связи долетела до чувствительного органа слуха Захарова. После ее дешифровки она сказала ему, что этот промежуток уже исчез, растворившись где-то у него внутри, а внешний мир снова звал Захарова, напоминая ему о его необходимости присутствия здесь и сейчас.

- Всем внимание, говорит центральный пост: «Морской лев» в точке старта. Начинаем предстартовую подготовку.

Левый глаз Захарова оказался закрытым, а правый воткнулся в одеяло, на котором лежала его физическая масса. «Это Алферов говорит», - промелькнула вспышка в голове. Не спеша встав, он открыл дверь своей каюты, направившись обратно в центральный пост, а его мозг снова заработал на полных оборотах, охватывая все новые и новые области, не задействованные ранее.

Свет в коридорах поменял цвет на тускло-красный. Двигаясь по нему, Захаров старался воссоздать в своем сознании, как на фотобумаге при проявке, все выработанные ранее решения, и, чтобы их не забыть, он опустил бумагу в закрепитель, где они окончательно обрели законченные формы и отпечатались яркой краской, оставляющей тонкий запах при прочтении.

В красной темноте центральный пост был похож на рождественскую елку: всюду горели разноцветные лампочки и светились - без колющего глаза мерцания - разных размеров экраны компьютерных дисплеев.

- Всем внимание, командир на центральном посту, - объявил вахтенный офицер, как только резиновая подошва правого башмака Захарова вошла в соитие с полом волшебного отсека.

Его кресло, как всегда, пустовало. Первое дело, которое сделал Захаров, когда занял уже насиженное им место, - вывел на центральный экран дисплея компьютера дублирующие контрольные данные системы запуска крылатых ракет. Через секунду-другую появились различные цифры в таблицах и графиках. Посмотрев на них, он убедился, что система запуска включена и идет полным ходом подготовка к работе. Не нужно было вникать в смысл каждого числа или сопроводительного текста: все было достаточно просто. Если какой-то параметр не

соответствовал норме, то цифры его были красные, если состояние, близкое к неудовлетворительному, тогда цифры становились желтыми, а, когда цифровой параметр соответствует норме, они были зелеными. Так же компьютер поступал и с сопроводительной информацией. На верху экрана красовалась надпись «Предстартовая подготовка», и полость в виде прямоугольника постепенно окрашивалась зеленой краской с процентом его заполнения и бегущими назад цифрами, отсчитывающими время до полной готовности системы запуска.

- Выпустить буйки РЛС. Противовоздушному контуру при получении данных немедленно доложить воздушную обстановку вокруг «Морского льва», - скомандовал Захаров.

- Есть, - коротко ответили из контура противовоздушной обороны.

Посмотрев еще раз на контрольные показатели, Захаров пошел в контур противокорабельной обороны, где в данный момент операторы производили тестирование системы наведения крылатых ракет и формировали целеуказания для каждой ракеты. Порядка десяти человек занимались этой задачей, рядышком с ними, в самом углу, сидел Карташов, внимательно проверяя наиболее важные участки работы в подготовке системы старта ракет. Подводя курсор мышки к каждому показателю, он читал появляющийся текст сообщения компьютерной системы, затем он дополнительно задавал какие-то уточняющие вопросы бортовому компьютеру, получая уже ответ в звуковом варианте от «папика» в свои наушники.

Заленский как замкомандира обороны и нападения также был поглощен работой: он контролировал работу операторов, только другого уровня, а именно проверку маршрута полета ракеты, зоны корреляции и точки запрограммированных поворотов. Конечные цели наведения ракет на объекты оставались еще практически не тронуты, но были уже известны из радиограммы: это административные центры и жилой сектор. На компьютерной карте, заложенной в систему наведения ракеты, все объекты поражения выглядели одинаково - квадрат с крестом внутри.

- Внимание, первая ракета - здание администрации Бахрейна, вторая - дворец шейха, третья - рынок, четвертая - жилой район, любое крупное здание, пятая - главный штаб вооруженных сил Бахрейна, - услышал Захаров в своем

наушнике, как Карташов распределяет указанные в радиограмме цели поражения.

Войдя в контур противокорабельной обороны, он молча встал за спиной у Заленского, тот как-то встрепенулся и попытался было что-то сказать ему, но командир знаком руки показал, что тот может заниматься своей работой и не обращать на него никакого внимания.

- Всем внимание: говорит противовоздушный контур, на юго-западе в ста пятидесяти километрах самолет дальней радиолокационной разведки Е-3 «Сентри».

«Слишком далеко, хотя как сказать: у него на борту мощная аппаратура, может заметить», - подумал Захаров, и отдал приказ продолжать слежение.

Между тем «Морской лев» со скоростью в три узла на глубине тридцати пяти метров, чуть ли не касаясь своим брюхом песчаного дна (запас составлял всего пять метров), маневрировал по замкнутой восьмерке, рассчитанной Алферовым так, чтобы к моменту запуска субмарина была точно в точке запрограммированного старта ракет.

- Товарищ командир, первая, третья, пятая ракеты предстартовую подготовку прошли и готовы к запуску, - не скрывая волнения, доложил Заленский, забыв даже встать перед командиром. Но Захаров не обратил на этот факт внимания одобрительно кивнул головой.

- Старт ракет произведем с пятисекундным интервалом, - сообщил, не поворачиваясь, Карташов. Захаров посмотрел на электронные часы, мигавшие на двухметровом экране, отсчитывающие время старта: оставалось семь минут.

- Вторая, четвертая к старту готовы, - сообщил Заленский.

Захаров внимательно следил за экраном его компьютера и видел, как включилась последняя система - система общего тестирования ракет предстартовой подготовки. Проверяя на наличие ошибок или неточностей все электронные системы, запрашивая попутно все датчики, отвечающие за механические участки запуска ракет вплоть до механизма открытия крышек шахт, она проводила последнюю контрольную проверку перед стартом. Весь рабочий персонал контура противокорабельной обороны замер в ожидании результатов теста, дающих зеленый свет к запуску.

Захаров стоял и так же, как и все, дожидался конца тестирования. Наконец, мерцание текста на экране закончилось и появилась надпись большими буквами: **«ПРЕДСТАРТОВАЯ ПОДГОТОВКА ЗАВЕРШЕНА. Введите координаты цели»**. Пять операторов как по команде зацокали кнопками клавиатуры.

- Всем внимание! Говорит командир: открыть крышки шестнадцатой, семнадцатой, восемнадцатой, девятнадцатой и двадцатой шахты, - скомандовал Захаров, а к горлу подступила тошнота.

- Есть открыть крышки шахт с шестнадцатой по двадцатой, - ответил Заленский.

- Внимание, акустик: доложите обстановку!

- Все спокойно, командир.

- Контур противовоздушной обороны у вас как?

- Е-3 «Сентри» чуть приблизился, а так все по-прежнему.

- Хорошо.

На экранах пяти операторов, отвечающих за корректировку и сопровождение ракет, компьютер моделировал реальную работу механизма открытия крышек названных шахт, где находились ракеты, заключенные в капсулы. От вод Персидского залива теперь их отделяла только тонкая мембрана.

- Включить систему выброса ракет, - скомандовал Захаров.

- Есть включить систему выброса ракет, - ответили из противокорабельного контура.

В это время в шахту начала поступать вода. Создавалось избыточное давление. На дисплеях включился счетчик, отсчитывающий время старта. Когда произошло обнуление цифр, лодка вздрогнула, корма ушла чуть назад, но в тот же миг выровнялась - это и был знак о старте первой ракеты.

- Первая ракета вышла из шахты, - сообщил «папик», получив сигнал от системы контроля выхода ракеты из шахты.

- Акустик, что на горизонте? - спросил Захаров.

- Пока спокойно, в тридцати милях от нас (направление шесть часов) в дрейфе стоит английский эсминец.

- Докладывать о малейшем оживлении вокруг нас, - сказал Захаров.

- Есть докладывать о малейшем изменении оперативной обстановки, - подтвердил акустик.

Действительно, первая и все последующие ракеты с пятисекундным интервалом благополучно покинули спину «Морского льва», отчего тот вздрогнул пять раз, уходя с курса, но Алферов и система автоматического управления лодкой постоянно удерживали субмарину от отклонения, возвращая ее огромных размеров корпус на прежнее место.

После выхода ракеты из шахты за ней тянулся двенадцатиметровый фал, связывающий ее с «Морским львом». По истечении пяти секунд он обрывался, снимая с нее ступень с предохранителями, автоматически включался стартовый двигатель, и ракета выходила вертикально на поверхность. Вокруг нее тут же образовывался ореол белого облака, спустя двенадцать секунд ее пребывания в воздухе, находясь на высоте четырехсот метров, отключался стартовый двигатель - отстреливаясь пиротехническими зарядами, он падал в воду. Траектория полета ракеты шла по нисходящей: когда она снизилась до пяти метров над уровнем залива, из ее корпуса раскрылись стабилизатор и консоли крыльев, затем включился маршевый двигатель, и ракета, сориентировавшись в пространстве, перешла на ранее запрограммированный маршрут полета.

Близость «Морского льва» к цели заставила операторов проложить маршрут полета ракеты не кратчайшим путем, а как бы в обход, пересекая по прямой Персидский залив: первый район коррекции был выбран на территории Саудовской Аравии, севернее города Эль-Катифа. Из-за накапливаемых ошибок инерциальной системы во время полета над поверхностью залива первый район коррекции был самым большим по площади - восемьсот восемьдесят два квадратных километра. Через девять минут ракеты, набрав высоту до тридцати метров, вышли на твердую почву и вскоре были уже в первом районе коррекции полета.

С помощью высунутого на поверхность рога-антенны «Морской лев» получал в цифровом режиме картинку носового видеозображения каждой ракеты. В дополнение к этому после включения подсистемы корреляции на центральный пост транслировались сравнительные показатели реального рельефа местности первой зоны коррекции полета под

ракетой и запрограммированных электронных аналогов карт, заложенных в ее подсистему. Таким образом операторы сопровождения каждой ракеты получали возможность проверять и влиять в реальном времени на работу корреляционной подсистемы, корректируя при необходимости маршрут ее полета. Автоматическая коррекция полета крылатой ракеты осуществлялась, когда происходило совпадение трех из четырех показателей высоты реального рельефа поверхности с электронной картой.

- Внимание, ракеты в первой зоне коррекции, - сообщил Карташов, - вывожу картинку показателей на терминалы.

Коррекция происходила за доли секунды, две картинки конвейерной лентой накладывались одна на другую, красным цветом отмечались несовпадения, в верхнем правом углу бежал процент их погрешностей расхождений. Как только система приняла электронную картинку за подлинную, произошло ее определение на местности. Система вывела реальное местоположение ракеты в пространстве и тут же скорректировала дальнейшее направление ее полета с тем, чтобы во вторую зону ракета прибыла именно в точку, ранее запрограммированную оператором.

Вторая зона коррекции находилась также на территории Саудовской Аравии. Если провести от южной оконечности Бахрейна прямую линию, то она как раз пронзит середину второй зоны коррекции, которая расположилась в пустыне Эль-Джафура. Ракеты пролетели мимо городишки Абкайка, устремившись прямо на юг. Площадь этой зоны была намного меньше предыдущей, и исправления осуществлялись достаточно быстро, без предварительных замеров. Второй этап коррекции полета ракет не выявил значительных отклонений от курса, и все пять ракет продолжили свой полет. Выполнив поворот на девяносто градусов, они направились прямо на остров Бахрейн. На конечном участке полета включилась более точная система коррекции полета, и, как только под брюхом у ракет вновь оказалась земная твердь, начался процесс сканирования местности, сравнивались мельчайшие рельефные данные. Впереди, на северной оконечности острова, находилась столица Бахрейна - Манама. Ракеты входили в город с юга, но перед этим они сделали горку, увеличив высоту до ста метров. Включился лазерный радар, и начался поиск цели, а операторы уже

вплотную взялись за работу по определению цели поражения.

- Всем внимание, начинаем конечное наведение на цель, - сказал Заленский, как только городские очертания появились на экранах операторов.

Первой поразившей цель была ракета, направленная на жилой сектор столицы. Оператор запрограммировал первый попавшийся небоскреб на юге города. Появившись на его экране, он тут же попал в систему наведения ракеты; после того, как в головке крылатой смерти произошло опознание, она облетела вокруг сорокавосьмиэтажного здания, вонзившись в него, словно пчела, в районе тридцать шестого этажа, проникнув в самую его сердцевину.

Раздался мощный, оглушительный взрыв, и вся конструкция дома, находящаяся выше проникновения ракеты, рухнула вниз, словно спиленное дерево. Около сотни людей, мирно спавших в это время в своих квартирах, больше никогда не увидели рассвет двадцать первого января тысяча девятьсот девяносто первого года. Но на «Морском льве» этот ужас не ощущался: картинка пропала за секунды до попадания ракеты в железобетонную стену небоскреба. Оператор и Захаров, наблюдавшие за ее полетом, могли только воображать, что произошло в маленьком городишке, находившемся на острове в сотне километров от них.

- Есть, есть! Четвертая ракета! Цель поражена!!! - радостно объявил оператор сопровождения четвертой ракеты.

У Захарова почему-то вдруг пробежали мурашки, и его бросило в холодный пот. То ли оттого, что сильно волновался за проведение операции, то ли мысль о невинно им убитых сотне людей взорвала его мозг. Но виду он не подал, лишь продолжал молча наблюдать за дальнейшим ходом разворачивающихся событий.

На своих экранах операторы самолета ДРЛО Е-3 «Сентри» около восьми минут наблюдали за полетом пяти крылатых ракет, запущенных с «Морского льва». Прозевав старт, они приняли их за иракские тактические ракеты. Отсутствие в этом районе противовоздушного комплекса «Patriot» оставляла им роль стороннего наблюдателя. А вот на английском эсминце зафиксировали старт ракет с «Морского льва», но акустику не хватило уверенности, смело сказать своему командиру, что это был именно старт ракет с

подводной лодки, так как он не понимал, отчего ее отметки не видно на радаре, словно они вышли из пустоты.

А между тем остальные ракеты с поразительной точностью выходили к заданным целям; пролетая над зданиями, они сканировали под собой весь городской ландшафт. Степень разрешения их электронных карт была несравнимо выше предыдущих зон коррекции, и в добавление к этому благодаря цифровым спутниковым фотографиям шло постоянное тестирование получаемого видеоизображения с помощью камеры, расположенной в ее головном обтекателе. При такой постоянной привязке на местности отклонение от маршрута полета составляло всего несколько сантиметров.

- Да-да, третья нашла свое гнездышко, - кричал очередной оператор на «Морском льве», а Захаров только метал свой взгляд с экрана на экран видеотерминалов, а те один за другим сменяли городские картинки на безразличную рябь, констатирующую губительное воплощение в реальность его мыслей об успешном приближении конца операции.

Весь небольшой город Манама с населением не более ста пятидесяти тысяч жителей светился огнем озарения современной войны, принесенным крылатыми ракетами «Морского льва». Кроме жилого дома были сильно повреждены здание правительственной администрации Бахрейна, шикарный дворец шейха, рынок в центре столицы и здание вооруженных сил. Уцелевшие жители города, забыв про ценности ветхого мира, уже стояли на улицах и благодарили Бога за спасение, напрямую почувствовав Его близость к ним.

Запись датирована 24 января 1991 года

- Все, хватит. Уходим, - сказал Захаров, удовлетворившись итогами проведенной операции.

И «Морской лев», чуть прибавив ходу, поспешил покинуть район запуска ракет, направившись на юг, в точку связи. Необходимо было теперь отрапортовать «Центру» о достигнутых результатах и получить, очередное боевое задание.

- Всем внимание, говорит вахтенный: курс один-три-пять, готовность номер три.

Все отсеки «Морского льва» заполнялись ярким белым светом, менялись люди на боевых постах, возобновлялась повседневная жизнь, а Захаров, покинув центральный пост, пошел в баню, чтобы снять ночную усталость.

На английском эсминце в это время связались с американским самолетом ДРЛО Е-3 «Сентри». Переданные с его борта данные перехваченной трансляции с крылатых ракет на «Морской лев» сопоставили с точкой запуска. Проанализировав их, пришли к выводу, что в зоне операции многонациональных сил действует никому не известный подводный объект. Как ответ на их сообщение о сделанных ими умозаключениях из штаба войск, расположенного в Эр-Рияде, поступило указание о плотном морском блокировании Ормузского пролива.

Вместе с «Морским львом» утром двадцать первого января иракские мобильные подразделения тактических ракет класса «земля - земля» произвели ответный ракетный

удар по территории Саудовской Аравии и Израилю. После этого стало понятно, что в ходе массированного воздушного удара многонациональным силам не удалось до конца подавить иракскую военную машину и она, несмотря на причиненный ей значительный ущерб, могла еще огрызаться. Военные аналитики в Пентагоне пришли к выводу, что если сейчас начать наземную операцию по освобождению территории Кувейта, то по ее окончании штаб многонациональных сил может недосчитаться около пятидесяти тысяч солдат. Естественно, такой итог не устраивал ни Конгресс США, ни президента Джорджа (без «W») Буша, поэтому было принято решение продолжать воздушную операцию с целью ослабления иракской военной мощи, снизив только ее интенсивность.

Через пять часов «Морской лев» крадучись добрался до квадрата связи. Восточнее него, в двадцати пяти милях, уже не дрейфовал, а курсировал из стороны в сторону английский эсминец, ведя поиск в активном режиме. Чуть подальше ходила подводная лодка «Лос-Анджелес», которая также вела наблюдение за акваторией Персидского залива.

- Внимание, центральный пост вызывает командира, - прозвучал голос вахтенного офицера.

Захаров сидел в медотсеке у Курехина. Он зашел к нему после бани, чтобы попросить коробку витаминостимуляторов.

- Смотрите, только не увлекайтесь, - предупредил его Курехин, отдавая пеструю коробочку.

- Постараюсь.

- Будьте осторожны с этим, это очень опасно. При таком режиме работы вам все же необходимо найти время для отдыха.

- Найдем, вот только дело сделаем - и тут же бросимся отдыхать, - ответил Захаров.

Он за все это время, как лодка вошла в залив, полноценно практически не отдыхал. Захаров не мог нигде себя чувствовать спокойно, зная, что лодка заперта в мелководном заливе. Ему было везде неудобно и тесно, он словно не находил себе места. Неизвестно откуда появившееся навязчивое беспокойство одолевало и мучило его. Курехин, когда узнал об этом, вообще предложил ему снотворное и отоспаться в медотсеке пару деньков, но Захаров напроочь отказался. «Одна только мысль о том, что

«Морской лев» находится в этой луже в сообществе с десятью-двенадцатью американскими кораблями, мне не дает покоя. Ты что, хочешь, чтобы я уснул и больше не проснулся?» - накинулся он на доктора.

- Нет, я этого, безусловно, не хочу. Командир, вы что, не доверяете своим подчиненным? - спросил Курехин, замечая раздражительность Захарова.

- Почему? Доверяю, но я вам говорю о мысли, которая мне не дает покоя. Вы меня понимаете, или я что-то такое непонятное говорю? - переспросил Захаров.

На морском дне среди песка, врывшись в грунт, раскачивалась движением воды трубчатая актиния - цериантария. Возникшая из затвердевшей слизи трубка-домик служила ей убежищем и надежным якорем, чтобы все беспозвоночное тело актинии не носило по дну моря. Немного наклонившись вперед, она высунула свой, если так можно сказать, твердый, шероховатый из-за прилипших к нему песчинок, обломков раковин моллюсков и игл губок стебель, на конце которого находился похожий на цветок астры с многочисленными лепестками ротовой диск. Поднимался этот цветок над морским дном на пятьдесят сантиметров и, болтаясь по воле волн, он просеивал через свои щупальца воду, задерживая ими всякие органические образования, проплывавшие мимо, и отправляя их по направлению к ротовому диску, где уже реснички, еще более мелкие щупальца, правильно протолкнув искусственно созданным потоком воды найденную пищу в ее чрево.

В спокойном положении, когда актиния ведет сбор пищи, она пышно расцветает, махая своими щупальцами, словно руками, но стоит только какому-то морскому обитателю ею заинтересоваться и на секунду дотронуться до одного из ее лепестков - морской цветок моментально сложит свой телескопический стебель, спрятавшись в зарытой в песок трубке-домике. Только абсолютное спокойствие может гарантировать полную открытость ее красоты, когда она снова вылезет из своего убежища. И, чтобы понаблюдать и полюбоваться ее красивым изумрудно-зеленым цветом с металлическим отливом, нужно держаться немного в стороне, чтобы чувствительные щупальца не уловили вашего присутствия.

- Я вас понимаю, Иван Алексеевич, - сказал как можно ласковее Курехин, пытаюсь успокоить Захарова. - И все же так нельзя: вы замечаете за собой свою раздражительность?

- Да, конечно.

- Это может сыграть с вами очень злую шутку.

- Может, и что? - не принимая всерьез его слова, спросил Захаров. - Я обязан отстоять эту вахту до конца. Понимаешь меня, доктор? - неожиданно для самого себя добавил Захаров, и его глаза уставились на Курехина, буквально пожирая того.

- Командир, это же паранойя, - не выдержав его взгляда, дрожащим голосом сказал Курехин.

- Наверное..., но то, что мы делаем, - это не паранойя, а...? Залезли к черту в задницу и сидим, ждем, когда он

почувствует, что мы там. Так вот, я лично хочу из нее смотреть раньше, чем он нас там обнаружит.

- И долго вы собираетесь в таком режиме работать? Думаете, вас надолго хватит?

- Сколько потребуется. А что, медицина мне может как-то помочь в моем деле?

- Продлить вашу работоспособность?

- Да.

- Командир, вы же не робот... да даже любой машине требуется отдых.

- Человек, доктор, - самая уникальная машина в мире. Никто не знает его возможностей. В том числе и вы не знаете, сколько я выдержу.

- Человек не машина, Иван Алексеевич. Человек - живое существо, и его возможности не безграничны.

- В том-то и дело, доктор, что не просто машина, а сверхмашина. А вот насчет возможностей: естественно, у всего есть свои границы, как, наверное, и у Вселенной. Знаете, доктор, я думаю, человек подобен Вселенной... о ее и о его границах не ведает никто.

- Может быть, конечно, и не знают, но вот границу вашей работоспособности я, кажется, уже предвижу.

- Ну, и где же она?

- Еще день-полтора - и вы, Иван Алексеевич, свалитесь. Коробка не выдержит и отключит рубильник.

- Вы так уверены?

- Да.

- Ну что ж, поглядим... - и Захаров, положив коробку со стимуляторами в карман, вернулся в центральный пост. Проходя коридорами, он встретил Березина: тот как раз только что выспался, и его свежий взгляд быстро заметил опухшие от недостатка сна глаза командира.

- Здравствуйте, Григорий Олегович, - мимоходом бросил Захаров.

- С добрым утром, - сухо ответил Березин и направился к Курехину.

Захаров не стал обращать на него никакого внимания и поспешил в центральный пост.

- Внимание, лодка в квадрате связи, - объявил вахтенный офицер.

- Доложите оперативную обстановку, - уже на подходе потребовал Захаров.

- Докладывает контур ПВО: в нашем районе пять воздушных целей - три F-14 «Томкет», один самолет ДРЛО и один F-18 «Хорнет», удаление ближайшей цели семьдесят километров.

- Хорошо, - усаживаясь в свое кресло и выводя на центральный монитор показания работы станции РЛС, сказал Захаров.

- Докладывает акустик: у меня все без изменений, английский эсминец ведет активный поиск, подводная лодка «Лос-Анджелес» работает в пассивном, дальность до ближайшей цели двадцать пять миль.

- Понятно, а что думает «папик» на этот счет? Ваше мнение, «папа»?

- Какое мнение вы хотите услышать? Пожалуйста, уточните свой вопрос, - ответил бортовой компьютер.

- По поводу проведения радиоконтакта, - пояснил командир.

- Степень опасности восемьдесят пять процентов, радиоконтакт не рекомендуется, в воздухе самолет ДРЛО противника, - сухо ответил компьютер.

«А если он вечно будет тут торчать, что, нам так и сидеть, ждать у моря погоды по твоей рекомендации?» - сказал про себя Захаров. Нужно было что-то решать, но командир не знал, как поступить: быть может, он впервые в жизни оказался сидящим здесь без достойной идеи. Нет, он не то чтобы растерялся или потерял контроль - просто в голову не приходило ничего, она гудела, дышать становилось тяжело, и сосредоточиться на проблеме никак не удавалось.

- Какие-нибудь будут предложения? - спросил вслух Захаров, надеясь зацепиться за коллективное мышление. Но никто на центральном посту не ожидал такого вопроса, и поэтому ответом послужила тишина.

- Иван Алексеевич, быть может, выждем несколько часов? - предложил вахтенный офицер.

- Чего выждем? - спросил Захаров.

- Когда самолет ДРЛО улетит, - ответил тот. В центральном посту послышался смех. Захаров не стал отвечать, а только улыбнулся.

- Считаю, что нужно провести радиоконтакт в импульсном режиме, - сказал, входя на центральный пост, Березин. Смех прекратился, а Захаров обернулся, посмотрев на него.

Старпом подошел к командиру.

- Это вы так считаете, а я так не считаю. Потому что риск перехвата все равно остается. И мало того - остается и риск определения нашего местоположения, - сказал жестко Захаров.

- Что тогда будем делать... Ждать? - сказал Березин.

- Ждать? Чего ждать? Когда нас найдут? Нет, этого не будет. Мы пойдем в запасной район связи. Вот что мы сделаем.

- Но это означает, что нам придется покинуть Персидский залив, - сказал Березин, а приказа на это у нас нет. Не так ли, товарищ Захаров?

- Верно, товарищ Березин, приказа у нас на это нет. Это вы правильно заметили. Но нам все-таки придется это сделать, чтобы обеспечить скрытность пребывания здесь. Если мы сейчас не предпримем попытки незаметно покинуть залив, а вместо этого выйдем на связь с «Центром» - тогда мы рискуем засветиться... и, что еще хуже, уничтожить нас в этой луже проще простого. После этого нам никакие приказы не помогут, товарищ Березин.

- Это все из теории «может быть». Есть приказ, и его точно и в срок нужно исполнить, - спокойно сказал Березин.

- Внимание, контур управления: курс ноль-семь-два. Все, отваливаем отсюда. Повеселились, и хватит, - уже не обращая никакого внимания, сказал Захаров.

- Есть ноль-семь-два, - ответили из контура управления.

- Что ж, как хотите... - садясь в кресло вахтенного офицера, сказал Березин.

- Да, пока я здесь командир, и я думаю, что вправе поступить так, как я считаю нужным, а вас благодарю за совет, - спокойно произнес Захаров. Голова наливалась кровью, словно спелая помидорина. Очень хотелось спать, но уходить он не хотел: напряжение было слишком велико, чтобы заснуть где-нибудь вдалеке, пока лодка будет выходить из залива.

- Всем внимание, «Морской лев» лег на курс, - сообщили из контура управления. Это были последние слова, которые услышал Захаров. Его тело повалилось к правому монитору, не выдержав чудовищной усталости с обесточенным сознанием. Включилась система ожидания. А

голова Захарова нашла себе новый постамент на правом локте его руки.

В течение некоторого времени никто не замечал его отсутствия, пока Березин случайно не повернулся и не увидел глубоко уснувшего Захарова. Немедленно вызвали Курехина. Тот нисколько не удивился и сказал, чтобы его осторожно поместили на носилки и перенесли в командирскую каюту. Захаров при этом даже не шевелился, он лежал практически не шевелясь, его организм отключился, исчерпав все свои жизненные ресурсы. Его путь в белом свете был остановлен, жизнь утекла с остатками осознания собственного «я» сквозь пол центрального поста.

Захаров проспал около двенадцати часов; проснувшись, он повернул голову, и свет из молочного плафона тут же попал на хрусталик его глаза. Первый вопрос, который возник в его голове, был «Где сейчас находится «Морской лев»?», а второе, что его также взволновало после обретения понимания собственной сущности в данной системе координат, - это сколько времени он отсутствовал? Иван Алексеевич попытался встать и тут же ощутил чудовищную слабость, чувствовалась пустота во всем организме. Он, словно выпотрошенная индюшка ко Дню благодарения, лежал на кровати, и остается только засунуть ее в духовку и дожидаться, когда огонь сделает свое дело.

Захаров взял наушники и положил перед собой лежащий на столе ноутбук. Когда он инсталлировал на его экране всю необходимую ему информацию, то все оказалось не так уж и плохо. «Морской лев» был на пути к Ормузскому проливу, а высвечивающиеся цифры в правом верхнем углу экрана, претендовавшие на роль хронометра, подсказали ему о проведенных часах вне падающего света. Через некоторое время к нему вернулся Курехин, он все это время дежурил возле него в ожидании, когда Захаров придет в чувства.

Как только обнаружилось, что Захаров уснул, вся операция по выходу из залива была немедленно остановлена Фирсовым. Положив субмарину обратно в дрейф, он приказал всему экипажу соблюдать полную тишину, и на борту «Морского льва» потекла беззвучная жизнь.

В заливе между тем все было иначе. Командование многонациональных сил уже забило тревогу и готовилось предпринять активный поиск по определению и уничтожению непрошеного гостя в зоне их операции. От

авианосной группировки, находящейся на севере, участвовавшей в воздушной операции, отделились три корабля - крейсер типа «Тикондерога», крейсер типа «Легия», эсминец «Спюриенс» - и одна подводная лодка типа «Лос-Анджелес». В самом Ормузском проливе уже шли активные действия по организации противолодочной обороны: два английских, один французский и один норвежский эсминцы готовились встретить «Морского льва», они были первым эшеленом только что созданного противолодочного рубежа. Американские корабли, расположенные в Оманском заливе, также были приведены в полную боевую готовность. С авианосца «America» типа «Китти Хок» противолодочные самолеты S-3B «Викинг» вели постановку акустических буев, стремясь охватить как можно большую площадь Залива, остающуюся в акустической тени.

Таким образом, «Морской лев» оказался в ловушке. Спустя два дня, после того как к Захарову вернулись его чувства, он пришел в офицерскую столовую. За столом сидели все старшие офицеры, кроме Березина.

- Здравствуйте, командир, - сказал Заленский.

- Да, здравствуйте, - лениво поприветствовал всех Захаров.

- Как себя чувствуете, Иван Алексеевич? - спросил Алферов.

- Неплохо, Алексей Николаевич, - начиная трапезу, ответил Захаров и тут же спросил: - Как настроение у экипажа?

- Да как?! По-обычному, - сказал Заленский.

- И у акустика? - загадочно спросил Захаров.

- Его трудности начнутся потом, а сейчас-то чего беспокоиться, - сказал Фирсов, первым догадавшийся, к чему клонит Захаров.

- А вы откуда знаете, Михаил Петрович, вы же за нашим хвостом следите? - спросил Захаров.

- Да вот некоторые и думают: чтобы сохранить свою задницу, нужно почему-то постоянно следить за ней. А я вот считаю, что нужно не только за ней следить, но и, что в округе делается, замечать. Тогда точно не прозеваешь, что кто-то там даст тебе пинка.

- Значит, мне есть на кого положиться, если я, грешным делом, заболею.

- Мы этого не обсуждаем: время придет, тогда посмотрим, а сейчас чего говорить? Вы, я вижу, в полном здравии, - сказал Фирсов.

- Хорошо, тогда поговорим о деле. Все осведомлены о наших проблемах? - Все молча кивнули. - Как вы думаете, наш реактор выдержит огромные энергозатраты, которые нас ждут впереди?

- Да, это предусмотрено проектом, - коротко ответил Фирсов.

- Сколько у нас будет времени, если, не дай, конечно, бог, реактор выйдет из строя и произойдет потеря мощности?

- Ну, я так думаю... если учесть, что мы будем двигаться на малых оборотах... батарей хватит часов на шесть.

- Неплохо, хотя этого недостаточно.

- Можно еще подключить запасной дизель, но вряд ли он выдержит долго нагрузку, - сказал Фирсов.

- Понятно. Сколько у нас, Павел Витальевич, осталось крылатых ракет класса «поверхность - земля» и ракет ПВО?

- «Поверхность - земля» - пять, а для стрельбы по воздушным целям у нас осталось где-то двадцать семь, нужно уточнить.

- Порох пока есть - значит, прорвемся, - констатировал Захаров, взяв стакан компота.

Все остальные, уже закончив трапезу, пошли на выход, оставив Захарова наедине со своими мыслями.

Запись датирована 26 января 1991 года

Захаров вернулся в центральный пост «Морского льва» спустя два дня. Монотонная обстановка, которая царила вокруг, накинула на него халат гостя, и на минуту стало как-то непривычно. Сентиментальные чувства слетели, как только он включился в общую работу умственного процесса субмарины. Когда Захаров ознакомился с оперативной обстановкой, перед ним ясно предстала общая картина, окружавшая его подводную лодку.

За два дня его отсутствия «Морской лев» уже почти вплотную приблизился к первому противолодочному рубежу, выставленному многонациональными силами. Но это Захарова не тревожило - его беспокоило совсем другое: с севера-запада приближались корабли из авианосной группировки, осуществлявшей блокаду иракских портов. Они могли стать своеобразным поршнем в персидском цилиндре, вытолкнув «Морского льва» на свечу зажигания противолодочного рубежа.

Необходимо было прорываться как можно скорей в Аравийское море, и Захаров решил идти на север. Справа, в двадцати милях от «Морского льва», уже успел обозначиться английский эсминец класса «Шеффилд», его вертолет уже всюду рыскал среди зеленоватых бугорков залива.

- Говорит акустик: английский эсминец ведет поиск в активном режиме. Пеленг ноль, дистанция пятнадцать, обнаружены около десяти гидроакустических буев.

- Штурман, сколько глубина под килем? - спросил Захаров.

- Двадцать метров, - тут же последовал ответ от Алферова.

«Морской лев» шел на перископной глубине. Прорыв через противолодочный рубеж на мелководье для обычной атомной подводной лодки был задачей чрезвычайно трудной.

- Сколько нагрузка на систему защиты? - спросил Захаров.

- Двадцать, - ответил Карташов.

Карташов лично следил за состоянием системы поглощения электромагнитных волн, предел постоянной нагрузки составлял около ста.

«Морской лев» продолжал двигаться к качающимся на волнах гидроакустическим буйкам, расстояние между ними составляло около пятнадцати миль, а английский эсминец патрулировал всего в двадцати милях северо-западной от них. Немая беда, которая грозила «Морскому льву», находилась высоко в небе: там, на высоте сотен километров, постоянно появлялись и исчезали спутники слежения многонациональных сил. Способность их разведывательной аппаратуры позволяла им по кильватерному следу определить подводную лодку, вычислив ее скорость и курс. Это была скрытая и самая опасная угроза для «Морского льва», так как никто на субмарине не узнает, если тем, кто за ними ведет охоту, станет известно их местонахождение. В этом случае нападение последует неожиданно, а на мелководье это равносильно мгновенной смерти. И для этого не требовалось проводить каких-то специальных маневров с привлечением мощных противолодочных сил - субмарину Захарова мог потопить любой самолет, произведя мало-мальски точное бомбометание. Нервы вновь дали о себе знать: вытянувшись в струну, они царапали материю мозга.

- Внимание, контур противовоздушной обороны. Выпустить еще два РЛС-буйка, - приказал Захаров. Он хотел знать как можно больше о том, что находится над его головой. И если хоть один самолет многонациональных сил приблизится на расстояние запуска ракеты, он не задумываясь отдаст приказ на поражение.

- Нагрузка сорок децибел. Имеет тенденцию к постоянному увеличению, - сообщил Карташов.

«Морской лев» шел на сближение с гидроакустическими буйками, зона акустической тени давно

уже кончилась, и теперь установленные на них микрофоны жадно ловили каждый звук залива.

- Расстояние до ближайшего буйка около восьми миль, - сообщил акустик, работавший на отдельном гидроакустическом радаре узконаправленного действия со сменной частотой излучения.

Наступило тяжелое ожидание, английский эсминец по-прежнему патрулировал свой район, не подавая ни малейшего интереса к тому месту, где шел «Морской лев». Но в следующую минуту произошло то, что не на шутку встревожило Захарова.

- Всем внимание, говорит контур противовоздушной обороны: вертолет с английского эсминца зашел к нам в хвост, дистанция не больше мили.

Действительно, остроносый вертолет «Линкс-НАS.2» совместного производства Франции и Великобритании зашел в хвост «Морскому льву» и начал опускать гидроакустическую антенну.

- Внимание, говорит командир: штурман, самый малый ход. Всем в отсеках соблюдать тишину, - последовал приказ Захарова.

Он знал: единственно, как могут сейчас засечь его субмарину, - так это если акустики, сидящие на вертолете, услышат шум работающего винта «Морского льва». Но на вертолете королевского флота ее Величества акустики не уловили никаких звуков, характеризующих присутствие в районе поиска подводной лодки. Вместо этого всех удивил повышенный магнитный фон в этом районе. Он не мог быть твердым свидетелем присутствия подводной лодки, так как его уровень все же был для нее слишком мал, но и на обычное магнитное поле также было мало похоже. Загадочным образом магнитное поле пульсировало, словно оно дышало, изменяя свои характеристики. Эта аномалия их заинтересовала, и вертолет, пролетев в сторону «Морского льва», сделал еще один замер. Когда из контура противовоздушной обороны Захарову сообщили об этом, сиденье кресла под ним начало потеть, а рукоятки его подлокотников становились уже.

- Стой, стой, Иван. Не уйдешь. Ах, ты, дрянной мальчишка!

Мальчик лет девяти вбежал, хлопнув дверью, в старый дом. Его глаза жадно шарили по всей комнате, а мозг лихорадочно искал направление дальнейшего движения. Угрожавшая ему опасность в лице мужика лет пятидесяти шла за ним, ковыляя не спеша, но в его сознании она мчалась со скоростью

пассажирского поезда, толкая его на принятие очень быстрых решений. Ноги понесли в следующую комнату в надежде, что она найдет место, где ему спрятаться. Но и в ней он также не нашел для себя успокоения.

Можно было бежать еще в одну комнату в попытке получить у нее подавание спокойствия. Но взгляд зацепился за лестницу, ведущую вниз. Жгучее желание куда-нибудь пропасть, скрыться, зарыться, сгинуть на время с этого света повлекло его туда. Туда, в неизвестный мрак интимной жизни комнат старого дома.

В это время дверь хлопнула от проникновения еще одного гостя. Мальчик хорошо знал, кто это. Это был его пьяный отец, который хотел изловить Ивана и наказать за то, что тот не хочет бежать в ларек за пивом. Кара за невыполненный приказ отца была страшная, и он это прекрасно знал. Иван помнил, как в прошлый раз за неповиновение огромный кулак отца приложился к его голове. Провал во времени и бесконтрольное перемещение в пространстве - вот чем закончилась его акция протеста. В этот раз мальчик был начеку, и, как только отец снова захотел сделать из него доставщика пивных бутылок к своему ненасытному чреву, Иван, крикнув в ответ что-то оскорбительное отцу, выбежал вон.

Спустившись на дно темного подвала, сталкиваясь лицом с липкими паутинками, мальчик, освобождая от них себя на ходу, бежал подальше от приближающегося голоса отца.

- Иван, ты где? - прямо с порога заревел тот раненым львом.

В эту минуту все звуки в ушах мальчика сливались воедино, и он слышал только свое дыхание.

- Иван, ты где? - повторил свою попытку здоровяк.

И снова в ответ он получил тишину; только скрип дерева, расшатывающегося на ветру дома, пытался ему что-то сказать. Но расшифровать их послания он не мог и, быть может, поэтому пошел размеренным шагом осматривать комнаты в поисках беглеца.

Иван, тем временем пробежав весь дом, насквозь и уперся в стену. Убежища не было найдено, и мальчик, прильнув щекой к деревянной стене, услышал весь дом. На фоне поющего на ветру дерева его слух испытал на себе режущие звуки скрипа прогибающихся под тяжестью досок. Они не пели - они стонали пронзительным хрустом постоянно меняющейся их кристаллической решетки.

Мальчик в страхе отдернул ухо. Посмотрел вокруг. Темнота, сидевшая в каждом углу, не внушала доверия на счастливое прибежище. И он снова отправился на поиски. Куда-то свернув мимоходом, Иван заметил, что коридор стал уже. Пробежав еще вперед и преступив границу следующего помещения, он снова обнаружил, что оно было уже предыдущего. Страх усилил свое влияние. Собрав последние силы, мальчик продолжил движение в этом лабиринте.

Следующая остановка была, когда Иван услышал голос отца:

- Ах, ты, сучонок, я же все равно тебя найду, лучше сам выходи!

В это время отец находился как раз прямо над ним. Услышав голос отца, Иван замер на секунду, и на этот миг его жизнь слилась с дыханием. На мгновение ему даже показалось, что он весь только и был этим дыханием. Но память и страх ненадолго оставили его в этом волшебном состоянии, и уже в следующую секунду они нажали на кнопку «Play», и поиск убежища возобновился. Очередной, еще более узкий коридор, завел его в тупик, подарив как спасение стоящий у стены старый шифоньер. Иван не раздумывая открыл дверцу и полез вовнутрь,

рассчитывая, что чудом найденный платяной ящик укроет его от нависшей над ним беды.

Спокойствие не пришло: в ящике висели старые платья, Иван зарылся в них, едва не чихая от пыли. В голове надували воздушные шары, а его дыхание сделалось горячим. Образовавшаяся пустота в сознании вытесняла весь накопленный багаж за его короткую жизнь. Именно пустота служила хорошим проводником звука, и первое, что он услышал, было биение его сердца. К нему приблизились томные шаги тяжелых ботинок отца, поднимавшие жалобный плач трухляющего дерева дома.

Отец, обойдя все комнаты, наткнулся на лестницу, ведущую вниз.

- Ага, так вот ты где, - обрадованно прохрипел он, спускаясь по ступенькам.

Мальчик, услышав приближающийся голос отца, начал ерзать в шкафу, пытаясь втереться в его стенку. В деревянном гробу, заполненном старой одеждой, было тесно и душно. Разгоряченная кожа Ивана всюду покрылась росой. Одна ее капелька спустилась со лба, попав ему прямо на язык. Сглотнув ее, мальчик почувствовал всю соль своего положения.

- Ну, и темно же здесь. Иван, черт тебя раздери, где ты тут? Лучше сам выходи, а то, если тебя сейчас найду, ни одного живого места на тебе не оставлю. Отдеру как сидорову козу. И-в-а-н!!! Стервец, - проорал отец.

До мальчика долетели слова отца, и он от каждой его угрозы вздрагивал, наклоняя голову, держась за уши руками, чтобы его не слышать. После этого вдруг наступила практически сквозная тишина, при которой можно было даже услышать, как копается в земле дождевой червяк. Мальчик затаился, перестав от страха даже дышать. И в этот промежуток он снова услышал знакомый, пронзающий насквозь его голову звук отцовских шагов. Иван, еще пуще испугавшись и чтобы не слышать убийственного шарканья подошвы ботинок о землю, засунул голову между колен. Однако звук шагов не уменьшился, а только нарастал. Иван своей кожей даже чувствовал за дверью шифоньера вонючее, все в поту, разившее перегаром тело отца. Дверь, издав проникновенный скрип, открылась.

- Иван, - кто-то позвал из глубины. Захаров обернулся на зов, но вокруг никого не оказалось.

Бросил снова взгляд на левый монитор, на котором отмечалось движение вертолета; в его голове закрутился вопрос: «Заметили или нет?»

А среди команды акустиков, сидящих в это время в контуре противолодочной обороны, росло нервное напряжение: все знали из доклада о том, что за ними уже ведется охота с противолодочного вертолета. Неизвестность и усталость от работы без перерыва предыдущих дней давала о себе знать. У старшего из команды гидроакустиков, капитан-лейтенанта Лузина, не выдержали нервы от спокойного поведения эсминца и отсутствия ответа на вопрос: что делает здесь среди гидроакустических буев, вертолет? Его лопасти с бешеной скоростью наматывали нервы Лузина, который, так же, как и Захаров, но только еще острее в силу специфики своей работы, которая на него

возложена, чувствовал все происходящее вокруг. В голове уже кружились странные мысли, и новые, новые вопросы вонзались в его уже и так покалеченное бесконечным ожиданием сознание. «Быть может, где-то притаилась подводная лодка многонациональных сил и скрытно наблюдает за нами, а мы ее не слышим?» - спрашивал он себя.

Лузин не раз уже выхватывал наушники у своих подчиненных, проверяя сам, все ли так спокойно там, в светло-зеленых водах таинственного залива, который уже начал превращаться для экипажа «Морского льва» в темницу. Но нет - его острый, а в какой-то момент даже обостренный слух ничего не находил. И мало того - он даже не мог зацепиться за хотя бы маломальское сходство с шумами подводной лодки. Напротив, все в округе отзывалось какой-то зловещей тишиной, в которой притаился его страх.

- Акустик, что с эсминцем? - раздался в наушниках Лузина вопрос Захарова.

- Ничего. По-прежнему пашет носом волну в своем районе, а вот где подводная лодка притаилась, я не знаю.

- Что вы имеете в виду, товарищ Лузин? - спросил жестко Захаров.

- Ничего не имею: все хорошо, пока нас не накроют в этом тазу. А нас точно угробят здесь, я уверен. Ты что, думаешь, я не понимаю, что происходит, товарищ Захаров, нас же нарочно завели сюда...

- Товарищ Лузин, прекратите панику, - приказал командирским тоном Захаров, а сам встал и пошел в контур противолодочной обороны.

- Это не паника, командир, это чувство смерти, которая идет к нам, вот только ее шагов я еще не слышу, все диапазоны перебрал, а все равно не слышу, но я точно знаю...

Дальше он договорить не успел: к нему подошел Березин и одним движением руки сорвал с его головы наушники и в следующий момент воткнул ему в бок шприц с огромной дозой снотворного. Лузин в ту же секунду покосился и рухнул ему на руки. В этот момент появился Захаров.

- Что с ним, Григорий Олегович?

- Ничего, просто спит. Устал, наверное. Внимание, вызываю команду охраны «Морского льва»... Иван

Алексеевич, да помогите же мне, я сейчас вместе с ним упаду.

Захаров сначала застыл, не зная, что и предпринять, по инерции думая совсем о другом. Но потом игла его собственного «я» перешла в плоскость сложившейся ситуации, и он включился в оценку происходящих действий.

- Да-да, сейчас, - подтвердил Захаров аналитическую работу своего мозга. И взял Лузина за корпус с другой стороны.

Рядом сидящая команда акустиков полностью проигнорировала всю разыгравшуюся сцену. Так было заведено на «Морском льве»: во время операции никому не разрешалось покидать свои рабочие места без команды. Поэтому пять спин превратились в холодную стену, около которой стояли Березин и Захаров, держа под руки спавшего мертвым сном Лузина. Прошло немного времени, и в контуре противолодочной обороны появились шесть здоровых мужиков, они взяли Лузина, и как перышко понесли его в медотсек.

Захаров еще полностью не овладев ситуацией, тут же назначил старшим матроса второй статьи Воронова. Повернувшись к Березину, он снова спросил, что тот сделал с Лузиным.

- Иван Алексеевич, во-первых, сейчас идет операция - идите и руководите ею, а во-вторых, это уже не ваша компетенция, вспомните про инструкцию, - отрезал Березин.

Захаров что-то хотел сказать, но потом передумал: чувство профессионального подводника взяло верх, и он, пообещав себе вернуться к этому инциденту и выяснить все, вернулся на свое место.

«Быть может, они получили какие-то сведения со спутника и теперь их проверяют?» - подумал Захаров, уже совсем забыв про Лузина. Нелегкие секунды закалили на чувствительные окончания всех систем, обеспечивающих жизнь его организма. «Что с вертолетом? Что с вертолетом? Что с вертолетом?» - вертелся вопрос, не дававший покоя. «Если сейчас мы прихлопнем этого комара, что жужжит у нас за левым ухом, поднимется такой кипишь, что мы отсюда живыми точно не уйдем. А если промедлим и он учует нашу задницу, то вдует нам две свои торпеды по самые колокольчики, и тогда мы будем лететь впереди планеты всей», - подумал Захаров.

- Внимание, контуру противовоздушной обороны подготовить ракету к пуску, - приказал Захаров

- Есть подготовить ракету к пуску, - тут же ответили.

- Контуру противолодочной обороны подготовить две торпеды ускоренного запуска для отражения возможной атаки, - скомандовал Захаров. «Так, теперь посмотрим, чья задница засверкает первой», - подумал Захаров.

Вертолет между тем передал полученные сведения на эсминец с просьбой разрешения дальнейшего исследования обнаруженной аномалии. Но ответ не порадовал их любопытство: им было приказано отправляться в другой район поиска.

Очевидно, командование эсминца посчитало малоэффективным держать вертолет рядом с гидроакустическими буйками, когда на юге-западе целый район оказался открытым. Но вертолет ее Величества, перед тем как подчинился приказу, пролетел еще немного на восток, сделал еще одно опускание гидроакустической антенны, производя замер магнитного поля. Акустики снова подтвердили наличие магнитного поля, несколько большего, чем должно быть в этом районе, но недостаточного для того, чтобы говорить о присутствии здесь подводной лодки, да и зона зависания вертолета уже просвечивалась электромагнитными лучами. И если бы субмарина находилась здесь, то на эсминце уже знали бы об этом. Но какой-то физический объект здесь точно был - вот только что: затонувшая посудина с каким-то грузом или это простой фон от работающих гидроакустических буйков; возможно, что один из них даже вышел из строя. Хотя это было маловероятным, так как все показания их работы свидетельствовали о полной исправности.

- Вертолет уходит, - сообщили из контура противовоздушной обороны.

А «Морской лев» уже вошел во вторую зону освещения гидроакустических буйков. Благодаря тому, что их работа шла в активном режиме, на экране у гидроакустиков «Морского льва» они тут же все высветились зелеными точками, и Алферов без труда проложил курс субмарины с таким расчетом, чтобы как можно дальше они находились от нее.

Когда эсминец Королевского флота ее Величества и гидроакустические буйки остались далеко позади, «Морской

лев» оказался у входа в Ормузский пролив. На один час была объявлена проверка работы всех систем защиты. Когда тестирование не выявило никаких сбоев в системах защиты и поиска противника, «Морской лев» проснулся от временной дремоты и продолжил движение. И с первых же метров пути в Ормузском проливе голос старшего команды акустиков матроса второй статьи вновь потревожил слух Захарова.

- Всем внимание! Говорит акустик: обнаружена атакующая подводная лодка типа «Лос-Анджелес». Контакт неустойчивый.

На глубине восьмидесяти метров в трех милях от «Морского льва», почти касаясь дна брюхом, полз десятиметровый цилиндрический корпус SSN-721 «Чикаго». Она выдвинулась далеко вперед, чтобы попытаться встретить неизвестный подводный объект раньше, чем он уловит невидимые лучи электромагнитных волн, излучаемых кораблями второго эшелона противолодочного рубежа многонациональных сил. Это была именно та подводная лодка, которая встретила им при входе в Персидский залив. Теперь все было иначе и намного сложнее: она уже ждала их, и поэтому акустики очень внимательно слушали воды пролива, находясь практически на самом дне. Маневр предстоял очень сложный: пролив был настолько узок, что не представлялось никакой возможности обойти ее стороной, и к тому же отсутствовала шумовая завеса в виде судна-склада. Поэтому вероятность акустического контакта возрастала с каждой секундой, даже несмотря на повышенную скрытность подводной лодки.

«Морской лев» шел практически по течению на самом малом ходу, так же, как и «Чикаго», которая в данный момент была повернута к ним хвостом, едва касаясь брюхом дна. Наверное, это была удача, что «Лос-Анджелес» продемонстрировала им свой винт: окажись ее расположение относительно «Морского льва» по-другому, неизвестно, кто кого бы мог раньше заметить. В центральном посту «Морского льва» установилась абсолютная тишина, Захарову казалось, что он даже слышит, как забортная вода трется о корпус его субмарины.

- Контакт с АПЛ «Лос-Анджелес» потерян, - неожиданно сообщил старший команды акустиков Воронов.

Внутри Захарова оборвалась леска надежды.

- Смотри, смотри: берет. Подожди, пусть еще разика два потербит, - сказал отец сыну, глядя на поплавок, который беспокойно закачался из стороны в сторону.

- Наутоп взяла, тащи быстрее.

Действительно, пластмассовый бочонок ушел на несколько сантиметров под воду. Мальчик тут же начал скручивать леску, подтаскивая рыбу к себе.

- Подсекай ее. Что, тяжелая?

- Ага, - ответил восьмилетний паренек, впервые в своей жизни поймав такую рыбку.

- Килограмма на четыре, наверное, потянет, - решил отец, наблюдая, как сын осторожно подтягивает рыбку к берегу. А та даже и не собиралась поддаваться и водила леску из стороны в сторону.

- Смотри, леску не порви. Дай-ка я сейчас тебе помогу.

И отец взял удилице из рук сына, и тут же, как только опытная рука рыбака прикоснулась к нехитрому приспособлению для ловли рыбы, оно приросло к нему, став его чувствительным продолжением, сообщив ему приметы поповшей на крючок рыбины.

- Здоровая рыбка попалась, - сказал отец, обтирая выступивший пот от волнения.

А мальчик продолжал пристально смотреть на воду, в то место, куда уходила леска. Но тут – бац! – и нейлоновый проводок, который связывал его отца с рыбой, оборвался.

- Опс, - сказал мальчик и присел, прикрыв рот ладошкой, а его глаза были полны растерянности.

Та неведомая сила, державшая крючок, растворилась в темно-синих водах реки, и теперь нужно было начинать все заново. Снова и снова, как это было уже не раз, надеяться на удачу. И если судьба снова даст тебе шанс, ты уж точно перехитришь ее и успеешь поймать рыбку, прежде чем она съест наживку на твоем крючке и бесследно скроется в недоступной синеве.

«Чикаго» никуда не ушла - она просто изменила немного свой курс. Сама того не подозревая, лодка готовилась зайти в тыл «Морскому льву» и отрезать ему путь к отступлению. Потеря контакта погрузила Захарова в темноту, в которой приходилось идти на ощупь.

- Говорит командир: курс ноль-два-ноль, - скомандовал Захаров, решая идти на сближение с «Лос-Анджелес», а та, в свою очередь, все больше и больше поворачивала на юг.

- Акустик, что с контактом? - спросил Захаров.

- Контакта нет, товарищ командир, - ответил старший команды акустиков.

- Воронов, найди ее мне, слышишь меня, найди ее, иначе она нас найдет, - почти взмолился Захаров. А на ум пришли последние слова Лузина о смерти. Но Захаров попробовал отмахнуться от этого, списав его слова о приближающейся смерти на совпадение, и тут же возник вопрос от лукавого: «А если нет? Тогда что?» Ожидание неизвестности и тишина центрального поста сильно давили

на психику. В это время «Чикаго» завершала разворот, теперь ее отделяло от «Морского льва» не больше полумили. И тут ее акустик воскликнул:

- Внимание, командер! Сообщение с санара. Есть контакт. Идентификация затруднительна, похоже на мини-субмарину. Дистанция шестьсот ярдов, курс ноль-двадцать, скорость определить пока не можем. Движение очень, очень тихое.

«Морской лев» двигался по-прежнему в том же направлении, а перед Захаровым стояла непростая задача: либо искать исчезнувшую со звукового горизонта «Лос-Анджелес», либо продолжать прорыв из залива.

- Акустик, что с контактом? - снова спросил Захаров.

- Контакта нет, товарищ командир, - сухо повторил Воронов.

- Внимание, говорит бортовой компьютер: получены данные с сенсорных датчиков системы предупреждения внезапного нападения.

Захаров впился в монитор, кликнул мышкой по табличке с надписью «**ИНФОРМАЦИЯ**». После этого побежала строка: «За кормой обнаружено присутствие неизвестного сверхтихого объекта». «Вот она, голубушка», - промелькнуло со сверхзвуковой скоростью в сознании Захарова.

- Всем внимание: полный поворот, курс два-шесть-три. Алферов, всплываем под перископ, - с воодушевлением сказал командир. Словно свет включили, и теперь стало понятно, как дальше действовать, и сердце застучало ровней. Сориентировавшись в трехмерном пространстве, капитан «Морского льва» уже знал, что ему следует сейчас предпринять.

- Команде акустиков сосредоточить внимание на сектор от двухсот двадцати пяти до ста тридцати пяти градусов, - сделал автоматически замечание Захаров. - Кстати, проверяли ли звук по трехмерной решетке?

- Нет, - после долгой паузы ответил Воронов.

- Все понятно, можете идти отдыхать и пригласите вторую смену. Всем внимание: мы возвращаемся в залив, - сказал Захаров.

Начав разворот и одновременное всплытие под перископ. Шумы винтов «Морского льва» тихо и бесследно растворились среди других шумов пролива, акустики

«Чикаго» навсегда потеряли их. Сколько потом они ни пытались возобновить контакт, все было напрасно. И тем не менее этого хватило, чтобы подтвердить возникшие подозрения о присутствии неизвестного подводного объекта в зоне проведения операции многонациональных сил и сосредоточить в Оманском заливе и Ормузском проливе достаточно большие противолодочные и авиакосмические силы для усиленного поиска незваного гостя.

Запись датирована 28 января 1991 года

«Морской лев» беспрепятственно вернулся в исходную точку, к иранским берегам, и лег на дно, застыв на месте. Первая смена уступила второй свои места, и та занялась контролем скрытого нахождения «Морского льва». При приближении любого корабля многонациональных сил, ведущего поиск в активном режиме, акустики быстро фиксировали работу его гидроакустической станции, и тогда лодка поднималась к поверхности. Когда же обнаруживался пассивный поиск противолодочными вертолетами или

проходившей рядом с ними подводной лодкой - тогда «Морской лев» менял свое положение в водах залива, опускаясь на дно.

Захаров сидел, планируя режим занятий экипажа на десять дней: это время должно стать для него неким провалом в реальности, так как пришлось только пассивно выждать его истечения. С помощью этого режима практических занятий для всего личного состава «Морского льва» он надеялся не только абстрагироваться от появившихся навязчивых мыслей, доставлявших ему немало беспокойства, но и проверить уровень боевой готовности каждого члена экипажа. К нему подошел Березин.

- Товарищ Захаров, почему мы вернулись обратно? - спросил Березин.

- Потому что экипажу нужно отдохнуть, снять напряжение, - не поворачиваясь, ответил Захаров.

- Какое напряжение? Они на службе, вот вернутся на базу - там и отдохнут, - сказал старпом.

- Товарищ Березин, мы в походе уже больше пяти месяцев, причем не просто в походе, когда лодка находится в плавании и служба кажется монотонной, а мы участвуем в боевых действиях, и здесь мы можем вообще-то погибнуть. Это, товарищ Березин, двойная нагрузка. Может быть, вы здесь чувствуете себя как на прогулке, пассажиром класса люкс, но весь экипаж работает в полную силу, особенно первая смена. Она последние четыре дня несла вахту по двадцать часов.

- Это не предлог: мы уже давно должны были выйти на связь и доложить о результатах стрельб и получить новое задание. А по вашей вине мы до сих пор этого не сделали.

- Послушайте, Березин, мы не на учениях, на нас охотится около двадцати пяти противолодочных кораблей, включая подводные лодки, я даже при всем своем желании не могу выйти на связь... Вы что, хотите умереть? - уже повернувшись, выстрелил вопросом Захаров.

- Умереть... почему умереть, я не хочу умирать, - сраженный неожиданным вопросом, пробубнил, запинаясь, Березин, - у нас разве не ультрасовременная подводная лодка?

- Какая?

- Ультрасовременная... Ну, практически неуязвимая.

- Да, у нас современная, самая лучшая, наверное, в мире подводная лодка, но тем не менее мы сейчас загнаны в ловушку, выход из которой закрыт. Наша лодка была бы, как вы выразились, ультрасовременной, если бы она чудесным образом могла исчезать в одном месте и появляться совершенно в другом. Но наш «Морской лев» пока не может этого сделать.

- Сколько мы будем стоять?

- Десять суток.

- Все равно. Стоять на месте десять дней. Это тоже угроза для нас, потому что они рано или поздно нас найдут.

- Не найдут, положитесь на меня.

- Почему так долго - целых десять дней?

- Потому что я так решил, - повернувшись к экрану, демонстрируя свое нежелание дальше продолжать разговор, сказал Захаров.

- Мы не можем так долго стоять на месте, я предлагаю вам дать на отдых экипажу не больше трех суток.

- Согласен, только за акустика сядете вы. Кстати, что случилось с Лузиным? - вдруг вспомнил Захаров.

- С ним ничего не случилось. Лежит в медотсеке. Отдыхает.

- Я знаю, что он в медотсеке, но что с ним произошло тогда? Почему он вдруг упал без чувств?

- Он не упал без чувств - я ему вколол снотворного, и он заснул.

- Зачем?

- У него был невроз.

- Кто вам сказал?

- Курехин.

- Когда успел?

- Что «когда успел»?

- Когда успел Курехин вам сказать про невроз, если я сразу же подошел к Лузину?

- Это он потом мне сказал.

- Тогда какое право вы имели вколоть ему снотворное, когда шла боевая операция? Вы хоть немного подумали, что делаете?

- Подумал: в инструкции так именно и записано - параграф пять, четвертый абзац «Действия при обнаружении невроза».

- Но вы-то откуда знали, что у него невроз? Может, он успокоился бы через несколько минут?

- Я прошел специальную подготовку.

- Так, - Захаров снова повернулся к Березину, - и долго он будет в мед- отсеке?

- Достаточно. Я думаю, дней пятнадцать.

- Скажите Курехину, чтобы через десять дней поставил его в строй. Он мне нужен, он лучший акустик, и без него я не начну выход из залива.

- У нас есть и другие акустики, и не хуже его. Почему вы так уверены в нем?

- Потому что я его назначил старшим команды акустиков первой смены.

- А если Курехин поставит его на ноги через три дня, то мы тронемся с места раньше?

- Не знаю. Мне нужно пройтись по отсекам, посмотреть, как самочувствие всего экипажа, - тогда я решу окончательно.

- Мне бы хотелось, чтобы мы обговорили это, - настаивал Березин.

- Нет, это я сделаю сам - ЭТО МОЯ КОМПЕТЕНЦИЯ. Вы меня понимаете? - сказал Захаров, пристально глядя в глаза Березину.

- Ладно, - буркнул обиженно тот и пошел к Курехину, а Захаров вернулся к списку занятий.

Прошло два дня, и в течение этого срока Захаров ни разу не заходил на центральный пост, оставив «Морского льва» на попечение Алферова и Фирсова. За это время он выспался, освободившись окончательно от сдавливающего его сознание чувства беспокойства. И на утро (по московскому времени) двадцать восьмого января было запланировано собрание всех командиров отсеков и старшего офицерского состава. Перед этим Захаров решил пройтись по отсекам и в разговоре с рядовыми провести своеобразную инспекцию их самочувствия. Но в первую очередь он направился в медотсек, чтобы увидеть Лузина, с которым он чувствовал какую-то невидимую связь и без него Захарову очень не хотелось начинать никаких новых прорывов.

Проходя мимо открытой двери лазарета, Захаров, не увидев Курехина, прошел в отсек, куда был помещен Лузин. Зайдя к нему, он обнаружил, что тот лежит на кровати на голубом шерстяном одеяле, отвернувшись к стене. Захаров

долго вспоминал, как зовут Лузина, но, так и не вспомнив, начал, как всегда.

- Здравствуйте, товарищ Лузин, - кашлянув для обозначения своего присутствия, начал он. Со стороны Лузина никакого ответного действия не последовало. Тогда Захаров подошел поближе, чтобы посмотреть, не спит ли он, и, когда нагнулся, Лузин вдруг спросил:

- Зачем пришли, командир?

- Так вы не спите? - отшатнувшись, спросил Захаров.

- Нет, не сплю, - ответил, не поворачиваясь, Лузин.

- Вы хоть бы повернулись тогда... Я вас навестить пришел... - как-то растерянно сказал Захаров, сев на противоположную кровать.

- Мне так лучше, - ответил, снова не поворачиваясь, Лузин.

- Хорошо, - не став настаивать, сказал Захаров. - Как ваше самочувствие.

- Так себе.

- К своим обязанностям когда сможете приступить?

- Как доктор разрешит.

- Ну, это мы сейчас узнаем, а вы-то как сами себя чувствуете?

- Никак не чувствую, я в последние два дня ничего не чувствую.

- Такого не бывает.

- Бывает, если вам слоновую дозу успокоительного вколют.

- Это Курехин сделал? - начал приходить в себя Захаров.

- Я уже не помню.

- С этим я разберусь. Еще вопрос: как вас здесь кормят?

- Хорошо.

- Ну ладно, тогда я пошел, а вы выздоравливайте.

С этими словами Захаров и вышел для того, чтобы найти Курехина. Но его долго искать не пришлось. Как только он покинул пределы лазарета, так сразу же ему навстречу в коридоре попался Курехин. Он шел из столовой, только что позавтракав, надеясь вновь заняться своими записями.

- Здравствуйте, Николай Игоревич, а я вас ищу, - начал ласково Захаров.

- А чего меня искать, я на камбузе был, по расписанию.

- У меня к вам дело, Николай Игоревич.

- Что ж, пойдёмте ко мне. Как ваше состояние? В последний раз вы выглядели плоховато, - решив продолжить свой путь, сказал Курехин.

- Нет, я вам здесь в двух словах скажу, - не обращая внимания на заданный вопрос, остановил он Курехина.

- Хорошо.

- Вы колете Лузина успокоительным?

- Нет, а что? Кто вам такую ерунду сказал? - спросил удивленно Курехин.

- Неважно. Как здоровье Лузина? Когда его можно вернуть в строй?

- Ну, в общем, здоровье его было всегда хорошим, и сейчас он достаточно здоров.

- Тогда почему он до сих пор находится у вас?

- Его психическое состояние у меня пока вызывает некоторое беспокойство.

- Как вас понять? У него ничего не болит, чувствует себя он, как вы сказали, нормально. Тогда что с ним..., скажите яснее?

- У него после невроза произошёл некоторый спад жизненного тонуса, поэтому он частенько переживает в слабовыраженной депрессии.

- И что? - торопил его Захаров: ему очень хотелось добраться до самой сути.

- Если я его сейчас выпишу, боюсь, невроз может снова повториться, поэтому я хочу его немного подержать его в лазарете и привести постепенно в оптимальное состояние.

- Сколько это продлится?

- Не знаю, думаю, около двадцати дней.

- Нет у меня столько времени - я дам вам семь дней. Лузин мне нужен: он лучший акустик на «Морском льве». По истечении семи дней мы начнём прорыв из-за залива. Так что постарайтесь, Николай Игоревич.

- Нет, это невозможно, тогда вся моя работа пойдёт насмарку. На лодке достаточно акустиков, чтобы его заменить. Поэтому прошу вас, Иван Алексеевич, пока не трогать Лузина, дайте ему отдохнуть, - попросил Курехин.

- Давайте встретимся через семь суток, Николай Игоревич, и вернемся к этому разговору, а пока сделайте все возможное... Ну, там, усиленное питание, даже можете нарушить режим... Вы понимаете, о чем я?

- Понимаю.

- Раз понимаете, тогда я на вас надеюсь: мне без Лузина этот прорыв одному никак не одолеть, - сказал Захаров и, не дожидаясь ответа, кивком головы распрощался с Курехиным, направившись в общую столовую, где обедали младшие офицеры и рядовой состав.

Как только он появился на пороге, все находившиеся там люди прекратив процесс поглощения пищи, по команде дежурного по камбузу встали по стойке «смирно». Выслушав доклад дежурного, Захаров дал команду «вольно», и все так же разом сели и продолжили занятие, которым занимались, перед тем как командир «Морского льва» появился у них на глазах. Захаров же осмотрел всех обводящим взглядом, подошел к первому попавшемуся столу, за которым сидела первая смена из торпедного отсека.

- Как настроение, товарищи матросы? - начал вопросом разведку Захаров.

- Неплохо, товарищ командир, - с воодушевлением ответил старший мичман Краснов. - Вот выберемся из ловушки, тогда вообще все будет тик-так.

- Выберемся...?! Но все же..., может, у вас есть какие-то просьбы, не тяжело было последние четверо суток?

- Тяжеловато. Думали, конца вахты не дождемся, - признался матрос первой статьи Меклидзе.

- Ну, сейчас есть время отдохнуть, задержимся здесь дней, думаю, на шесть-семь. Надеюсь, этого вам хватит, чтобы отдохнуть и с новыми силами пройти снова этот марафон, и уж на этот раз мы вырвемся из этой ловушки, - сказал Захаров.

- Да мы уже в принципе готовы, - сказал Краснов.

- Ну, лишний отдых не помешает. Правда? - вставая из-за стола, сказал Захаров.

- Да нет, конечно, только бы нас не нашли за это время, - сказал Краснов, глядя, как Захаров уходит.

- Не найдут, - уже уходя, ответил Захаров, направившись в противоположную сторону для того, чтобы выйти из столовой и оказаться у ракетного отсека.

Проходя мимо ракетных шахт, командир наблюдал, как везде идет работа по проверке и уходу за оружием. Всюду матросы и мичманы спокойно, с важным видом проверяли, чистили различные механизмы. Захарову нравилось, когда на его субмарине все содержалось в чистоте и порядке, и поэтому, сейчас он испытывал большое удовольствие, словно человек, наблюдающий за течением жизни в муравейнике. Маленькие муравьи суетятся, бегают туда-сюда, что-то несут. И, на первый взгляд, эта суета похожа на беспорядочное передвижение насекомых, но если взглянуть, то станет видно, что все здесь упорядочено и каждый муравей выполняет какую-то очень важную работу. Вот так и Захаров: даже встал, чтобы лишний раз зафиксировать свое внимание на каком-то мичмане, который откручивал какую-то гайку, чтобы получить доступ к механизму, скрытому за металлической крышкой. Но здесь все было как-то иначе, нежели на лодках Северного флота. Здесь мичман сидел с портативным компьютером размером с обыкновенную книжку, провод от которого уходил в ближайшую коробочку, называющуюся распределителем компьютерных сетей, держа в одной руке умную машину, а в другой вместо гаечного ключа металлическую палку, которую приставлял к гайке, скрывая ее в своем чреве. Раздавался жужжащий звук, и вот она уже на полу, а мичман говорит в микрофон, сообщая кому-то об открученной гайке.

Все здесь было по-новому, и Захаров до сих пор не мог привыкнуть ко всем новшествам, и каждый раз, сталкиваясь с ними, он по-детски удивлялся. И муравейник не был кучей соломинок и веточек - довольно миниатюрный замок, и муравьи не несли в своих мощных клешнях какие-то соринки. Они ехали на каких-то механических насекомых, похожих на жука с прицепом, в котором лежал груз. И солдаты-муравьи были одеты в армейскую форму, так что их легко можно было отличить от рабочих.

Задержавшись ненадолго, Захаров прошел узким коридором и спустился на первый уровень, оказавшись около переборки, ведущей в реакторный отсек. Постояв немного и подумав, идти дальше или вернуться и понаблюдать, что творится в отделении ракетного отсека, где хранится весь запас ракет, он вдруг услышал, как по громкоговорящей связи «папик» сообщил о начале сбора в кают-компанию.

Спохватившись, Захаров, посмотрев на часы, повернул обратно и быстрым шагом пошел в кают-компанию.

Открыв дверь, он не увидел той толпы народу, которая уже виделась в его фантазии, - напротив, в уютном помещении расположились на диванах всего несколько человек. Его порыв уже ворвался и распространился по всей комнате, а он еще стоял у порога и даже как-то стеснительно сделал первый шаг, переступив границу благоухающего рая.

- Я вижу, что еще почти никого нет, - зачем-то сказал Захаров, переводя дух спеси на режим ровного дыхания.

- Сейчас, наверное, подойдут, - сказал капитан-лейтенант Нилин, командир группы турбинистов.

И действительно: не успел он закончить фразу, как дверь открылась и один за другим вошла целая группа офицеров. Кают-компания сразу заполнилась их голосами, кто-то еще живо обсуждал служебные вопросы, не замечая, что настало время совсем для другого. Захаров смотрел на всех с особым наслаждением.

- Здравствуйте, Иван Алексеевич, - поздоровался Алферов, протянув руку для приветствия.

- Да, здравствуйте, - живо уцепился за руку Алферова, - как служба, нет никаких трудностей?

- Да нет, пока все тихо.

- Ну и хорошо.

Только что прибывшие офицеры, рассаживались, не прекращая разговоров. Всего в кают-компанию набилось около двадцати человек. Когда все расселись, Захаров снова всех оглядел, останавливаясь на каждом ненадолго свой взгляд, словно сканировал, - наконец, когда сеанс гипноза был окончен, в кают-компании воцарилась тишина.

- Итак, товарищи офицеры, позволю себе начать наше несколько расширенное собрание, - начав с вступительных слов, обратился ко всем Захаров. - Цель его - выяснить психическое здоровье личного состава «Морского льва». Не секрет, что у одного нашего подчиненного (а точнее, командира первой смены гидроакустиков капитан-лейтенанта Лузина) во время операции случился невроз, из-за чего я принял решение повернуть обратно, отложив наш прорыв из Персидского залива, во избежание подобных ситуаций, которые могут привести к провалу всей нашей операции. Товарищи офицеры, хочу чтобы каждый из вас

доложил о морально-психическом состоянии ваших подчиненных. И еще, кажется, что-то хотел сказать наш врач.

- Да я буквально коротко, Иван Алексеевич. Я прошу упоминать о любых, даже незначительных случаях, потому что впоследствии они могут заявить о себе еще в более тяжелой форме.

На лодке уже разнесся слух о случившемся с Лузиным, и сначала все это обсуждалось во всех отсеках (большинство высказывало сожаление и какое-то удивление, словно с ними-то уж точно этого не может произойти). Вот и в докладах одни за другим вставали командиры отсеков и коротко и четко рапортовали о том, что ничего подобного или близкого к тому не замечали. У Захарова складывалось впечатление, будто его подчиненных спросили о том, не видели ли они пришельцев из космоса, которые появились на «Морском льве». В интонации каждого докладчика невооруженным взглядом присутствовали удивление и некоторый сарказм. Захаров почувствовал себя идиотом.

- Значит, все в порядке? И ни у кого не возникало в течение нашего похода никаких подозрений? Так?

- Да, - хором ответили офицеры.

- Хорошо, но все-таки я хочу, чтобы каждый, перед тем как мы начнем новый прорыв, прошел медосмотр у Николая Игоревича.

- Иван Алексеевич, разрешите обратиться? - сказал старший лейтенант Уваров.

- Обращайтесь.

- Когда мы начнем прорыв? Люди волнуются: мы здесь застряли, не обнаружили бы нас.

- Что значит волнуются? Я же вас только что просил доложить об этом, а вы сказали, что все нормально.

- Иван Алексеевич, лейтенант Уваров хотел сказать, что людей беспокоит долгое нахождение в заливе «Морского льва». Я думаю, что вполне естественно, что они хотят знать о том, когда мы начнем прорыв, - вмешался Фирсов.

- Через семь суток.

В помещении послышался неодобрительный ропот.

- Чего нам сидеть и ждать здесь семь дней: за это время уж точно кто-то сойдет с ума. И мы что ж, снова будем сидеть и ждать? - послышалось из глубины собравшихся.

- Действительно, Иван Алексеевич, может, начнем операцию пораньше? - предложил Березин.

- Нужно проверить всех - тогда и что-то решать, - строго сказал Захаров. - Когда вы управитесь с осмотром? - обратился он к Курехину.

- Я думаю, за два дня всех осмотрю.

- Вот тогда и будем думать когда.

- Но на связь мы можем выйти и сейчас, для этого не нужны акустики, - не успокаивался Березин. - Может, «Центр» рассчитывает на наше нахождение здесь, в заливе, а не за его пределами.

- Я вам говорил уже, товарищ Березин, что это очень опасно, и, пока мы находимся в заливе, я не выйду на связь.

- Не совсем, - сказал лейтенант, старший группы связистов.

- Командир, команду нужно занять хоть каким-то делом, и если выйдем на связь, это даст всем почувствовать, что у них есть ниточка с Родиной, а значит, не все так уж и плохо. Мне кажется, это заметно оздоровит морально-психологическое настроение экипажа, - сказал Фирсов. Захаров был приперт со всех сторон к стенке. Он снова оглядел всех и спросил:

- Кто еще думает так же?

- Я...

- И я так думаю.

- Я тоже согласен с капитаном второго ранга.

Большинство из присутствующих в кают-компании выразили солидарность с Фирсовым. Захаров смотрел на них и не понимал, что происходит. «Либо с ума схожу я, либо все они», - подумал Захаров и посмотрел на Карташова. Тот сидел как ни в чем не бывало, с отрешенным взглядом, словно все происходящее не имело к нему ни малейшего отношения.

- Вот видите, товарищ Захаров, коллектив «за», и его мнение нельзя не учитывать, - жужжал Березин.

- Хорошо, только я за дальнейшее никакой ответственности не несу, - заявил командир.

- Извините, товарищ Захаров, вы здесь командир, вам и ответ держать: если уж даете добро, значит, принимаете решение, а если принимаете решение... - Березин не договорил, как Захаров его жестко прервал.

- Все. Хватит! Выходим на связь, и точка!!! Курехин, мне нужны результаты обследования всего экипажа, и помните: у вас есть только семь дней. (Курехин кивнул

головой.) Ну, все, на этом, пожалуй, закончим. Все свободны. Через два часа выйдем на связь.

Запись датирована 3 февраля 1991 года

Захаров не стал менять место радиоконтакта с «Центром», решив излишне не суетиться и в первый раз за всю свою службу положиться на случай. На поверхность вышла высокочастотная антенна, и с центрального поста началась передача сведений за отчетный период. На удивление, радиокontakt прошел без всяких осложнений, на горизонте не появилось ни одного корабля многонациональных сил.

Шифровка, которая была получена из «Центра» спустя два часа, не обрадовала Захарова. В ней налагалось на него строгое взыскание, а Березину делалось строгое предупреждение за халатное отношение к своим обязанностям, которое привело к опозданию выхода на связь. Новое задание, порученное экипажу «Морского льва», заключалось в нанесении ракетного удара двенадцатого февраля по столице Саудовской Аравии - Эр-Рияду. В целях безопасности наведение ракет на цель теперь должно было осуществляться с помощью спутника. Район, который охватывал спутник, освещая поверхность, был довольно большим и простирался за границы залива.

«Значит, у нас есть еще время, мы можем выйти из залива и за его пределами нанести удар», - подумал Захаров, перечитывая текст задания, где были указаны возможные места запуска ракет.

- Я из-за вас получил выговор. «Центр» давно ждал нашего выхода на связь. А вы попросту испугались, что нас заметят, чего не произошло... В следующий раз я буду вынужден принять жесткие меры, - решительным тоном произнес Березин

- Может, и заметили, но мы этого пока еще не знаем, - ответил Захаров, не обращая на него никакого внимания.

И как подтверждение его слов из контура противовоздушной обороны сообщили о приближении двух противолодочных вертолетов. Действительно, хотя «Морской

лев» и выходил на связь в короткоимпульсном режиме, тем не менее постоянно патрулирующие в заливе самолеты РЭБ сумели уловить их посыл «Центру». Для проверки перехвата были посланы в район возможного нахождения подводной лодки два противолодочных вертолета SH-3H «Си Кинг», а следом за ним самолеты по поиску подводных лодок S-3B «Викинг».

- Всем внимание: объявляю готовность номер один. Контур управления курс два-семь-ноль, скорость семь узлов, - скомандовал Захаров, решая отвести «Морского льва» от места проведения радиоконтакта.

- Есть курс два-семь-ноль, скорость семь узлов, - продублировали в контуре управления, и лодка, начав поворот, заметно увеличила ход, направилась на запад. А во всех помещениях в очередной раз прозрачный свет поменялся на вязко-красный.

Противолодочные вертолеты прибыли в определенный ранее район поиска, когда «Морской лев» был уже на достаточном расстоянии, чтобы не беспокоиться о своей безопасности, но самолеты «Викинг» словно чувствовали нахождение подводной лодки Захарова. Пролетев место, где вертолеты «Си Кинг» производили опускание гидроакустической аппаратуры в воды залива, самолеты начали сбрасывать гидроакустические буйки, буквально обкладывая ими «Морского льва». Один из них приводнился в пятистах метрах от субмарины Захарова. Установленный на пассивный поиск, он тут же выдал на борт обслуживающего его «Викинга» странный спектр шумов, которые исходили от винтов «Морского льва».

Далеко идти на запад было опасно, потому что существовала угроза наткнуться на группировку кораблей, осуществлявших блокаду иракских портов. Также был отрезан путь на юг: где-то там находились корабли многонациональных сил, ведущие охоту за «Морским львом» по всему заливу, - а на востоке располагался противолодочный рубеж. Захаров чувствовал, как его прижимают к иранскому берегу, снова испытав на себе, как рукоятки кресла слегка потирают его ребра. Уходить на север было рискованно, несмотря на то что глубины у берегов были значительно больше, нежели на юге. Но не хитрые маневры, не ускорение движения явилось спасением для «Морского льва», а неожиданное ухудшение погоды.

Ни с того ни с сего налетел сильный поток воздуха, на коже залива появились глубокие морщины. Ветер потерял постоянное направление, закружив на месте, образовав еле различимые воронки. Началась качка около пяти баллов, на центральном посту «Морского льва» она сразу явилась незванным гостем, свалив на пол несколько предметов. Захаров почувствовал на себе, как корпус «Морского льва» словно ожил, от этого он обрадовался и, облегченно вздохнув, подумал о том, что теперь можно будет спокойно раствориться в беспокойных водах залива. Действительно, вылетевшей на поиск «Морского льва» противолодочной авиации пришлось спешно собирать разбросанные ранее гидроакустические буйки, так как их работа в условиях сильной качки была малоэффективна. А противолодочные вертолеты поднимали свои кабель-тросы, возвращаясь на авианосец.

Удачно скрывшись за непогодой, «Морской лев» повернул на юго-восток и, пройдя вдоль иранского побережья, в полдень следующего дня был у островов, крошками разбросанных у входа в Ормузский пролив.

Два дня, которые Захаров дал Курехину, истекли, и он ждал его с докладом. Ровно в девять утра по московскому времени в его каюте раздался стук.

- Да-да, войдите, - пригласил Захаров.

Из-за двери показался Курехин с довольно толстой папкой, а следом за ним стоял Березин.

- Это мы, Иван Алексеевич, - сказал с улыбкой Березин. Его Захаров никак не ожидал увидеть и, поняв, что теперь нормального разговора не получится, лениво отодвинул свой ноутбук.

- С добрым утром, Иван Алексеевич, - поздоровался Курехин, и присел на стул напротив Захарова.

- Ну, что показала диагностика? - полюбопытствовал командир.

- Иван Алексеевич, наша проверка в общем-то еще не завершена... У нас к вам деликатная просьба... - сказал Курехин.

- Какая?

- Мы вас должны проверить, - вставил Березин.

- А меня зачем? - спросил Захаров. - Я что, разве давал повод усомниться в своем психическом здоровье?

- Нет-нет, я просто хотел бы это сделать для полноты результатов, мне же придется потом отчитываться... ну, вы понимаете..., - пытался объяснить старпом.

- А вы проверку прошли?

- Да, конечно. Николай Игоревич, покажите Ивану Алексеевичу мои результаты.

- Сейчас, - сказал Курехин и, раскрыв папку, начал искать результаты обследования Березина.

- А как в целом результаты проверки? - спросил Захаров.

- Неплохо, мы практически можем продолжать нашу операцию, исключая нескольких человек, - сказал Березин

- Что, есть и еще случаи помимо Лузина?

- Нет, есть только симптомы у троих, и все. Ага, вот, нашел, - сказал Курехин и протянул Захарову бумажную папку с надписью «Старпом Березин».

Захаров взял ее и молча начал просматривать, цепляясь взглядом за обрывки слов.

- Хорошо, я потом посмотрю, - пролистав до конца, сказал Захаров. - А как с Лузиным дела? Четыре дня осталось.

- С Лузиным сложнее, - ответил Курехин, - мне пока неясно, не повторится ли все снова, если он будет на вахте, когда «Морской лев» начнет прорыв. Здесь может сыграть плохую шутку его ассоциативное мышление.

- Но он мне нужен, - настаивал Захаров.

- Давайте пока подождем, может, все и образуется... Я еще проведу несколько проверок, и по их результатам выяснится, что я еще и преувеличиваю, - попытался успокоить Захарова Курехин.

- Как хотите, Николай Игоревич, но Лузин третьего февраля должен быть в строю, - подвел черту Захаров.

Он чувствовал, как у него из-под ног пытаются выбить почву. Какая-то странная связь вдруг образовалась между Березиным и Курехиным, и Захаров почему-то был уверен что, если Лузин будет на вахте, тогда прорыв пройдет без осложнений. Но в этом он боялся признаться даже самому себе, так как это выглядело, по его мнению, как-то нелепо со стороны. Из-за своей мнительности Захаров очень часто считался с общественным мнением. Но в этот момент ему были важны его чувства, а не взгляд со стороны.

Березин и Курехин удивленно переглянулись, но, не подав виду, промолчали. Потом доктор пригласил Захарова пройти обследование. Ему ничего не оставалось делать, как только согласиться. Покинув каюту, Захаров и Курехин отправились в лазарет, а Березин пошел на вахту.

Диагностика, затеянная Захаровым, была довольно проста. Исследуемого сажали перед компьютером, предварительно облепив участки его тела сенсорными датчиками. Потом на экране появлялся вопрос, на который нужно было собственноручно написать ответ на бумаге. Вопросов было около ста. Потом тест и рукописные ответы через сканер вводили в компьютер. Шла проверка, затем накладывались данные, полученные с сенсорных датчиков. В заключение это все обрабатывалось программой, и компьютер давал целый веер заключений. Испытуемому предлагалось отклонить, по его мнению, неверные выводы компьютера, оставив только те, которые он считает соответствующими действительности. Эти данные поступали в центральный компьютер, и там супермашина выдавала уже два варианта, из которых Курехин делал выводы о состоянии исследуемого, сопоставляя их со своими наблюдениями.

Через два часа доктор освободил Захарова от всех электронных пут, ограничивающих его движение. Знакомство же с результатами произошло чуть позже, когда Курехин окончательно удостоверился в своих правильных выводах. А Захаров узнал о своей склонности к различного рода маниям. Взяв от Курехина еще одну коробку витаминов и какие-то лекарства, он вернулся к себе в каюту разрабатывать план учений на предстоящие два дня.

Решив не допускать среди членов экипажа «Морского льва» присутствия страха перед внезапной смертью в узком и мелководном заливе, Захаров разработал очень интенсивные тренировки. Уже через три часа была объявлена учебная тревога. Люди работали практически на износ: участвовали в устранении течи в корпусе, предотвращали утечку радиоактивного излучения, перебирали различные вспомогательные механизмы, находили заранее установленные неисправности в системах наведения ракет. На следующий день сидели в библиотеке, изучая историю, физику и литературу, сдавая потом что-то вроде экзаменов. За два дня Захаров так увлекся этим, что, сам того не замечая, совсем не заметил, как время, отпущенное экипажу

на отдых, пролетело со сверхзвуковой скоростью, и уже на утро третьего февраля у него на пороге каюты вновь появились Курехин с Березиным.

- С добрым утром, - сказал, входя, Березин.

- Да, с утром добрым, - ответил Захаров. - Николай Игоревич, как наш пациент?

- В общем, неплохо... - Курехин не успел договорить, как его перебил Березин.

- Да, по крайней мере, он прошел тест, установленный инструкцией.

- Товарищ Березин, вы не даете сказать Николаю Игоревичу.

- Я хотел сказать, что у меня к Лузину нет никаких претензий.

- Так что, Николай Игоревич? - спросил Захаров.

- Ничего, Лузин здоров, только, Иван Алексеевич, я вас очень прошу пока не ставить его на вахту. Пусть пока осмотрится, походит, попривыкнет.

- Длительного отдыха я ему дать не смогу, ну, а... - Захаров посмотрел на часы, - часов шесть у него есть. Кстати, где он?

- Он, наверное, в кают-компании, я его там оставил, - сказал Курехин.

- Хорошо, тогда я пойду с ним встречу, - сказал Захаров и пошел на выход. Сделал он это так резво, что оба не успели ничего сказать. Березин едва открыл рот, но перед его глазами уже оказалась спина Захарова, и он, так и не сказав ничего, вышел вслед за ним. А Захаров, спешно распрощавшись, покинул их и в самое короткое время добрался до кают-компании, где действительно он увидел одиноко сидящую фигуру Лузина, пристально следившего за плавающими в аквариуме рыбками.

- Здравствуйте, товарищ Лузин, - радостно приветствовал его Захаров.

Его напор и неожиданное вдохновение оттого, что ему удалось освободиться от назойливых глаз Березина, буквально выплескивались из него.

- Добрый день, - резко отвернувшись, словно испугавшись неожиданного появления капитана, сказал Лузин.

- Сейчас не день, еще только утро, не ускоряйте время - оно вам еще пригодится.

- А вот рыбкам все равно: утро, вечер или день.
- Им-то, может, и все равно, но мы с вами не рыбки. Как, готовы к работе? - Захаров был несказанно счастлив видеть Лузина.

- Наверное, - безразлично ответил Лузин.

- Что с вами?

- Ничего.

- А почему такое равнодушие я вижу на вашем лице? - спросил Захаров, не сбавляя напора.

- А мы - как рыбки в этом аквариуме: ходим туда-сюда, а выбраться из него не можем, а если и выберемся - тогда нас поджидает неминуемая гибель. Только они этого не знают, а я знаю, вот и вся разница.

- Какие рыбки? Я понимаю, вы еще не совсем отошли от лазарета. Товарищ Лузин, у вас есть шесть часов, чтобы полноценно включиться в работу. Помните: вы нам нужны! Если хотите, вы мне нужны, так что не подведите меня, хорошо?

- Неправда, здесь никто никому не нужен. Зачем лицемеришь, командир?

- Что значит «никто никому не нужен»? Мы одна команда здесь. Кому я это объясняю, а? Ты что, сухопутная крыса что ли?

- Это всего лишь слова.

- Нет, это не слова, мы здесь сидим у черта в заднице, и единственный человек, кто может мне помочь вывести нас отсюда, - это ты. Понимаешь? Ты - наши глаза в этом вонючем Заливе. Если б ты не был лучшим, стал бы я просить Курехина как можно скорей поставить тебя в строй? Хочешь быть балластом, виси на здоровье, но ты лучший, и достойной тебе замены у меня нет, так что у тебя есть шесть часов, чтобы разобраться в себе и подойти к вахте в оптимальном состоянии. Все, я пошел, у меня еще есть дела, - Захаров снова резко встал и пошел на выход, не желая слушать упаднический тон Лузина.

Покинув его, Захаров направился на центральный пост, чтобы принять командование и ознакомиться (впервые за четыре дня) с оперативной обстановкой. Первым на входе его встретил Карташов, сменивший на посту старшего вахтенного офицера Алферова, и теперь, увидев Захарова, он светом улыбки приветствовал его.

- Здравствуйте, Иван Алексеевич! С возвращением.

- А я никуда и не уходил, - ответил Захаров. - Как обстановка, какие неприятности были, пока я отсутствовал.

- Никаких неприятностей, все идет ровно и спокойно, а обстановочка... - на секунду задумался - и тут же выпалил: - На горизонте два эсминца, пеленг двести двадцать один, дистанция шестнадцать миль.

- Ты шутишь или это правда? - встрепенулся Захаров.

- Нет, не шучу, так оно и есть, но только чего тревожиться-то: они со вчерашнего дня здесь крутятся.

- Ладно, сейчас сам разберусь, - чем-то озаботившись, сказал Захаров и сел на свое привычное место, выводя на экраны всю информацию о происшедшем вокруг «Морского льва» за последние два дня.

Просидев минут пятнадцать, Захаров ознакомился со всем тем, чего желала знать его беспокойная натура. Проанализировав целую кипу полученных сведений, он известил экипаж по громкоговорящей связи о своем решении начать прорыв через пять часов. На «Морском льве» была объявлена готовность номер два, и все члены экипажа начали подготовку к выполнению приказа. Кто-то просто лег отдохнуть и выспаться перед бесконечной вахтой, кто-то завершал дела, которые были не закончены ранее, а кто-то занялся подготовкой своего рабочего места, проверяя еще раз все механизмы и системы, находящиеся под его ответственностью.

Когда табло электронных часов высветило начало бесконечности, по всему «Морскому льву» раздался гулкий сигнал сирены, возвестившей о возобновлении попыток вырваться из залива.

Захаров, прежде чем занять свой боевой пост, осмотрел все контуры и, украдкой взглянув на Лузина и увидев, как тот с серьезным видом готовится к вахте, удовлетворенно вернулся.

- Внимание! Контур управления: курс один-три-пять, скорость восемь узлов.

- Есть курс один-три-пять, скорость восемь узлов.

Прервав бесконечное движение по эллипсу, «Морской лев» покинул крошечные острова возле иранского подборodka, служившие надежным прикрытием от прямых электромагнитных лучей, и направился в Ормузский пролив.

После десяти часов монотонного хода Захаров услышал голос Лузина:

- Говорит акустик: пеленг сто восемьдесят, обнаружена атакующая подводная лодка класса «Лос-Анджелес». Это старая знакомая, командир. Дистанция пятнадцать кабельтовых, курс двести семьдесят, скорость пять узлов.

Подводная лодка «Чикаго» шла по течению, практически дрейфуя у поверхности, приближаясь к «Морскому льву».

- Курс сто десять. Внимание всем по отсекам: соблюдать тишину, - спокойно сказал Захаров. «Вот и наступает момент: либо - либо. А как там Лузин?» - подумал он и выглянул из-за своих мониторов, но Лузина не увидел.

- Акустик, контакт надежный? Крепко сидит? - спросил Захаров.

- Контакт устойчивый, - сухо ответил Лузин.

«Хорошо, хорошо, ты только держись, и все будет нормально», - сказал про себя Захаров.

Две лодки продолжали сближаться, идя параллельными курсами навстречу друг другу. «Морской лев» шел на глубине, царапая брюхом дно, и в этом было их преимущество перед «Чикаго», позволившее обнаружить ее раньше. Звуковые волны от крутящегося винта, разрубавшего воду, настолько сливались с другими шумами течения в проливе, что компьютеру было не под силу их вычленить среди остальных звуков. Это мог сделать только акустик, полагаясь исключительно на свое чувство интуиции, но от бесконечного патрулирования у акустиков «Чикаго» уже «замылились» уши, и они, конечно, были не способны что-то различить на уровне воздуха.

- Включить шумопонижение, всю энергию в хвост, - приказал Захаров, когда расстояние между подводными лодками было несколько кабельтовых.

Во всех отсеках и на центральном посту телеграфным столбом стояла тишина, и казалось, если вдали отсека на противоположной стене будет ползти таракан, Захаров услышит, как тот топает подобно слону своими шестью конечностями. Между тем «Морской лев» и «Чикаго» были уже в точке максимального сближения. Захаров даже боялся пошевелиться, опасаясь, что скрип его кресла услышат акустики на «Чикаго». И сам, в свою очередь, проглотив дыхание, пытался уловить шум винтов американской подводной лодки. Посмотрев на правый монитор, он увидел

улыбающегося Алферова: тот из указательного и большого пальца показывал ему круг, дуя в дырку. «Мне бы его уверенность», - из глубин души поднялось в сознание Захарова.

- Товарищ командир, «Чикаго» меняет курс, поворачивает вправо, контакт устойчивый, - сообщил Лузин.

Ничего не заметив, «Чикаго» прошла мимо «Морского льва», а взяв правее, она и вовсе оставила его позади себя. Теперь вероятность обнаружить беглеца из залива резко снизилась. Вольтметр внутри каждого члена экипажа «Морского льва», находящегося в центральном посту, сразу зафиксировал провал напряжения, констатируя стабилизацию всех нервных окончаний.

Как только опасность, исходящая от «Чикаго», окончательно растворилась в мутных водах Ормузского пролива, Захаров приказал увеличить ход, и через два с половиной часа «Морского льва» встретили воды Оманского залива.

Запись датирована 4 февраля 1991 года

Последний противолодочный рубеж как последнее препятствие к свободе располагался в Оманском заливе. Более тридцати американских и около десятка союзных кораблей преграждали путь «Морскому льву». Уже на выходе из пролива его сферический нос ощутил на себе их радиолокационные лучи, просвечивающие весь Оманский залив, ослепляя любого, кто бы попытался проникнуть в зону операции многонациональных сил, не оставляя ему никаких шансов на скрытый прорыв.

В авангарде противолодочного рубежа, исполняя роль свободных разведчиков, разрезая металлическими носами водную поверхность на лоскутки, рыскали двенадцать кораблей европейских стран в поисках непрошеного гостя.

- Командир, есть излучение на нос, - сообщил Карташов.

- Прямо по курсу два фрегата, дистанция тридцать миль, скорость двенадцать узлов, - сообщил Лузин.

Итальянский и французский корабли шли навстречу друг другу; приближаясь к границам своего квадрата. Сходясь в одной точке, они расходились в разные стороны, описывая восьмерку.

- За работу, товарищи. Нам немного осталось, один рывок - и мы на свободе, - торжественно сказал Захаров. - Курс девять-ноль, скорость восемь узлов.

Захаров принял решение двигаться вдоль иранского побережья, подставив им свой правый борт в надежде, что удастся бочком, бочком пройти незамеченными.

Не дойдя друг до друга около полумили, оба фрегата развернулись на сто восемьдесят градусов и пошли в противоположном направлении, увеличив ход, словно оба в одну секунду что-то обнаружили и теперь начали преследование.

- Внимание, оба фрегата развернулись. Один идет на нас, увеличивая скорость, - доложил Лузин.

«Морской лев» уже уходил в прибрежные воды, когда итальянский фрегат «Маэстрале», резко развернувшись, словно выходя в атаку, пошел на лодку Захарова. Командиру «Морского льва» даже стало как-то не по себе, когда он увидел предполагаемый курс итальянского фрегата. «Хвост нам подрежет, негодяй, неужели он нас засек... да нет, чепуха, совпадение», - подумал Захаров. Вот когда совпадения действуют на психику так, что подвергаешь сомнению то, в чем уверен на сто один процент.

- Дистанция две мили, - сообщил Лузин.

- Говорит командир, вызываю контур управления.

- Контур управления на связи.

- Прибавьте два узла, включите шумопонижение.

- Командир, энергии у нас наперечет, дорог каждый ампер, - вмешался Фирсов.

- Ничего страшного, нам хватит, - ответил Захаров.

Увеличение скорости позволило «Морскому льву» разминуться с итальянским фрегатом на расстоянии двух кабельтовых. Но в самом тылу противолодочного рубежа, недалеко от иранского побережья, двигалось с черепашьей скоростью океанографическое судно дальнего гидроакустического обнаружения «Викториес» катамаранного типа, тащившее за собой на кабель-тросе

антенну длиной в шестьсот метров. Один из многочисленных акустиков, этого двухкильного корабля, сумел уловить шум винтов «Морского льва» и передал в штаб командования противолодочным рубежом, охарактеризовав его как малую субмарину со сверхтихим ходом.

Спустя четыре часа итальянский фрегат «Маэстрале» исчез со звукового горизонта. Основные силы выставленного противолодочного рубежа находились несколько дальше, и «Морской лев» двигался уже в «чистой» воде, практически лишенной присутствия электромагнитных волн. В это время первая смена получила небольшую возможность для передышки.

Оставив позади авангард противолодочного рубежа многонациональных сил, «Морской лев» приблизился к тому месту в Оманском заливе, где дно начинало опускаться вниз и глубины с двухсот метров увеличились до тысячи. Первый приказ Захарова, когда он снова вернулся в центральный пост, был нырнуть на восемьсот метров.

Основные силы противолодочного рубежа были равномерно распределены по всей ширине залива. Тридцать четыре корабля американского флота, включая недавно присоединившийся к ним авианосец «Теодор Рузвельт», караулили Захарова, став последним препятствием к Большой воде. Весь Оманский залив клокотал, бурлил и грохотал от множества кораблей, в воздухе висели бесконечные электронные голоса, а самолеты с вертолетами заменили собой живых птиц. Холодный рассудок Захарова был разогрет искушением свободы, и, решив, что он теперь хозяин глубины, командир «Морского льва» смело начал напрямую прорыв в Аравийское море.

Курс пролегал меж двух атомных крейсеров УРО типа «Калифорния». Уже по прошествии часа на спину «Морского льва» сверху лил дождь электромагнитных частиц. Двигаясь не спеша по замкнутой геометрической фигуре, стовосьмидесятиметровые корабли на атомном ходу были в любой момент готовы нанести удар по скрывшемуся в глубине противнику из восьмизарядного противолодочного ракетного комплекса «АСРОК» и двух трехтрубных торпедных аппаратов.

Спустя десять часов излучение увеличилось в три раза: к двум крейсерам прибавились еще четыре подводные лодки типа «Лос-Анджелес». Одна из них находилась на глубине

трехсот метров, видимо, вслушиваясь в глубину залива, а три других, подобно мертвой рыбе, болтались у самой поверхности, высунув перископ. Защитная установка поглощения электромагнитных волн впитывала в себя чудовищный невидимый поток заряженных частиц, одновременно с этим в межкорпусном пространстве происходило размагничивание спины «Морского льва», локализуя демаскирующий фактор присутствия все увеличивающегося магнитного поля.

- Командир, еще часов шесть работы в таком режиме, и мы останемся без энергии: батареи не выдержат, - сообщил Фирсов.

- Карташов, через проводники постарайтесь перенаправить на брюхо излишки излучения.

- Будет сделано, командир, - отозвался Карташов.

- Внимание всем: еще раз прошу уменьшить потребление электроэнергии, переходим на режим чрезвычайной экономии. Товарищ Фирсов, постарайтесь направить энергию прямо с турбины на установку поглощения.

- Это очень опасно, командир. Ее может выбить, и тогда мы вообще останемся без прикрытия и без питания.

- И все же прошу попробовать, - настоял на своем Захаров. «Жаль, поглубже нельзя зарыться», - тут же подумал он.

«Морской лев» уже приближался к основной группировке противолодочного рубежа, оставаясь на глубине восьмисот метров, продолжая двигаться намеченным ранее курсом. Захаров все еще считал, что у него, несмотря ни на что, получится пройти по прямой. Во избежание обозначения своего присутствия он решил отказаться от буйков РЛС, из-за чего впервые на центральном посту никто не знал о находящихся в воздухе самолетах и вертолетах, ведущих также поиск непрошеного гостя.

Информация о неизвестной мини субмарине, пытающейся пройти противолодочный рубеж, была принята, и для уточнения ее местонахождения командующий противолодочными силами в Оманском заливе отдал приказ на взлет с авианосца «Теодор Рузвельт» охотника за подводными лодками - самолета S-3A «Викинг». Пролетая на бреющем полете в трех милях от «Морского льва», впереди,

между атомными крейсерами «Калифорния» и «Южная Каролина», он начал сбрасывать гидроакустические буи.

- Излучение по всей сфере носа, командир, - сообщил Карташов.

- Запас энергии тает, - сказал Фирсов.

- Командир, пеленг прямо по курсу. Обнаружена гирлянда излучателей малой мощности - возможно, гидроакустические буи.

«Откуда это-то взялось? Принесла нелегкая», - подумал Захаров. «Так, назад пути нет. Если сейчас повернем к берегу, они нас точно вычислят. Если дальше пойдём, тогда может энергии не хватить. Скорость что ли увеличить и скоренько, скоренько, авось и проскочим? Нет, они по звуку нас засекут. Как пить дать, засекут», - ища ответ, размышлял Захаров.

«Морской лев» уже подходил к сбросившим самолетами S-3A «Викинг» гидроакустические буи.

- Внимание, говорит командир: вызываю контур управления.

- Контур управления на связи, - отозвался Алферов.

- Алексей Николаевич, подвсплыви на пятьсот метров и попробуй «Морского льва» провести между буйками. И сбавь скорость до трех узлов.

- Есть, командир.

- Лузин, что с подводными лодками? - спросил Захаров.

- По-прежнему болтаются.

- Хорошо, хорошо - значит, не слышат. Товарищ Фирсов, что с энергией?

- Уходит.

- Карташов, сейчас к тебе почти вся энергия пойдет. Как, система выдержит?

- Должна.

Захаров посмотрел на левый монитор, где отображалась карта движения «Морского льва». «Так, вот здесь мы будем в безопасности... сколько времени нужно?» - спросил сам себя Захаров. Компьютер выдал лаконичный ответ: шесть часов. «Этого как раз хватит для работы на источниках резервного питания».

- Михаил Петрович, подготовьте всю аппаратуру «Морского льва» для перехода на резервные источники питания.

- Есть подготовить всю аппаратуру для перехода на резервные источники питания.

В это время в темноте глубины весь корпус «Морского льва» буквально светился от разрядов, локализующих магнитное поле вокруг него. Чудовищная нагрузка на его корпус от электромагнитных волн грозила в любой момент пробить его защиту, и те мельчайшие, невидимые человеческому глазу частицы, которые окажутся не впитанными его установкой или не рассеянными, вернувшись к излучателю, отобразят местоположение «Морского льва» на экране оператора. Положение существенно осложнилось, когда находившийся всего в пяти милях незадействованный гидроакустический буй по команде оператора с самолета включился в работу и левый борт «Морского льва» ощутил дополнительно обрушившийся на него поток.

- Внимание, - сказал Фирсов. - Три, два, один, ноль...

Все экраны на центральном посту «Морского льва» мигнули, сигнализируя всем о сменившемся источнике питания.

- Командир, сильная нагрузка на левый борт... сейчас пробьет нашу защиту, - сообщил Карташов.

- А это еще откуда взялось? - Захаров впервые почувствовал острую нужду в буйках РЛС. - Алферов, срочно ныряй на восемьсот метров. Скорость пять узлов.

- Свободной энергии нет, - доложил Фирсов. - Либо сокращаем напряжение на защитную установку, либо идем с прежней скоростью.

- Алферов, увеличивай скорость, - не обращая внимания на Фирсова, прокричал Захаров.

- Есть, - ответил штурман.

- От нас отразился электромагнитный сигнал, - сообщил Лузин.

- Защита пробита, они нас видят и могут определить наше точное местоположение, - сообщил Карташов.

- Увеличить скорость до тридцати узлов. Карташов, выключай защиту; Алферов, прижмись как можно ближе к грунту, и пусть теперь попробуют нас достать, - в ярости сказал Захаров, на его лице застыла улыбка дикого сумасшедшего.

Холодные темные антарктические воды не таили, казалось, в себе никакой опасности. На глубине тридцати пяти метров, как всегда в поисках пищи, плыло белое пятно шестиметровой акулы. Обитательница древнего мира возвращалась к берегам ледяного материка; там, на его берегу, уже был готов для ее неумного

аппетита молодой выводок морских котиков. Сглатывая с соленой водой слюну, акула спешила скорее приступить к трапезе, как ее рыло ударило о невидимое препятствие. Не привыкшая отступать, она попробовала прорваться через мешавшие ее движению сплетенные веревки.

Ряд резких и беспорядочных движений - и шероховатое тело хищницы сразу усугубило свое положение. Липкая сеть сразу зацепилась за ее жабры, мешая ей дышать, и грудной плавник, ограничив рыбу в движении. Акула еще более разозлилась и, изогнувшись, дернулась вперед. Раскрыв рот, она попыталась увеличить площадь ячеек мягкой решетки, чтобы в образовавшееся отверстие можно было проникнуть всему телу. Но воплотить задуманное оказалось не так-то просто: нехватка кислорода в организме существенно затрудняла ее действия, а вязкая сеть еще крепче заключала ее в свои объятия, сковывая движения.

Осознав свое бедственное положение, акула все же продолжала биться, пытаясь перекусить стянувшие ее тело путы. Ее черные глаза, практически всегда пахнувшие безразличием, теперь были широко открыты от безумия, а глазное яблоко буквально яичным желтком вываливалось из окружавшей его белизны. Чем больше времени проходило, тем реже становились попытки хищницы вырваться из объятий смерти. Запутавшись в сети, она висела, зацепившись плавниками, жадно выхватывая у воды кислород, лишь иногда слабо подергивая свое тело. Но вот невидимая рука проникла в ее чрево и схватила ее наполненное до краев венозной кровью сердце. Рыба взбрыкнула, протестуя против окончательного своего исхода, жгучее желание жизни заиграло в ней с новой силой, побудив все ее тело предпринять, быть может, последние усилия к обретению свободы. Огромная силища семитонной рыбы рванула сеть, вызвав невиданное бурление воды вокруг. Треугольные зубы бешеной чечеткой также работали на освобождение. Быть может, никогда прежде большой белой акуле не приходилось так суетиться, как сейчас, когда приближение старухи с косою уже не только ощущалось где-то рядом, но она уже была в ней, протягивая в самое сокровенное место свои костлявые пальцы.

Где случился перелом между двумя мирами, неизвестно, но отломившийся кусок, доставшийся океанской хищнице, имел продолжение жизни. Окончательно взбесившаяся акула, выкатив смолу своих глаз, выразив тем самым одновременно страх и неверие в свою смерть, начала каким-то чудом выпутываться из клетчатой западни.

Вдобавок к этому, видимо, уже само провидение начало способствовать ее освобождению. Кто-то потянул сеть вверх, и та, уже и так порванная в некоторых местах, не выдержала семитонное тело акулы, разорвалась, окончательно выпуская девственную охотницу океанских просторов из своих лап.

- Командир, все объекты увеличивают скорость и идут к нам, - сообщил Лузин.

А на поверхности творилось нечто невообразимое: все корабли круто меняли свой курс, поворачивая в сторону нахождения «Морского льва». Эффект неожиданности все же возымел действие, и все корабли, беспорядочно увеличивая скорость, направлялись по кратчайшей траектории к только что обнаруженной подводной лодке, из-за чего образовалась сутолока, мешавшая оперативно действовать всей

группировке в изменившихся условиях. С авианосца «Теодор Рузвельт» один за другим взлетали противолодочные самолеты Р-3С «Орион» и S-3А «Викинг». Все три подводные лодки класса «Лос-Анджелес», увеличив глубину, бросились в погоню. Всех ближе к «Морскому льву» оказались два атомных крейсера типа «Калифорния» - CGN-37 «Южная Каролина» и CGN-36 «Калифорния». Они первыми оказались у Захарова над головой, выжимая из своих турбинных установок все возможное. Но их присутствие лишь обозначало силу, так как они не располагали необходимым оружием, способным поразить «Морского льва», находившегося на глубине восьмисот двадцати метров. Единственные, кто мог это сделать, так это противолодочные самолеты, которые взлетели с авианосца «Теодор Рузвельт»: на их борту были глубинные бомбы, которые могли достать притаившуюся подводную лодку на глубине до тысячи метров.

- Алферов, увеличить скорость до тридцати пяти узлов, - скомандовал Захаров, наблюдая на мониторе, как «Морской лев» приближается со скоростью около семидесяти километров в час, летит к выходу из противолодочной темницы.

Первая партия из четырех бомб разорвалась прямо за хвостом у «Морского льва», подтолкнув того вперед взрывной волной. В центральном посту некоторые операторы попадали со своих мест, из-за мигнувшего на мгновение освещения. Повалились на пол незакрепленные предметы, но паники не возникло, несмотря на то что люди в отсеках впервые ощутили близость смерти. У Захарова была твердая уверенность в том, что им ничто не угрожает, чего не было у остальных членов его экипажа - многим казалось, что следующая бомба попадет именно в их лодку. И, только когда взрывы начали отдаляться, люди успокоились.

- Внимание, переходим на основной источник питания, товарищу Карташову подготовить переход

- Есть подготовить переход.

- Контур управления: скорость пять узлов, курс сто восемьдесят градусов. Карташов, включай шумопонижение и противорадиолокационную защиту, - скомандовал Захаров. «Поиграли - и хватит, ребята, нам еще пожить охота».

Засветившись неожиданно на короткое время на экранах и в наушниках американских операторов и

акустиков, «Морской лев» так же неожиданно и безвозвратно исчез со всех приборов наблюдения, не оставив ни одной надежды на свое возвращение.

- Вся аппаратура готова к переходу на основной источник питания, - сообщил Карташов.

- Как, Михаил Петрович, готовы? - спросил Захаров Фирсова.

- Готовы: четыре, три, два, один, переход, - скомандовал Фирсов.

Во всех отсеках вновь моргнули все экраны компьютеров, обозначив переход на основной источник питания.

Резко поменяв курс, субмарина уходила на несравнимо большие глубины, где гораздо легче было уйти от погони. А все корабли многонациональных сил даже не сразу ощутили потерю нежданной находки и по инерции продолжали двигаться к месту обнаружения, а самолеты, не останавливаясь, бомбили окрестные районы. Единственный, кто мог внести ясность в действия кораблей-охотников, так это судно дальнего гидроакустического обнаружения «Викториес», но расстояние, которое необходимо было покрыть, при его максимальной скорости хода в шестнадцать узлов было слишком велико, чтобы прийти в район поиска, застав там беглянку.

Запись датирована 9 февраля 1991 года

«Морской лев» еще в течение трех дней крался на глубине девятисот метров, прежде чем стихли взрывы глубинных бомб, беспорядочно сбрасываемых с противолодочных самолетов. Опасаясь вновь засветиться на экранах американских радаров, Захаров вел свой корабль на минимальной скорости, как можно ближе прижимаясь ко дну. Как только первичная опасность миновала, первую смену, вновь заменила вторая. Проведя снова двое суток практически без отдыха, Захаров возвратился в свою каюту и рухнул на кровать, успев только освободиться от ботинок: на большее изможденность его организма не оставила ему времени, отключив мозг.

Проснувшись утром девятого февраля, Захаров впервые почувствовал страшную тоску по жене. Прежде, как его жизнь неожиданно изменилась, он никогда не вспоминал о Надежде, но в это утро ему так не хватало ее, что из горла готов был вырваться истошный рев.

- Уважаемые покупатели, наш магазин предоставляет вам широкий ассортимент товаров народного потребления. Высококачественная продукция фабрики... - звучал по всему залу универмага голос из динамика, когда Сашенька с мамой впервые зашел, а скорее, окунулся в общую суету огромного зала с забитыми полками разных товаров, где вокруг суетилась толпа народа, выбирая что-то себе по вкусу. Тут и там звучали человеческие голоса, превратившиеся в пчелиный рой, который беспрестанно гудит и двигается в различных направлениях, не меняя своей формы, все так же содержа в своей сердцевине большую скученность живых существ.

Сашенька насилу поспевал за мамой, продираясь сквозь чьи-то платья и брюки, иногда даже теряя ее юбку из виду, и только белая рука, державшая его пухленькую ручку в своей, была надежным проводником в этом суетливом мире, где каждый ее участник даже и не подозревает, что является частью всеобщей человеческой тучи, осевшей среди прилавков.

Вдруг мама прибавила шаг, устремившись к прилавку, видимо, еще издали приметив для себя что-то очень интересное. На мгновение ее ладонь, сжимавшая ручку Сашеньки, ослабла, и безразличные человеческие тела стали непреодолимой преградой для малыша. Дальше следовать, протискиваясь сквозь них, он не мог, а мама, видимо, увлеченная тем, что лежало на прилавке, забыла о нем. Сашенька остановился, увидев красивую коробку на одной из полок. Он подошел к ней ближе, проходившие рядом люди толкали его, но он был словно заморожен этой чудесной коробкой. Подойдя почти вплотную, он протянул ручки, чтобы ее взять и посмотреть, что в ней находится.

- Мальчик, ты чей? - остановила его тянущуюся к заветной коробке ручки тетя в цветастом платье.

Саша обернулся, посмотрев на нее вопросительным взглядом.

- Как тебя зовут? - продолжала цветастая тетка.

- Мальчик, сколько тебе лет? Не знаешь? - спросил остановившийся дяденька в очках.

- Где твоя мама? - вопрошало еще одно заботливое лицо.

Сашенька смотрел на всех, широко открыв глаза, не понимая, чего они все от него хотят.

- Мальчик, где твоя мама?

- Ты потерялся? Да?

Саша продолжал хранить молчание, пятясь назад ближе к полкам, а вокруг уже собиралась толпа народу, переключившая свое внимание с товаров народного потребления на него.

- Мальчик, ты знаешь, как зовут твою маму? - продолжала допрос цветастая тетка.

- А может, он с отцом был? - возразил ей дядя в очках.

Когда Саша оказался припертым к полкам, на которых и лежали те самые товары, ради чего все здесь присутствующие люди, в общем-то, и находились, ему стало страшно. Чья-то рука уже гладила его по голове, кто-то протягивал конфетку, улыбаясь ядовитой улыбкой. До этого момента малыш даже и не замечал, насколько все вокруг было для него чужим. Стоя здесь, он моментально ощутил страшное и холодное, доселе неизвестное ему чувство одиночества. Потерянность заполнила всю его сущность, вытеснив солнечное счастье жизни. Испытывая на себе взгляды порядка десятка пар глаз, его душа съежилась, пытаясь найти укрытие в его маленькой груди. И тут он вспомнил о маме: она для него была спасательным кругом, глотком чистого воздуха, сокровенным лучиком солнца в этом неведомом мире.

Он тут же заискал глазами, перебирая все лица, которые были перед ним, и, когда не нашел самого родного, самого нежного и простого, самого теплого и любимого, самого светлого и ласкового, из него вырвался плачущий зов:

- Ма-ма, ма-ма, ма-ма!!!

- Вот видите, я же говорила, что он с мамой пришел, а вы: с папой, с папой, - торжественно произнесла цветастая тетка.

- А может, они вместе были - и отец, и мать, - возразил дядя в очках.

- Ма-ма, ма-ма, ма-ма!!! - продолжая кричать, Сашенька отодвигал тянущиеся к нему руки и пошел в ту сторону, где скрылась мамина рука.

- Граждане! Пропустите его, - сказал кто-то вслух, и все люди посторонились, освобождая ему путь.

- Ма-ма, ма-ма, ма-ма!!! - и первые горошины слез отчаяния уже брызнули из его глаз.

- Граждане! Дорогие мамы, кто потерял ребенка? - еще громче плачущего Саши и также с надрывом заголосил молодой человек, видимо, не в силах перенести страдания ребенка.

Спасение пришло неожиданно и как-то вдруг. Сзади чьи-то руки подхватили и оторвали его от земли. Он не поворачивался - только одно их прикосновение к нему сообщило Сашеньке, кто стоит за его спиной.

- Сыночек, милый. Сашенька, родной, кровинка моя ненаглядная, не плачь, я тут, тут, - прожурчал самый дорогой и единственный голос на свете.

- Мама! Мама! Мама!!! - все, что мог сказать Сашенька в эту минуту, поворачиваясь к ней. Ему со страшной силой захотелось побыстрее вернуться домой и сесть к матери на колени, обняв ее обеими ручками, почувствовать ее тепло, ощутив вместе с ней себя абсолютно счастливым

Чуть ли не со слезами на глазах прижал к щеке фотографию жены, Захаров через силу стянул тельняшкой распиравшую от внутренней боли грудь, плотно заключив в нее свои чувства, переключившись на рутинную работу.

В этот день в восемнадцать часов по московскому времени спутник должен был быть над территорией Аравийского полуострова, а «Морскому льву» предстояло нанести ракетный удар по столице Саудовской Аравии - Эр-Рияду - оставшимися на его борту пятью крылатыми ракетами. Каждое утро Захаров проводил летучку в кают-компании со старшим офицерским составом, чтобы обсудить текущие дела. В этот раз гвоздем их общения стало принятие окончательного решения о начале подготовки к намеченной операции. Но, прежде чем появиться на собрании, Захаров прошел по отсекам и посмотрел на личный состав «Морского льва». Его поразила спокойная, даже какая-то замерзшая атмосфера, царившая всюду: не чувствовалось ни рабочего настроения, ни энтузиазма, - а, наоборот, он увидел в лицах какую-то флегматичность. Не понимая, что происходит, Иван Алексеевич вошел в кают-компанию, где все уже были в сборе, зевая от скуки в ожидании его появления. Захаров с порога, сам не зная отчего, засветился улыбкой и, стараясь вдохновить каждого, с кем здоровался, прибавлял поздравления с прорывом из залива. Кто-то отвечал на его радостное приветствие, а кто-то просто молча кивал в знак согласия, улавливая в этом какую-то искусственную нотку.

- Итак, товарищи офицеры, - начал Захаров, - нам предстоит выполнить новое задание «Центра»: нанести ракетный удар по столице Саудовской Аравии - городу Эр-Рияду. (На большом мониторе появилась карта Аравийского полуострова, Захаров ручкой-указкой провел от местоположения «Морского льва» к столице - Эр-Рияду.) Старт ракет намечен на восемнадцать часов. В этот раз все наведение будет осуществляться с помощью спутника. Вот таким образом мы дадим ответ американским империалистам на их попытки покушения на нас. Хотя все равно все они были бесполезными, - с улыбкой сказал Захаров, вспоминая бомбежку трехдневной давности. - Прежде чем мы приступим к обсуждению операции, я бы хотел заслушать небольшой доклад от нашего врача товарища Курехина о морально-психологическом состоянии нашего экипажа. Проходя сегодня по отсекам, я заметил какое-то равнодушное спокойствие.

- На самом деле ничего страшного не происходит, - сказал Курехин. - Просто люди проходят, я бы сказал, адаптацию после угрозы смерти.

- И долго эта адаптация будет длиться? Мне они в таком состоянии не нужны. Я с ними ничего не сделаю.

- Около недели, я думаю. Все зависит, насколько каждый из них воспринял ту бомбежку серьезно...

- Да как ее вообще можно было воспринимать серьезно? - не выдержал и встрял в разговор Березин.

- Николай Игоревич, неделя - это много: я бы хотел, чтобы вы немедленно занялись этой проблемой и выявили всех, кому нужна особая медицинская помощь, и доведите до меня фамилии людей, которых, вы считаете, пока не стоит допускать к вахте.

- Уже сделано, - сказал Курехин, - вот Григорий Олегович позаботился об этом.

- Да, Иван Алексеевич, вот список морально неустойчивых товарищей, - вновь подключился к разговору Березин и протянул Захарову бумагу.

Развернув ее, командир увидел список из восьми фамилий и тут же, опешив, сказал:

- Вы оперативно сработали, товарищ Березин.

- Инструкция обязывает, - быстро щелкнул тот.

- Что, всех поместили в изолятор? - спросил Захаров.

- Нет, никого не положили, пока понаблюдаем за ними, а впоследствии, я думаю, вернем их в строй, - последовал ответ доктора.

- Если ничего не случится, - добавил Березин.

- Ничего не случится?! - переспросил Захаров.

- Ничего экстраординарного... - сказал Курехин.

- Как с дела с Лузиным? - спросил Захаров, пристально глядя в лицо Березину.

- Ну-у, - протянул старпом, - что-то типа того.

- В этом случае, - сказал командир, обращаясь к Курехину, - меня информировать сразу, вам понятно, товарищ Курехин? - Захаров еще остро чувствовал связь с Лузиным, хотя уже давно его не видел. И все же для него он по-прежнему оставался чем-то вроде талисмана.

- Так точно, Иван Алексеевич, - немного привстав, ответил Курехин.

- Теперь переходим к операции, - жестко сказал Захаров, обращаясь к Заленскому. - Ввиду новизны системы наведения я прошу отнестись к предстартовой подготовке, Павел Витальевич, с особым вниманием, - тот утвердительно кивнул головой. - Так, Сергей Александрович, сколько потребуется времени на то, чтобы перевести корреляционную подсистему наведения ракет на спутниковую?

- Если сейчас немедленно посадим людей, думаю, часа за три справимся, - ответил Карташов.

- Так, хорошо, - сказал Захаров, как бы размышляя. - Алексей Николаевич, я у себя на мониторе обозначил место старта, вы вместе с Павлом Витальевичем проработайте безопасный выход «Морского льва» к назначенному времени с учетом, что на предстартовую подготовку нам придется в этот раз потратить не тридцать минут, а час.

- Хорошо, Иван Алексеевич, - сказал штурман.

Захаров не случайно предупредил Алферова и Заленского, чтобы они обеспечили безопасный выход «Морского льва» на стартовую позицию. С тех пор как субмарина Захарова засветилась на радарх американских кораблей, противолодочная группировка теперь вела интенсивный поиск во всей северной части Аравийского моря. Пока «Морской лев» находился на глубине тысячи метров, ему ничто не угрожало, но при осуществлении запуска ракет предстояло всплыть на глубину тридцать

метров и пробыть на ней около трех часов, подвергая себя опасности быть замеченными.

- Какие будут вопросы? - спросил Захаров, подводя итоговую черту. В ответ никто не пошевелился, тогда Захаров сам задал вопрос:

- Совсем забыл - нам Михаил Петрович ничего не сказал. Что с ходовой частью «Морского льва» и какова работа реактора после перенесенных им перегрузок?

- В моем хозяйстве все отлично, командир, иначе бы вы первый после меня, кто узнал бы о возникших неполадках.

- Следовательно, все отлично, можно констатировать о полной боевой готовности «Морского льва». Что ж, все свободны, приступаем к выполнению поставленной задачи, - торжественно произнес Захаров.

Офицеры встали и направились к выходу. Когда Захаров выключал телевизор, к нему подошел Карташов.

- Командир, мне нужно вам кое-что сказать, - тихо сказал Карташов.

- Пожалуйста. Какие-то проблемы? - спросил Захаров.

Карташов прикрыл дверь и отвел Захарова в сторону.

- Иван Алексеевич, в этом списке двое моих.

- Ну и что - подлечатся и вернутся в строй. Чего ты так переживаешь? Пусть отдохнут немного.

- Их нужно допустить к вахте, они мне нужны...

- Потому что без них мне не выполнить перенастройку подсистемы наведения, - продолжил Захаров.

- Да, откуда вы знаете?

- Эту отговорку я сам придумал еще полмесяца назад, чтобы Курехин поторопился выписать Лузина. Я знаю, что они тебе нужны. У нас нет лишних людей, и каждый человек на счету. Ты так не переживай: немного отойдут ребята и вернутся.

- Вы не понимаете, что значит этот список...

- А что он значит?

- Это означает, что они уже у Березина на карандаше.

- Как это на карандаше?

- Так, сегодня они отстранены от вахты, а завтра, если Курехин что-то снова найдет в их поведении (что-то такое, что его заставит усомниться в их адекватном поведении), он их отстранит от вахты, но на этот раз уже положит в изолятор и проведет снова тестирование. Потом, если их психологические показатели восстановятся, он опять их

выпустит, но вот если это повторится в третий раз - все, хана, сливай воду, им грозит смерть. У Березина инструкция, и он будет следовать ей. Я тебя прошу, отдай приказ Курехину, чтобы он не проводил никакого лечения. Допусти их к вахте.

- Послушай, Сергей Александрович, я сам читал инструкцию с твоей же помощью, и я все прекрасно помню, что там написано: у людей, которые могут быть лишены жизни, должны проявиться дважды явные симптомы, угрожающие жизнедеятельности «Морского льва».

- Ты знаешь, почему мои в список попали?

- В штаны, наверное, наложили со страху.

- Мои никуда не наложили, - сделав паузу, сказал Карташов, - они перед походом три года в этом подземелье были, на базе, света белого не видели, из спального помещения на работу и обратно, и так три года. Вам бы не мешало почаще в лица людей заглядывать. Они никогда не участвовали в боевых сражениях. Как и я. Мне, если хотите знать, тоже было страшно, когда нас бомбили, я проклинал тот день, когда КГБ меня завербовал на эту службу.

- Так у них действительно могут проявиться симптомы?

- Не знаю, какие у них могут проявиться симптомы, а только в список они попали из-за того, что говорили между собой, что не мешало бы «Центру» отдать приказ «Морскому льву» вернуться на базу, что уже довольно с них этого похода. И пора бы КГБ выполнить их обещания и амнистировать их, так как, по их мнению, они искупили уже свои ошибки перед Родиной. Вот этот разговор услышал Березин, на следующий день их вызвал Курехин и сказал, что они не будут допущены к вахте.

- Все это ерунда, - задумавшись на секунду, сказал Захаров, - ничего с ними не случится: я проконтролирую сам это и выясню у Курехина. А ты пока не гони волну и успокойся - нам предстоит серьезная операция. Сосредоточься лучше на выполнении поставленной задачи, надеюсь, людей тебе хватит. Все, идите, товарищ Карташов.

- Есть выполнять поставленную задачу, - ответил Карташов и скрылся за дверью, а Захаров остался один. Он не знал, что и думать: все это было очень странно и непонятно. Он постоял еще немного, решив выяснить самолично все факты составления этого, на первый взгляд, показавшегося ему безобидным списка и пошел в центральный пост. До начала операции оставалось четыре часа.

«Морской лев» находился в ста пятидесяти милях восточнее острова Масира, для нанесения ракетного удара ему необходимо было следовать на север, чтобы попасть в зону освещения спутника. Возникла угроза обнаружения, и чем дальше уходил «Морской лев» на север, тем больше на мониторах операторов, следящих на центральном посту за оперативной обстановкой, появлялось засечек, свидетельствовавших о нахождении где-то недалеко кораблей ВМС США. «Морскому льву» пришлось менять курс и лавировать между ними, чтобы вновь не навлечь на себя опасность быть замеченным. Захарову не очень хотелось возвращаться в этот район, откуда еще недавно «Морской лев» ушел под звуки бомбежки глубинных бомб. Несмотря на полную уверенность, что им ничего не грозит и американские корабли похожи на слепых котят, снующих в разные стороны, все же у него почему-то это возвращение вызывало некоторый страх, который он стремился подавить в себе. Для поднятия тонуса и чтобы ободриться, Захаров заглянул к акустикам, но, увидев Лузина, он тут же пожалел, что зашел туда. Безмолвное лицо Лузина выражало глубокий непроницаемый траур. Но Захаров в силу уже выработанной привычки сделал отстраненный вид и, подойдя к старшему команды акустиков, поинтересовался:

- Как ваши дела... - Захаров вновь не смог вспомнить, как зовут Лузина.

- Зря мы сюда возвращаемся, - не отвечая на вопрос, сказал Лузин.

- Это почему: неужели на вас нагоняют страх американцы, снующие у нас над головой, - Захарову хотелось сказать «под ногами», но это бы выглядело смешно: они же не в самолете летят, а наоборот, зарылись в самой гуще аравийского пирога.

- Какое-то дурное предчувствие, командир.

Захаров улыбнулся.

- Вы, верно, еще не отошли от прошлой бомбежки. Я вам советую оставить свои предрассудки на окончание операции, а то, если думать о неудаче, можно ненароком и осуществить свои тайные мысли, - сказал Захаров, покидая пост акустиков.

В четыре часа пополудни «Морской лев» вышел в заданную точку запуска ракет. Снизив скорость до трех узлов, он поднялся ближе к поверхности, и теперь от свежего

аравийского воздуха их отделяла тридцатиметровая водная прослойка. Чтобы повысить настроение экипажу, Захаров распорядился поднять перископ и транслировать получаемое с его помощью изображение на мониторы во всех отсеках.

- Товарищи, - сказал он по громкоговорящей связи, - вот она, свобода и жизнь...! - Показывая на экран, где плескались, вздымаясь то вверх, то вниз, с зеленоватым отблеском, волны Аравийского моря. А над ними вовсю шла бурная охота чаек за рыбой, и одна из них, вытаскивая рыбу на белый свет, благодаря мощной оптике попала в экран крупным планом. - Нам нужно выполнить задание, которое ждет от нас не только наша Родина, но и дружественный нам Ирак. Сегодня на его территорию осуществляется империалистическая агрессия, и мы должны своим участием хоть как-то помочь ему в эти нелегкие для него времена. Через два часа мы дадим американским захватчикам еще одно предупреждение о том, чтобы они оставили все свои преступные замыслы против суверенного государства. Итак, я объявляю готовность номер один, начинаем подготовку к старту, - после этих слов послышался гул сирен, свет снова испустил из себя кровь, и все вокруг потемнело. С окончанием торжественной речи, в ходе которой командир и сам почувствовал себя намного лучше, перископ был опущен и началась интенсивная подготовка «Морского льва» к старту ракет.

- Говорит командир: выдвинуть антенну спутниковой связи.

- Есть выдвинуть антенну спутниковой связи, - подтвердили выполнение приказа из контура противовоздушной обороны.

Над поверхностью моря показался стояк антенны, развернувшейся полукругом.

- Выпустить шесть РЛС-буйков, - приказал Захаров.

- Установлена связь со спутником по основной антенне, - доложил Карташов.

- Выпускаем РЛС-буйки, - доложили из контура противовоздушной обороны.

- Контур противокорабельной обороны, доложить обстановку, - сказал Захаров.

- Имеем одну засечку на севере, пеленг ноль-три-ноль, дистанция двадцать пять миль, предположительно

американский эсминец типа «Спюриенс», скорость восемнадцать узлов, его курс ноль-шесть-три.

- Докладывать о малейшем изменении его курса.

- Есть докладывать о малейшем изменении его курса, - ответил Лузин.

- Карташов, что с переводом системы наведения ракет?

- Работа идет, почти завершена.

- Мы можем начинать предстартовую подготовку?

- Да, командир, в нужный момент все будет готово.

- Всем внимание: время семнадцать часов, начинаем предстартовую подготовку, активизировать все системы ракет и системы запуска.

- Есть активизировать все системы ракет и системы запуска, - подтвердили из контура противокорабельной обороны.

С этого момента на центральном посту «Морского льва» шла полным ходом подготовка к запуску крылатых ракет. А где-то в вышине, недоступный приборам «Морского льва», на орбите Земли висел спутник, который уловил по кильватерному следу движение подводной лодки вблизи поверхности. Данные были немедленно переданы командующему противолодочной группировки кораблей.

- «Спюриенс» снизил скорость и изменил направление. Он идет в обратном направлении, - доложил Лузин.

Действительно, американский эсминец DD985 «Кашинг» типа «Спюриенс» в это время получил сообщение о том, что около него возможно нахождение неизвестной подводной лодки. Его капитана просили проверить полученные со спутника факты обнаружения, и теперь акустики интенсивно прослушивали звуковой горизонт. А с авианосца «Теодор Рузвельт» в район обнаружения также поднялись в небо пять самолетов Р-3С «Орион» и пара вертолетов «Си Спрайт», направляясь для окончательного установления местонахождения неизвестной субмарины.

- Говорит контур противовоздушной обороны: к нам гости.

- Что произошло? - встрепнулся Захаров: он в это время следил за ходом проверки системы запуска.

- Похоже, к нам направляются пять патрульных самолетов Р-3С «Орион» и два вертолета «Си Спрайт», через десять минут они будут над нами.

Захаров насторожился: это сообщение в его планы не входило.

- Внимание, контуру противовоздушной обороны подготовить зенитные ракеты. Контуру противокорабельной обороны подготовить противокорабельные ракеты. Всем остальным постам продолжать готовиться к запуску крылатых ракет, - Захаров еще надеялся нанести ракетный удар.

- Говорит акустик: пеленг ноль, дистанция двадцать две мили, обнаружены две подводные лодки типа «Лос-Анджелес», скорость пятнадцать узлов, курс один-восемь-ноль, - как топором он отсек все нити надежды Захарова, ведущие к запуску ракет.

- Прекращаем подготовку к старту. Товарищ Алферов, ныряй на глубину, ложимся на обратный курс, - приказал Захаров, а в голове всплыл вопрос: Как они нас нашли?

Между тем самолеты, пролетев над «Морским львом», начали сброс гидроакустических буйков в пятистах метрах от него, а вертолеты, приблизившись, рассредоточились вокруг субмарины, опускали в зыбкую поверхность планеты на кабель-тросах гидроакустические станции. Эсминец, признавая факт открытого поиска, также без излишней застенчивости повернул к местонахождению «Морского льва»

Подводная лодка не спеша опускалась в спасительное чрево Аравийского моря, где Захаров надеялся скрыться от назойливого преследования. Но та медлительность, которая способствовала прикрытию от ушей американских «Лос-Анджелес», также спешивших на праздный пир обнаружения крупной рыбешки, не помогла против вертолетных гидроакустических станций. Их тонкий слух сумел уловить колебание морской воды на глубине семидесяти метров. Кружившие недалеко самолеты, получившие сведения от оператора, тут же бросили своих малышей, качавшихся на волнах, и устремились к предполагаемому месту нахождения старой знакомой.

- Выпустить имитаторы, - скомандовал Захаров, понимая нерасторопность своего корабля.

И все окружающее пространство заполнилось сходными звуками с издаваемым винтом «Морского льва». Тем не менее это не уберегло его от близких разрывов глубинных бомб, сброшенных с самолетов, и корпус лодки в очередной раз содрогнулся, а экипаж снова и снова ощутил, как мгновенна жизнь. Раздающиеся звуковые шумы, тут и там несколькими выпущенными на свободу имитаторами, позволили «Морскому льву» увеличить скорость, и, когда жужжащая дымка рассеялась, шум винтов «Морского льва» растворился среди других разговоров морских обитателей.

Запись датирована 11 февраля 1991 года

В течение суток «Морской лев» двигался на юг, уходя от американских кораблей, ведущих за ним охоту, направляясь в квадрат связи. Составив текст радиограммы в «Центр», Захаров собрался покинуть центральный пост.

- Нужно продолжить попытки нанести ракетный удар по врагу, - остановил его Березин.

- Я думаю, что это бесполезно: мы только лишний раз себя обозначим. Да и где уверенность, что мы сможем

вырваться из ловушки? Думаю, необходимо связаться с «Центром», - твердо сказал Захаров.

- Может, и так. Свяжемся с «Центром», а там увидим. Интересно, откуда они узнали о нас? Как вы думаете? - не стал больше спорить Березин.

- Даже не знаю, что и думать, - нехотя бросил Захаров.

- И я не знаю, и все же странно... Как они заметили нас, когда мы выходили из пролива, и вот сейчас снова узнали, что мы здесь? Что это - совпадение или закономерность?

- Совпадение, совпадение, Григорий Олегович. Так, всем внимание, говорит командир: контуру управления - курс один-три-пять, глубина погружения восемьсот, - сказал Захаров и пошел к связистам.

- Не знаю, не знаю, Иван Алексеевич, - смотря вслед уходящему Захарову, сказал Березин.

Вторичный шум, который наделал своим появлением «Морской лев», заставил штаб многонациональных сил задействовать новые военно-морские силы и направить в акваторию Аравийского моря дополнительную эскадру из двадцати кораблей во главе с авианосцем «Энтерпрайз» и двумя крейсерами класса «Тикондерога». Целью ее были исключительно поиск и уничтожение неизвестной подводной лодки, в то время как группировка кораблей, изначально преследовавшая «Морского льва», разрывалась на две части. Необходимо было контролировать проход в Ормузский пролив, останавливая и досматривая все входящие и выходящие суда из залива, и одновременно вести поиск неизвестной подводной лодки, постоянно ускользающей от них из-за низкой возможности маневра группировки.

Положив на стол Карташову для шифровки текст радиограммы в «Центр», Захаров тут же вспомнил о данном им ему обещании. И, как только память просигнализировала ему об этом, он отправился в медотсек для выяснения всех обстоятельств, связанных с возникновением списка, состоящего из восьми фамилий - кандидатов на отстранение от вахты.

- Внимание, ноль первый вызывает десятого, - сказал по громкоговорящей связи Захаров. Последовало молчание, тогда он вновь повторил свой вызов. И только после этого Курехин откликнулся.

- Десятый на связи.

- Вы где находитесь, Николай Игоревич?

- Я... я у себя, Иван Алексеевич, - ответил растерянно Курехин.

- Хорошо, я сейчас к вам подойду.

- Ага.

И Захаров, остановившись на выходе из центрального поста, без дальнейших промедлений пошел в медотсек. Когда он подошел к двери, за которой должен был находиться Курехин, то обнаружил, что она закрыта. Удивившись этому факту, он повторно вызвал Курехина.

- Товарищ Курехин, вы что, со мной в прятки решили играть?

- Нет, - ответил доктор.

- Тогда почему дверь в медотсек закрыта? Вас там, верно, нет?

- Ой, - спохватился Курехин, - я вам сейчас открою, Иван Алексеевич.

Щелкнул замок, дверь открылась, и перед Захаровым предстал весь взъерошенный Курехин.

- Что с вами, Николай Игоревич? - с порога припер того своим вопросом к стенке Захаров, попутно выразив свое недовольство. - Приведите себя в порядок, какой вы пример подаете всем остальным, вы же врач, кристально чистый человек. Люди, смотря на вас, должны испытывать чувства, что перед ними стоит сама чистота и здоровье.

- Вы про это? - Курехин показал на свою прическу. - Это от раздумий.

- Не только про это, но и вообще..., посмотрите на себя: у вас комбинезон уже давно стирки просит, башмаки нечищенные. Что это с вами, доктор?

- Со мной ничего, - потупив голову, ответил Курехин.

- В общем подумайте над этим. Но я не за этим сюда пришел, - сменив тон, сказал Захаров, проходя в медотсек.

- А зачем? У вас тоже появились подозрения на не совсем устойчивую психику кого-то из членов экипажа?

- Это вы о чем? - не понимая, спросил Захаров.

- Нет, я не о чем, это я так... - сказал, виновато улыбнувшись, Курехин, увидев по реакции Захарова, что попал пальцем в небо.

- Тогда поговорим о деле. Расскажите мне, Николай Игоревич, о причинах появления вот этого списка, - и

Захаров достал из внутреннего кармана бумагу, которую ему передал недавно сам Курехин.

- Этот список, список... список... составлен на основании проведенных выборочных тестов.

- Как понять «выборочных тестов»? Разве не в результате всеобщей проверки?

- Нет, по представлению товарища Березина фамилий психологически неустойчивых членов экипажа.

- По какому представлению?

- По представлению товарища Березина.

- Можете объяснить конкретно и понятно?

- Могу. Товарищ Березин дал мне список членов экипажа, которые, по его мнению, должны пройти еще раз собеседование и компьютерное тестирование.

- Зачем?

- Затем, что у товарища Березина возникли подозрения.

- Чувствую какая-то... И чем, по-вашему, больны, предположим, Зельцман и Эндрিকেвич?

- Вот они ничем.

- А другие?

- У других слабо выраженное депрессивное состояние.

- Но это еще не повод отстранять их от вахты.

- Да.

- Тогда зачем вы это сделали?

- Это не я сделал - это товарищ Березин настоял. Он сказал, что на лодке достаточно людей, чтобы их заменить, а им лишняя профилактика не повредит.

- Чувствую какая, и вы даже не поставили меня в известность.

- Я хотел, но...

- Но товарищ Березин вам запретил.

- Да, он сказал, что это исключительно его прерогатива.

- Очень хорошо. Были еще от него какие-то списки?

- Сразу же на второй день после неудачной попытки ракетного запуска... Вы вот говорите, что у меня вид такой, а я еще, быть может, от прошлых ваших проверок отойти не могу, а тут он все сыпет и сыпет. Проверь того, проверь другого. Я уже ничем другим не занимаюсь - только отчеты ему пишу, совсем бюрократился, столько писанины.

- Так, все проверки прекратить, вы отдохните и приведите себя в порядок. Если товарищ Березин потребует возобновить проверки, скажите, что я вам приказал это дело застопорить до моего особого распоряжения. Вам понятно?

- Да.

- Тогда все.

Захаров распрощался с Курехиным и пошел в центральный пост, где должен был состояться сеанс связи с «Центром». Запасной квадрат связи располагался в юго-западной части Аравийского моря. К этому времени «Морской лев» уже пересек невидимую черту очерченного зеленым карандашом на штурманской карте Алферова квадрата связи.

- Подготовиться к выходу на связь, - сказал Захаров, сверяя по часам местоположение «Морского льва» и убеждаясь, что он не поторопился со своей командой, сел в свое привычное кресло.

- Корректировка местоположения завершена, - сообщил Алферов.

- Связь со спутником установлена. Начинаем сеанс связи, - поступил доклад из контура связи.

- Отлично, начинаем работу, товарищи, - сказал Березин. Он сегодня был вахтенным офицером. Захаров посмотрел через перегородку и увидел его лицо.

- Вряд ли в «Центре» будут довольны. Сорвано задание... - сказал Березин, увидев взгляд Захарова.

- Ну, это не наша с вами вина, - ответил Захаров.

- Задание не выполнено, и это факт. Интересно, что скажет «Центр» на наш самовольный уход из залива?

- Вам нечего волноваться, товарищ Березин; вся ответственность падет на меня. Дождемся ответа, а там увидим.

- Товарищ командир, мы получаем шифровку, - сообщили из контура связи.

Ответ ничего хорошего Захарову не сулил: в шифровке содержались жесткая критика за то, что Захаров решил самолично покинуть зону боевых действий, также еще одно послужное взыскание Березину - впредь ему были расширены его полномочия. Теперь капитан «Морского льва» должен был с ним согласовывать все основные действия при разработке плана выполнения вновь полученного задания. Насчет сорванного ракетного удара ничего не говорилось,

только предлагалось возобновить попытки нанесения ракетного удара без спутникового наведения, то есть самостоятельно. Следующий сеанс связи был намечен через десять дней - двадцать четвертого февраля (видимо, к этому сроку «Центр» будет ждать от Захарова доклад о произведенном подводном старте крылатых ракет). Как только Березин ознакомился с полученной шифровкой, он подошел к командиру и предложил переговорить с глазу на глаз. У Захарова были свои мотивы к разговору, и он охотно принял его приглашение, приготовившись к неприятной беседе. Березин привел Захарова к себе в каюту, и начал без всяких прелюдий:

- Как следует из радиограммы, «Центр» наделил меня дополнительными полномочиями: похоже, что, командир, еще одна твоя ошибка - и «Центр» больше не вынесет вашего командования «Морским львом».

- Празднуешь победу? Только сможешь ли ты обойтись без меня? Это тебе не поиск мнимых психов.

- Проверять подозрения, возникшие у меня, - это моя обязанность, товарищ Захаров, и я всего лишь пытаюсь четко и точно ее выполнять, - парировал Березин.

- А я, по твоему разумению, конечно, сижу здесь, протирая штаны понапрасну?

- Я такого не говорил. Я говорил, что вы очень своевольны и иногда принимаете очень странные решения, отчего потом страдают вместе с вами и другие.

- Не про себя ли говоришь?

- Да, я уже два раза получил взыскания, потому что пошел у вас на поводу. Но больше этого не будет: теперь, когда я получил новые полномочия, вы не должны больше принимать решения без моего одобрения.

- Ага, теперь ты будешь комиссией по проверке и утверждению моих решений?

- Да, раз «Центр» больше вам не доверяет, - сказал Березин.

- Что ж, посмотрим, что из этого получится, а пока не забывайте, что я все еще командир, и я тебе приказываю все проверки личного состава «Морского льва» прекратить.

- Вы не можете этого сделать, потому что это исключительно моя прерогатива, так написано в инструкции, и вы в этот вопрос не можете вмешиваться.

- Ты хочешь, чтобы я направил шифровку о том, что твои действия срывают полноценное управление «Морским львом»? Это в конечном счете, если хочешь знать, приведет к срыву операции. Люди и без того уже устали, а если их некем будет заменить - тогда они все попадают от усталости и вдобавок еще наделают ошибок. Особенно когда весь экипаж как один уже взъерошен твоими проверками. Как они после этого смогут полноценно сосредоточиться на выполнении поставленной задачи?

Захаров сделал паузу, пристально поглядев в лицо Березина. Тот, не отворачивая своих глаз, невозмутимо выдерживая паузу, сидел не шевелясь.

- И, кстати, если вам не понравится какое-то мое решение по поводу выполнения боевой операции, я не собираюсь предоставлять на ваш выбор еще целый веер различных вариантов. Я приму любой ваш приказ, но при этом ответственность за него я нести не намерен. Вам все ясно, товарищ Березин?

- К чему высокий тон, командир? Я думаю мирно разрешить наш спор; в каком ключе теперь мы с вами будем действовать?

- Единственное мирное решение, если таковое существует, - так это дать мне свободно действовать, не мешая мне.

- Я вам и не собираюсь мешать... Я только выполняю свои обязанности.

- Выполнение ваших обязанностей и наносит вред всей работе экипажа «Морского льва».

- Что-то я втык получаю из-за ваших безалаберных действий, а не из-за выполнения инструкции. В чем виновата инструкция, когда вы решили самовольно покинуть залив?

- Инструкция влияет негативно косвенно, а не напрямую. Поэтому какую-то здесь связь искать бессмысленно. Послушайте, Березин, зачем вы решили отстранить от вахты мичмана Зельцмана и старшину Эндрিকেвича?

- Они разлагали экипаж «Морского льва», и мне нужно было выяснить: либо они это делали намеренно, в здравом уме, либо их психика так реагирует на близость опасности - так сказать, они говорят языком страха. Во всяком случае, я не намерен допускать паники среди членов экипажа.

- Этого не будет, не волнуйтесь.

- Конечно, не будет: я строго за этим слежу.
- Я говорю, что и без твоего участия паники не будет.
- Как же не будет, если уже есть? Вот вам пример с Эндрикевичем и Зельцманом.
- Перестань, это не паника - это так..., налет отчаяния, вот и все.
- Вы слишком легкомысленно к этому относитесь, Иван Алексеевич. Я не имею права это так оставить и должен отреагировать со всей серьезностью.
- Ты обвиняешь меня в легкомысленности? У тебя сколько выходов в море, товарищ Березин? Два или три?
- Неважно.
- Важно. А у меня сорок три, и поверь: я-то знаю, когда начинается паника, эту азбуку мы проходили. Так что давайте не будем...
- И что это значит? Вы хотите, чтобы...
- Чтобы вы сидели тихо, как мышь, и никуда не вмешивались: мы же с вами уже говорили...
- Говорили, только теперь все изменилось.
- Что изменилось?
- Вашу пруть «Центр» уже поприсек, так что давай, командир, поосторожней.
- Опять угрозы?
- Нет, я только напоминаю о своем долге обеспечить лично вам особенно теплый прием по случаю, я думаю, успешного нашего возвращения из похода. Или если раньше не нарвешься, так что смотри, уже и так на сопле висишь, командир. Вот товарищи Зельцман и Эндрикевич сами того не знают, куда так спешат. А я, дурак, еще стараюсь, чтобы они так сильно не торопились: успеют еще накушаться встречного пирога-то, досыта накушаются, как бы назад не полез, боюсь.
- Березин, ты с ума уже сходишь? Нет?!
- Нет, товарищ Захаров, я очень даже в здравом уме, проверка подтверждает. Вы ознакомились?
- Нет.
- Нет?! Так почитайте сегодня же, а это так, слюна стекает у голодного, когда он предвкушает, что ему скоро подадут на стол что-то вкусненькое.
- Из похода могут вернуться не все. Ты не думал об этом?

- Думал. Но вы, командир, не беспокойтесь: мы с тобой обязательно вернемся, - Березин нахально улыбался прямо в лицо. А Захаров только и думал о том, как бы удержаться и не затеять драку.

- Кто знает, кто знает, товарищ Березин. Итак, подведем итог: я вас прошу, товарищ Березин, больше не вмешиваться во внутреннюю жизнь экипажа, я же, в свою очередь, постараюсь учитывать все ваши пожелания, которые возникнут у вас за время похода. Как вам такой расклад?

- Не звучит, командир.

- То есть...

- То есть останемся при своих: там, где моя компетенция, я буду действовать самостоятельно; единственное, что я могу сделать для тебя, капитан, - сообщить о своих решениях, и только. А там, где ваша, - вам решать свои задачи, только не забывайте спросить у меня разрешение, иначе я тебя отстраню вовсе от командования и посажу в медотсек.

- Что-о?

- Да ничего, товарищ Захаров. Ты что, совсем не въезжаешь в тему, что ли, или читать разучился? Командир, у тебя голова-то работает или нет? Твое командование «Морским львом» сейчас зависит от меня, я в любой момент могу тебя отстранить, если только возникнет подозрение в твоей неблагонадежности. Условия должен ставить я тебе, а не ты мне. Тебе понятно? Ты сколько в КГБ-то, а? То-то, а я уже почти десять лет.

- А если я не подчинюсь - тогда что?

- Ничего, не пугай меня, командир. Я не собираюсь тебя никуда отстранять, ты, и правда, отличный командир, только много на себя берешь иногда. Не мешайте мне делать мою работу, а я тебе не буду мешать делать свою. К жене вернуться хочешь? Так и я хочу вернуться к своей. Наши споры выгодны только империалистам, а нам нужно с тобой дружить, хоть мне иногда все кости тебе хочется переломать, чтобы петухом ты передо мной не ходил. Но я же терплю, вот и ты потерпи и не выступай.

- Твои действия по отстранению одних людей заставляют других больше работать. Они могут не выдержать и подвести в самый неподходящий момент. На лодке нет лишних, ты понимаешь, Березин, мне нужен каждый

человек, каждый... Иначе я буду вынужден вернуть лодку на базу.

- Не кричи, я это знаю, командир, и я подумаю...

Березин встал из-за стола, давая понять, что разговор закончен. Захаров вышел немного подавленный, не зная, что сделать с Березиным: от своей беспомощности он был готов рвать и метать, но что толку от холостого хода - проблема останется там, где и была. Разве что пар выпустить и снизить внутреннее давление.

Когда командир вернулся в свою каюту, в горле у него образовался ком чувств безмерной жажды увидеть и обнять, ощутить запах Надежды. Он лег на кровать и уткнулся носом в подушку; ему на миг показалось, что он ее чувствует, вот она лежит рядом, но одно неловкое движение - и все: неведомый запах растворился в пустоте каюты.

Запись датирована 21 февраля 1991 года.

Получив приказ на возобновление попыток нанести ракетный удар по столице Саудовской Аравии - Эр-Рияду, Захаров вновь направил лодку к берегам Аравийского полуострова. Единственным местом, откуда ракеты «Морского льва», имеющие дальность полета до тысячи двухсот километров, могли достичь Эр-Рияда, была точка, расположенная под подошвой Аравийского полуострова,

напротив сухопутной границы, разделяющей Султанат Оман и Народную Демократическую Республику Йемен.

Переход из запасного квадрата связи в точку предполагаемого старта занял около двух с половиной суток. За это время «Морской лев» не встретил особенных препятствий со стороны военно-морской группировки антииракской коалиции. Основная эскадра во главе с авианосцем «Энтерпрайз», которая занималась исключительно поиском «Морского льва», находилась у берегов Омана. Захаров, воспользовавшись большими глубинами и открытым ведением поиска, который вели американские корабли, умело обошел их южнее, и уже в середине дня Алферов доложил ему о прибытии «Морского льва» в точку запуска ракет. Поднимаясь из глубины, с отметки семьсот метров, ближе к поверхности, приборы на «Морском льве» зафиксировали большое волнение моря.

На Аравийском полуострове в феврале уже близилось окончание хорошей погоды, и все чаще и чаще небо заволакивали тучи, дул сильный ветер-суховей, а в промежутках выпадали обильные осадки. Это был только первый проросший росток предвестник сезона дождей в этой засушливой местности, когда сухие, рассыпчатые губы пустыни Руб-Эль-Хали вкусят впервые за восемь месяцев долгожданную влагу, дарованную им небом.

Шторм на поверхности достигал шести баллов, и как только «Морской лев» всплыл на глубину тридцать метров, команда ощутила легкую качку. При таком волнении моря старт крылатых ракет невозможен, и Захаров вынужден был отложить выполнение приказа по нанесению ракетного удара, дожидаясь благоприятной погоды. Распорядившись установить связь с метеорологическим спутником с целью узнать погоду на ближайшие три дня, Захаров питал надежду на скорую перемену. Времени у него было в обрез: через шесть дней он должен направить нос «Морского льва» обратно в запасной квадрат связи с отчетом о проведенном запуске. Запаздывать к выходу на связь он уже не хотел, опасаясь, что это может привести к его отстранению от командования «Морским львом». Доверить же кому-то субмарину, а самому пассивно наблюдать за всем происходящим, либо, что еще хуже, выполнять чужие команды, ему было не под силу. Он считал это ниже своего достоинства. Захаров скорей бы отдал себе руку отрубить,

нежели добровольно передал бы другому командование «Морским львом». Обстановка внутри экипажа вновь стабилизировалась, Березин больше не проводил психологических проверок, а мичмана Зельцмана и старшину Эндрикевича, да и всех остальных из черного списка вновь допустили к несению вахты. Установившееся затишье тихо шептало на ухо Захарову: «Как только наступят кризисные моменты, Березин вновь возобновит поиск мнимых сумасшедших».

Данные со спутника, которые принес Карташов, не обрадовали Захарова. Все свидетельствовало о том, что буря на Аравийском море продлится всю ближайшую неделю. Захаров глубоко задумавшись, опустил голову.

- И что теперь будем делать? – его вопрос красноречиво свидетельствовал о полной растерянности Захарова. Он как бы выпал сам собой. Рядом стоял только Карташов, Захаров поднял голову, ища в нем ответа.

- Я не знаю. Может, подождем? – нерешительно ответил Карташов, не выдержав пытливого взгляда.

- Подождем, подождем, опять подождем у моря погоды, - с горькой усмешкой сказал Захаров. Карташов, глядя на обескураженное лицо командира, не знал, что ему сказать, чтобы хоть как-то вселить в него надежду.

- Я пойду, Иван Алексеевич. К старту все же нужно готовиться, вдруг небо просветлеет, а у меня еще не перепрограммировано наведение ракет. Теперь-то наведение будем осуществлять самостоятельно.

- Да, Сергей Александрович, займитесь работой и продолжайте следить за погодой. Если на поверхности появится хоть малейшая возможность, звони во все колокола.

- Вряд ли в ближайшие дни стоит ожидать улучшений, но я буду запрашивать сводки через каждые два часа, Иван Алексеевич, - ответил Карташов.

- Штурман, - вызвал Захаров по громкоговорящей связи.

- Алферов на связи.

- Закольцовывай «Морского льва» в восьмерку, пришла пора снова помотаться в бесконечности, - сказал Захаров.

Три дня прошли без изменений, Карташов так и не ударил в колокола, и шквальный ветер продолжал гулять по открытому пространству, не оставляя Аравийское море равнодушным к его любовным порывам. Все это время

Захаров проводил на центральном посту, через каждый час поднимая перископ и стоя у огромного экрана, смотрел, как его постоянно заливают эротические экстазы водной стихии. При этом он что-то подолгу шептал, всматриваясь в расплывчатую от перенапряжения эмоций даль моря. Опуская перископ, Захаров шел, склонив голову, в кают-компанию и там, у аквариума, под звуки Баха, токкаты домажор В.564, коротал время до очередного подъема перископа. Чем больше проходило времени, тем больше мрачнел Захаров. Занятый одной только мыслью: как обуздать непогоду? - он почти не обращал внимания на окружающих и со стеклянным видом проводил все ритуальные и плановые мероприятия. К исходу третьих суток после очередного наблюдения за утехами ветра и воды он не выдержал и бросил клич.

- Всем стоять по местам, объявляю готовность номер один.

По всем отсекам загудела сирена, люди бросились к своим местам согласно расписанию при объявлении готовности номер один. Карташов и Заленский вбежали на ходу, дожевывая ужин, а Лузин даже стакан с недопитым компотом притащил с собой, разлив по дороге добрую половину.

- Начинаем предстартовую подготовку, - раздался голос Захарова у всех в наушниках, как только все боевые посты доложили о своей готовности. - Товарищ Карташов, отключите систему блокировки запуска ракет при бортовой качке.

- Товарищ командир, я не могу этого сделать. Нам не позволит шторм провести полноценное сопровождение... они же даже не выйдут в первый район коррекции... - сказал Карташов.

- Я вам приказываю, товарищ Карташов. Не заставляйте меня повторять дважды.

- Есть отключить систему блокировки старта ракет, - ответил Карташов.

- Штурман, всплываем на тридцать метров. Постарайтесь удерживать «Морского льва» на месте, воспользуйтесь спутниковой корректировкой, - сказал Захаров.

- При таком волнении сигнал не доходит до антенны, нужно подвсплывать, а кабель-трос выпускать в такую погоду опасно – может на винт намотать, - ответил Алферов.

- Я вас прошу, Алексей Николаевич, постарайтесь тогда без спутника.

- Это невозможно, командир.

- Командир, крышки не откроются при таком волнении, а если и откроются, то их может сорвать, - крикнул Заленский.

- Продолжаем подготовку к старту, мы должны выполнить приказ, - сказал Захаров.

- Иван Алексеевич, отложите старт ракет, - тихо в самое ухо шепнул ему Фирсов.

- Зачем? - повернувшись, словно испугавшись, спросил Захаров.

- Вы же видите, что погода не позволяет это сделать.

- Погода, конечно, и в самом деле некрасивая невеста, но у нас есть приказ, товарищ Фирсов, который я нарушить не могу, и к тому же на полуострове наблюдается значительное улучшение... А почему я, собственно, должен перед вами оправдываться? Пока я здесь командир, или вы метите на мое место? - спросил Захаров, заметив, что около него уже стоит не только Фирсов, но и Алферов, Карташов и Заленский.

- Нет, Иван Алексеевич, я не хочу занять ваше место, у меня нет такого таланта, как у вас. И все же остановите предстартовую подготовку, я на этом настаиваю, и не только я, но и все остальные старшие офицеры. Вы же сами понимаете: мы только зря засветимся и у нас тогда больше не будет шанса.

- Вы все так думаете? - еще не доверяя Фирсову, спросил остальных офицеров Захаров.

- Да, Иван Алексеевич, мы все согласны с товарищем Фирсовым, - сказали Карташов, Алферов и Заленский.

- Хорошо, хорошо, тогда отменяем к черту предстартовую подготовку: если я решу еще что-то предпринять, то я обязательно перед этим соберу собрание всего экипажа, и мы поставим это на голосование. Так, внимание, контур противокорабельной обороны, говорит командир: объявляю отбой предстартовой подготовки, - сказал с какой-то злобой Захаров и тут же покинул центральный пост, а за ним побежал Карташов.

- Иван Алексеевич..., Иван..., да подожди же, - догоняя, позвал его Карташов.

- Чего ждать? Когда меня отстранит по радиোগрамме «Центр» и Березин возьмется за выискивание среди вас сумасшедших?

- Как отстранит? А кто тогда будет командовать?

- Кто, кто - Березин. Кто же еще? - проходя коридорами, бросал фразы Захаров, не обращая внимания на Карташова.

- Почему вы решили, что вас отстранят? - семеня ногами, спросил Карташов.

- Потому что мое командование висит на липочке. Я уже получил три строгаха, меня уже давным-давно должны были отстранить, не знаю, чего они там цацкаются со мной... Ты что, не читаешь радиোগраммы из «Центра»?

- Почему, читаю, но там только о строгом выговоре, и то Березин знает, что другого выхода у нас не было.

- Он? - спросил Захаров, остановясь. - Он знать ничего не хочет, его замкнуло на выполнении инструкции, а я ему мешаю, понимаешь? Он с удовольствием меня отстранит, был бы повод. Вот не выпустим ракеты - у него и будет повод, тем более, что и «Центр» после этого пришлет прямой приказ о моем отстранении.

- Но, но... но... Такого не может быть.

- Что? - Захаров на минуту встал, посмотрев на Карташова. Заметив его растерянное лицо, он продолжил свой путь. - Все может, Сергей Александрович. Березин здесь бог и царь, а я здесь вроде лошади, запряженной в повозку. И этой лошади не пристало интересоваться, что там делается в этой повозке: ей нужно везти, ноги переставлять, а если она уже не может или упирается, то ее отстреливают, так как она больше ни на что не годна.

- Вы не лошадь.

- Я-то не лошадь, ха, ха, ха. Я-то как раз и есть лошадь - тяжеловоз. И мне велено сидеть и не рыпаться, чтобы не стать колбасой. Ты когда-нибудь конскую колбасу ел? - Захаров даже улыбнулся.

- Нет. Но плохая же погода.

- А ты думаешь, там будут разбираться, какая погода?

- Не знаю - во всяком случае, должны.

- Ты что, никогда не работал в системе?

- В какой системе?

- В государственной, - Захаров подошел к двери своей каюты, и, открыв ее, он вошел внутрь, закрыв перед Карташовым дверь, оборвав на полуслове разговор.

Два следующих дня Захаров провел в каком-то странном ожидании: спокойно интересуясь сводкой погоды полученной со спутника, он, зевая, поднимал перископ и, убеждаясь в том, что по-прежнему море недовольно их присутствием, опускал его, отправляясь нести скучную вахту. Но в последний день перед отходом в квадрат связи Захаров вновь переменялся и сразу после утреннего сбора объявил о намерении произвести ракетный запуск, всплыв для этого на поверхность. переубедить Захарова уже никто не стал, да и не хотел: по его решительному настрою все видели, что это бесполезно. И в одиннадцать часов утра в центральном посту вновь началась предстартовая подготовка. Захаров решил, пренебрегая безопасностью «Морского льва», всплыть и произвести запуск ракет в надводном положении.

- Интересно, как же нам удастся запустить ракеты с поверхности - у нас же для этого не приспособлены шахты: нет ни газоотвода, ни других приспособлений? - спросил Заленский, когда узнал о безумной идее Захарова.

- Не волнуйтесь, Павел Витальевич. Все очень просто: нам главное ее выбросить наружу, а там не автоматическим способом, а вручную запустим маршевый двигатель. Я уже выбрал добровольцев для проведения необходимых работ.

- Вы представляете, что будет если ракета грохнется на палубу... если не запустятся двигатели, она же разнесет всю лодку. Командир, это сумасшествие.

- Передо мной стоит задача нанести ракетный удар, и я это сделаю, даже если все вокруг против.

- Командир, это самоубийство, - попробовал возразить Карташов.

- Как хотите, это можете назвать. Только я бы хотел, чтобы вы сейчас, товарищ Карташов, сосредоточились на текущих проблемах, и помните, что от вас очень многое зависит, чтобы ракеты не упали нам на хребет.

Захаров повернулся и пошел лично инструктировать людей, обслуживающих шахты: они должны были внести некоторую техническую коррекцию в системе запуска ракет.

- ...как только закончите, немедленно доложите результаты работы. Запомните: без вас запуск не состоится, -

закончив этими словами, Захаров вернулся в центральный пост.

- Внимание, контур управления: глубина погружения двести метров, - скомандовал Захаров: он намеренно опустил «Морского льва» поглубже, чтобы не чувствовалась на борту качка, которая мешала ремонтной бригаде выполнить необходимые работы.

- Товарищ Карташов, мне нужно, чтобы вы лично проконтролировали проведение тестирования автоматической системы выброса ракет, - сказал Захаров.

- Есть, - хмуро ответил Карташов.

- Товарищ Заленский, свяжитесь с командой, осуществляющей работы в ракетных шахтах, и уточните конкретный механизм ручного запуска маршевых двигателей ракет.

- Сейчас сделаю, командир.

Работы в ракетном отсеке продолжались в течение сорока минут, после чего Захарову доложили о том, что все закончено и можно приступать к предстартовой подготовке. Захаров приказал вновь вывести «Морского льва» на глубину тридцать метров. Спустя шесть минут корпус лодки вновь заколыхался от бури, не прекращавшейся вот уже долгое время на поверхности Аравийского моря.

- Всем внимание: начинаем предстартовую подготовку, - скомандовал Захаров, полагая вскоре произвести запуск.

Все старшие офицеры с опаской выполняли его приказы - больше никто не хотел останавливать Захарова, так как понимали: второй раз командир свой приказ не отменит. Через тридцать минут предстартовая подготовка была благополучно завершена.

- Внимание, контуру противокорабельной обороны заполнить шестую, седьмую, восьмую, четырнадцатую, пятнадцатую шахты водой, - скомандовал Захаров. Момент запуска был близок, и командир «Морского льва» чувствовал, как страх сводит его скулы, из-за чего ему было трудно отдавать приказы.

- Шахты заполнены водой, - самолично контролируя весь процесс, доложил Заленский.

Следующим приказом командира, должен быть, приказ на всплытие. В легких Захарова в эту минуту образовалось электрическое поле, которое с каждым вздохом пощипывало все его внутренние органы. Иван Алексеевич набрал воздуха,

чтобы выход углекислого газа вытолкнул из горла приказ на всплытие, но в эту минуту появился Березин. Со дня последнего разговора он редко покидал стены своей каюты, разве что только для несения вахты. А в последние двое суток его и вовсе не было видно. Захаров пару раз интересовался им, но ему доложили о том, что с Березиным случилась какая-то болезнь; когда он узнал об этом, то с радостью освободил старпома от несения вахт до конца недели.

- Иван Алексеевич, вы можете мне объяснить, что тут происходит? В связи с чем такое оживление?.. Все люди почему-то на своих боевых постах как прищипленные. Вы что, проводите учения? Тогда зачем меня вызвали? - спросил Березин. Он как-то неуверенно стоял на ногах и поэтому за что-нибудь постоянно держался одной рукой.

- Нет, мы готовимся к запуску ракет. Вас разве не уведомляли?

- Вот вызвали, только ничего не сказали, хотя я что-то слышал по громкоговорящей связи. Ой, ой, что же мне так плохо-то? Смирно-о-ов!!! Где ты там, тащи скорей, - крикнул он охранника. Из коридора появился рослый мужик в черном комбинезоне, с пластмассовым ведром. Березин засунул голову в него, и на весь центральный пост послышалось громкое страдальческое рычание старпома.

- Что с вами, товарищ Березин? - спросил его Захаров.

- А? Со мной... ничего. Живот выворачивает: съел, что ли, чего, не знаю, - ответил Березин, как только вынул голову из ведра.

- Да вы качку не переносите, - сказал Захаров.

- Ой, ой. Очень, очень может быть. А мы не могли бы куда-нибудь утонуть поглубже, а то я уже неделю ничего в рот взять не могу - все назад вылезает. Смирно-о-ов!!! - сказал Березин и снова засунул голову в ведро.

- Я намерен всплыть на поверхность и произвести запуск ракет, - удивительно даже для самого себя спокойно сказал Захаров, словно разговор шел не об опасной операции, а о безобидной поездке в соседний городок. Выслушав объяснения Захарова, Березин смотрел прямо на него в изумлении, подумав про себя: либо Захаров сошел с ума, либо он чего-то не понял.

- Как вы сказали? Всплыть и запустить ракеты? А зачем? Я этого не перенесу, ой, - взвыл Березин.

- Нам необходимо всплыть, товарищ Березин. Из-за шестибалльной качки мы не можем осуществить подводный старт крылатых ракет.

- Но вам запрещено всплывать! Почему вы собираетесь нарушить приказ...? И опять не поставили меня в известность. И вообще, вы подумали, что со мной тогда будет: там, наверху, трясет, наверное, сильнее. Вы что, моей смерти хотите? - спросил Березин, впервые показав во всей красоте свое белое как полотно лицо.

- Я иду на нарушение не по своей воле.

- А по чьей же? Вы хотите сказать, что я вам снова мешаю работать? Ой, не могу больше, мы когда-нибудь опустимся куда-нибудь, где нет качки?

- Я иду на нарушение для того, чтобы выполнить приказ из «Центра».

- Какой «Центр»? Смирно-о-ов!!! Ведро... - прервался Березин, чтобы вновь опорожниться. - Ой, ой. Ах, «Центр», но он, насколько я помню, не просил вас нарушать прежние приказы. Я больше не могу... ой, как мне плохо, это когда-нибудь кончится? Похоже, товарищ Захаров, вы совсем обезумели и хотите не только меня погубить (а я-то точно сейчас отдам концы, если это сейчас же не кончится), но и всех извести. Кстати, кто видел Курехина? - Березин посмотрел вокруг обводящим взглядом. - Никто не видел? И я не видел. Товарищ Захаров, если увидите Курехина, скажите ему, что его лекарства мне не помогли... и немедленно отмените приказ на всплытие. Вы что, правда, моей смерти желаете, товарищ Захаров? Если мы только всплывем, нас же тут же найдут!

- Как же я отменю приказ на всплытие, если я его еще не отдавал, - ответил Захаров.

- Это сейчас неважно: командуйте отбой, командуйте, пока можете командовать... Ой, как же мне плохо... Держи меня, Смирнов! А где бадья? Не опускай ее, Смирнов, она мне может скоро понадобится... Иначе я вас отстраню, товарищ Захаров, о моих полномочиях вы уже, кажется, уведомлены.

- Только если вы всю ответственность за невыполнение приказа «Центра» возьмете на себя.

- Какую ответственность? Где она? Вы что, торговаться со мной собираетесь? Я тут еле на ногах стою...

- Нет, но я не хочу отвечать перед «Центром» за невыполнение приказа только лишь потому, что под вашим давлением я отменил старт ракет.

- Какой старт, я еле дышу. Ты что, не видишь? Если я не вернусь на базу, вы уже ни за что не будете отвечать, так что можете отменять свой приказ. А то я сейчас концы отдам. Всю эту вашу ответственность я беру на себя, вот только бы теперь дойти до каюты. Смирно-о-ов!!! давай... - и Березин снова нырнул в ведро. - Вон, в ведре вся ваша ответственность плавает. Пошли, Смирнов, - сказал Березин, как только вынул голову из ведра, уходя с центрального поста.

- Всем внимание: говорит командир, объявляю отбой готовности номер один. Ремонтной бригаде произвести наладку автоматического запуска маршевого двигателя, - ледяным голосом произнес Захаров.

- А как вы надеялись запустить с поверхности ракеты? Шахты же не оборудованы для этого? - остановившись у самого выхода, спросил Березин.

- Ракеты бы вылетели вместе со струей воды, а запуск двигателя мы бы осуществили вручную.

- Ох, наверное, не дойду. При таком-то ветре и волнении? Да вы еще, пожалуй, более сумасшедший, чем я о вас думал, товарищ Захаров. Пошли, Смирнов, здесь какой-то сумасшедший дом собрался, - пристально посмотрев на Захарова, сказал Березин и добавил: - И как только генерал Шкворин мог так ошибиться в вас!

Через шесть часов «Морской лев» повернул развернулся и пошел в запасной квадрат связи, чтобы вновь сигнализировать о невыполнении приказа и получить очередное задание из «Центра». Брошенное Березиным с барского плеча освобождение от ответственности за срыв ракетного запуска Захаров тут же ощутил на себе: как с него свалилась целая гора непонятных затруднений, мешавших его полноценной деятельности как командира «Морского льва». Теперь же он может спокойно продолжить работу в совершенной уверенности, что Березин сдрейфил и к нему в «Центре» также отнесутся с недоверием, когда получат шифровку о постигшей их неудаче.

Запись датирована 23 февраля 1991 года

В запасной квадрат связи «Морской лев» вернулся спустя десять дней, без опозданий. Перед выходом на связь Захаров вместе с Березиным составляли донесение в «Центр». Старпом под различными предлогами пытался отговорить командира упоминать о его желании во что бы то ни стало произвести запуск ракет и о том приказе, который отдал Березин, остановив предстартовую подготовку, предлагая ограничиться тем, что запуску ракет помешал шестибалльный шторм, бушевавший в течение восьми дней в точке запуска. Но Захарову было важно, чтобы в «Центре» знали о его стремлении выполнить задание, возможно, таким образом он рассчитывал укрепить свои позиции в их глазах. После долгих споров они наконец, сошлись на формулировке: «Из-за погодных условий несовместимых с выполнением задания, запуск ракет произведен не был. Предложение командира «Морского льва» изменить точку запуска с выходом в район более благоприятных погодных условий было отклонено товарищем Березиным».

В восемнадцать часов тридцать минут шифровка была отправлена по спутниковому каналу в «Центр». Захаров потирал руки в надежде, что теперь после этих сведений последуют новые организационные выводы и он, наконец, избавится от назойливого Березина и снова примет единоличное командование «Морским львом». Ответ вновь пришел чрезвычайно быстро и не содержал никаких упоминаний о постигшей их неудаче, а только короткий

приказ на выполнение нового задания. «Напасть на авианосную группировку, находящуюся в квадрате... Главная цель - уничтожить авианосец «Энтерпрайз», - далее следовали координаты. Это была та самая авианосная группировка, которая пыталась найти и уничтожить неизвестную подводную лодку, скрытно проникшую в зону проведения операции многонациональных сил. Когда Захаров прочитал приказ, он побледнел, забыв о недавнем споре с Березиным и свои ожидания от ответа из «Центра». Он не верил своим глазам и снова и снова читал радиограмму, потом пригласил к себе Карташова и потребовал от того жестким тоном правильность расшифровки, а, когда понял, что ошибки быть не может, тихо спросил того: «Сережа, ты жить хочешь?»

- Да, - растерянно ответил тот, не понимая, почему он спрашивает его об этом.

- Ты знаешь, что ты принес мне?

- Приказ из «Центра», - растерянность сменило легкое удивление.

- Нет, ты не приказ мне принес, а смертный приговор. Всем нам. Вот что ты мне принес, Сережа, - сказал Захаров, держа перед ним шифровку из «Центра». Потом он сел на ближайший стул, а его безразличный взгляд тихо стелился по выключенному экрану дисплея компьютера, пытаясь проникнуть в глубь его темно-серого кинескопа. Захаров чувствовал себя полностью уничтоженным, а в голове окопалась мысль: «Ты, Захаров, теперь точно камикадзе».

В этот момент появился Березин:

- Так ответ из «Центра» уже получен? И что в нем?

- Да вот, - сказал Захаров и протянул ему текст шифровки.

Березин, прочитав отпечатанную на посеревшей бумаге кириллицу, изменился в лице.

- Полагаю, Иван Алексеевич, что этот приказ вы сможете выполнить и уже никто вам не помешает. Что ж, мы попали в число избранных: нам выпала великая честь, и мы можем умереть за идеалы нашего народа и партии. Нами будут гордиться потомки. Сообщите эту чрезвычайно важную новость экипажу, командир, - он хотел сказать что-то другое, но получилось то, что сказал, и, немного помолчав, уже тише добавил: - Генерал не ошибся в вас, товарищ Захаров, я должен был понять раньше, для чего таких людей, как вы,

вытаскивают из петли. Я этого не предвидел, и теперь мне придется расплачиваться за свою ошибку.

- Вы многое еще не предвидели, товарищ Березин.

- Может быть.

- Значит, больше мешать мне не будете?

- Чему «мешать»?

- Отстранять людей по первому подозрению.

- Нет, только с вашего согласия.

- И отмените свой список из восьми фамилий?

- Да.

- А как насчет согласования с вами всех дальнейших действий «Морского льва»

- Не нужно со мной ничего согласовывать.

- Вы хотите сказать, что я снова становлюсь независимым командиром? - почти торжественно спросил Захаров.

- Да, да, только потопите этот авианосец.

- Березин, вы боитесь умереть?

- А кто этого не боится? Вы?

- Я? Не знаю, может, и не боюсь. Я еще не знаю, как это - умереть, - с улыбкой сказал Захаров.

- Вы либо дурак, товарищ Захаров, либо идиот, - сказал Березин и, повернувшись, вышел из центрального поста.

Захаров остался один, и тут его голову посетила мысль: «А чего, собственно, ты нюни-то распустил, еще ничего не ясно. Мы сделаем это и вернемся домой победителями, а насчет «идиота», то смерть только идиотов и боится. Авось, и меня напугается и отступит, костлявая». И тут же последовала ремарка: «Как же еще пожить-то охота. Увидеть бы Надежду с Сашкой в последний раз, а там и в пекло идти не страшно».

Посидев еще немного, Захаров включил громкоговорящую связь и после короткой паузы начал свою речь:

- Товарищи офицеры и матросы! Всем внимание, говорит командир. Нами получена шифровка из «Центра», которая приказывает нам напасть на авианосную ударную группировку американских ВМС и уничтожить авианосец «Энтерпрайз». Тем самым, я полагаю, мы остановим американских империалистов в войне с Ираком, и они, наконец, уберут свои замаранные в чужой крови руки от независимого иракского народа. Нам предстоит пролить

кровь, товарищи матросы, но это необходимое кровопускание во избежание обширного инфаркта, который может поразить весь Ближний Восток. Американская экспансия на Востоке сравнима разве что с раковой опухолью, поражающей все новые и новые области арабского организма, и наш долг – помочь арабам в неравной борьбе с этой смертельной болезнью.

Не скрою: поставленная перед нами задача очень трудновыполнима, и в эти дни от вас потребуются героические усилия для того, чтобы мы вышли победителями из этой смертельной схватки. Я думаю, что, когда мы выполним этот приказ, «Центр» даст добро на наше возвращение домой. Но не стоит, товарищи, забывать о том, что враг очень силен: любой американский авианосец является гордостью Америки, поэтому он очень хорошо охраняется, и никому, кроме японских летчиков-камикадзе, не удавалось его потопить. Возможно, чтобы выполнить это задание, от нас потребуются наши жизни, и я хочу, чтобы вы были готовы их отдать во имя торжества идеалов Коммунизма и Ленинизма. Я верю, что Родина никогда не забудет своих сыновей, отдавших за нее жизнь. Я уверен, что наши имена навечно будут вписаны в славную историю нашей страны. И еще. Помните: нет краше смерти, чем смерть во имя благополучия твоей семьи, твоего народа, твоей Родины.

Последовала тишина, Захаров сидел словно замороженный, а перед глазами посередине центрального стояла его мать в ситцевом платье, он не видел ее уже давно, и, видимо, она сильно постарела за это время, но в этом виртуальном видении она была молода и очень красива. Еще с минуту просидев, а потом словно очнувшись, Захаров совершенно другим тоном сказал:

- Объявляю готовность номер два. Всему офицерскому составу собраться через пятнадцать минут в кают-компанию. Центральному компьютеру подготовить всю необходимую информацию об авианосце «Энтерпрайз».

- Есть, Master, - ответил «папик». Он не любил, когда его называют центральным компьютером, поэтому всегда прибавлял слово «Master», заранее зная, что это не нравится Захарову.

- Если мы нападём, начнется же война, - сказал Карташов, подойдя к Захарову. Бледность лица выдавала его волнение.

- Почему ты так решил? Откуда американцам знать, что мы русские... - сказал, вставая, Захаров.

- Но вдруг они знают о существовании нашей лодки и ее принадлежности?

- О существовании знают, а вот насчет нашей принадлежности вряд ли. Если бы знали, «Центр» тогда бы не отдал такого приказа. Либо весь мир уже стоит на краю ядерной войны, и тогда наше участие просто необходимо.

- Но война Ираком проиграна. Саддам Хусейн уже объявил о своей капитуляции.

- Ну и что? А мы сейчас будем, может, как оружие возмездия - зарядим в задницу америкашкам, чтобы знали, кто в доме хозяин.

- Я ничего не понимаю: мы же с американцами не враги, холодная война уже в прошлом, командир.

- Холодная война, союзники - это все политика... вчера - друзья не разлей вода, а завтра - заклятые враги. Наше с тобой дело маленькое, нам нужно выполнить задание и вернуться домой, и точка, товарищ Карташов.

- Не вернемся, потому что возвращаться будет некуда.

- Да что ты так разволновался? Думаешь, мне хочется выполнять этот приказ? Если еще выполним... - последнее предложение Захаров буркнул себе под нос. - Нам ничего не остается делать, а вернуться всегда есть куда, так что перестань. И перестаньте, товарищ Карташов, обсуждать приказы. Их нужно не обсуждать, а выполнять. Вам ясно?

- Так точно, товарищ командир, - вдруг вытянувшись в струнку, ответил Карташов.

А Захаров, не обращая больше на него внимания, повернул в коридор, ведущий к его каюте: он хотел посидеть несколько минут один, чтобы собраться с духом и выглядеть перед остальными офицерами бодрым и полным сил. Закрывшись в своей каюте, Захаров сел перед зеркалом, а рядом с ним поставил фотографию Надежды и Саши, когда они два года назад ездили на Соловецкие острова в тамошний монастырь - бывшую тюрьму политзаключенных. Эту фотографию Захаров перед отъездом машинально взял с собой: она лежала в огромной куче других фотографий, но в

руку попала именно эта, и Захаров, не желая рыться и выбирать другие, взял ее.

Закрыв лицо руками, все тело Захарова, словно по какой-то команде, расслабилось, а душа, высвободившись из искусственно им же созданных рамок, разогрела всю грудь.

Кузнец звучным движением положил поковку в горн, где ее принял в свои объятия огонь, поедающий каменный уголь. Температура заготовки быстро пошла вверх, благо ее механические качества были еще не столь высоки, но все же в свете последних событий коэффициент содержания углерода значительно возрос, и на рабочей части начался парад цветов нагрева: с темно-коричневого на коричнево-красный, потом на темно-красный, вишневый, светло-красный, желтый, пока она не стала излучать девственно белый свет.

Как только на поверхности заготовки проявился вишневый цвет, началось укрупнение зерен и ослабление связи между ними, вследствие этого сталь становилась более пластична. Вот плазменный свет, который, кроме пагубной черноты, содержит все остальные известные человеческому глазу цвета, охватил всю рабочую часть заготовки, и кузнец клещами вынул поковку, положив ее ловкими и умелыми движениями молотка-ручника на облицовку двурогой наковальни, начал придавать заготовке необходимую форму, стуча резкими и сильными ударами по рабочей части, деформируя ее зернистое тело. При ковке мелкие частицы металла текут по направлению наименьшего сопротивления и кратчайшим расстояниям. Если знать это правило движения мельчайших частиц, то время обработки детали может быть сокращено до минимума, что в конечном счете влияет на долговечность использования готового изделия в последующей работе. Как только брусок покинул жаркие апартаменты горна, его температура накала начала неуклонно падать. Из-за нехватки времени вновь вернуться в первоначальный размер поковка окончательно становится крупнозернистой, что также благоприятно сказывается на ее дальнейшей прочности. Когда кузнец закончил однурукую ковку и заготовка приобрела желаемую форму, он опустил ее в восемнадцатиградусную воду, где она застыла в новом для себя облики.

Спустя пятнадцать минут в кают-компании собрались все командиры отсеков, но Захарова еще не было. Свое опоздание на пять минут он компенсировал двойной энергией, когда появился и начал с ходу говорить о предстоящей операции.

- Авианосец «Энтерпрайз», - открывая дверь без приветствия, сказал Захаров, - самый большой авианосец в мире: его длина триста сорок два метра, ширина полетной палубы семьдесят шесть метров. Можете себе представить три футбольных поля в ряд - вот примерно какие размеры имеет его палуба. Его полное водоизмещение девяносто четыре тысячи тонн. В общей сложности его экипаж составляет три тысячи двести человек. Питают весь этот плавучий аэропорт четыре ядерных реактора, поэтому взрыв будет равен восьми Чернобылям, если они, конечно, не

позаботятся опустить графитовые стержни. Ну, да будем надеяться, что это сделает за них автоматика.

Наверняка эта машина охраняется лучше, чем другие подобные авианосцы. Для сравнения скажу, что в обычном варианте для сопровождения авианосца выделяются от восьми до десяти кораблей и в их число входят от двух до четырех атомных крейсеров. Чтобы потопить авианосец, необходимо, чтобы в его борт попали шесть наших крылатых противокорабельных ракет. Вот, можете полюбоваться на него, - и Захаров показал на экран, где уже светился авианосец в разных видах. - Теперь поговорим о его внутреннем содержании. Под взлетной палубой находятся ангары, в которых размещено более половины самолетов. Всего он несет на своем борту более семидесяти самолетов различных классов и шесть вертолетов. Они способствуют созданию беспрецедентной системы ПВО вокруг группировки кораблей. Также защите всей группировки кораблей служит многофункциональная система «Иджис», установленная на крейсерах УРО типа «Тикондерога». Главное ее предназначение - это обмен данными об оперативной обстановке под водой, на поверхности и в воздухе, полученных посредством гидроакустических и радиолокационных станций. То есть в обычной группе кораблей каждая ее единица ведет поиск самостоятельно и, если что-то находит, то сообщает командующему - тот принимает то или иное решение. Это очень долго, особенно когда стоит вопрос о том, кто первый нажмет на кнопку. И кто это сделает раньше - тот и победит. Многофункциональная система позволяет все эти процессы ускорить. Все оперативные данные с кораблей группировки стекаются в один центр на авианосце, где и находится флагман, от которого и исходят все приказы - целеуказания для ракет и торпед. Оператору корабля остается только нажать кнопку по команде из центра.

Таким образом, все корабли объединяются в одну централизованную систему, которая действует как единый организм. Как я уже говорил, командование поставило перед нами задачу уничтожить авианосец «Энтерпрайз». Чтобы его потопить, нам необходимо будет сначала вывести из строя как минимум все крейсера типа «Тикондерога», которые будут входить в авианосную группировку, так как они являются ядром системы «Иджис», а без этой системы

остальные корабли потеряют оперативность действий, и вся группировка станет неповоротливой. Тогда мы сумеем потопить и авианосец. Есть какие-нибудь вопросы? - Захаров оглядел всех пытливым взглядом.

- Как мы это сделаем? - спросил Березин.

- Что именно?

- Потопим крейсер «Тикондерога», тем более если он будет не один.

- Об этом во второй части моего доклада, товарищ Березин. Итак, вопросов я не вижу - значит, всем все ясно. Теперь перейдем непосредственно к выполнению поставленной задачи. Что мы знаем о нашем противнике? Мы знаем, что он нас однажды как минимум засек. Думаю, что характеристика нам была дана как сверхмалая подводная лодка. Противник знает, что мы из места военных действий, пока они не прекратятся, не уйдем, поэтому его поиски сосредоточены только на Аравийском море. Рядом, как мы знаем, находится несколько группировок кораблей, способных быстро прийти на помощь, отсюда я делаю вывод, что поисковая группировка имеет небольшое количество кораблей и крейсер «Тикондерога», скорей всего, один, так как все основные силы флота США сейчас задействованы в войне с Ираком. Очевидно, что нам в Аравийском море не выполнить задания, как я уже сказал, из-за быстрого подхода других кораблей им на помощь. Что я предлагаю? - Захаров сделал паузу. - Я предлагаю увести их из зоны операции и там разделаться с ними. Как говорится, поговорим помужски, один на один.

- Капитан, куда вы собираетесь их увести? - спросил Заленский.

- Куда? - Захаров посмотрел на экран: там все еще отображалась схема действия многофункциональной системы «Иджис». - Товарищ Карташов, уберите это, - сказал недовольно Захаров. - Видимо, центральный компьютер совсем не справляется со своими обязанностями. Выведите мне карту Западного полушария! (Через минуту на экране появился круг Западного полушария.)

- Куда, куда, куда... - повторял Захаров, ища место, куда бы он мог отвести группировку кораблей. - Туда, где люди не живут, - вот куда, - сказал Захаров и ткнул указкой в Море Содружества. - Пусть уж лучше там будет ядерная свалка, чем у берегов Индии или какой-нибудь африканской

страны. Так, теперь как мы это сделаем? Для этого я предлагаю вновь себя обнаружить, и, пользуясь тем, что мы имеем превосходство в скорости, будем уходить на юг, заманивая их за собой. Думаю, что они, зная о нас как о сверхмалой подводной лодке, не станут отряжать за нами целую эскадру кораблей, тем более, что война с Ираком еще не закончена, и ограничатся тем, что ранее выделили для нашего поиска. Когда мы подойдем к границе плавающих льдов, то сможем, мне кажется, уничтожить их системы противоракетной обороны: постоянно будут наткаться на айсберги и плавающие глыбы льда. Я думаю, что, когда они поймут наши намерения, будет уже поздно - мы нанесем удар первыми, а они не смогут отказаться, чтобы не ответить нам, и это будет их ошибка, - с наслаждением подвел черту Захаров.

- Это хороший план, если только они клюнут на него, а если они упрутся и дальше Аравийского моря не пойдут? У вас есть другой план? - спросил Алферов.

- Пойдут, куда они денутся. Вы читали Хемингуэя, «Старик и море», Алексей Николаевич?

- Нет.

- Зря, это классика мировой литературы. У каждого рыболова есть мечта поймать большущую рыбину. Можно сказать, рыбину всей своей рыбацкой жизни, понимаете? Так вот, у них там этот Хемингуэй со своей сказкой у всех сидит в печенках, как у нас всех здесь сидящих Достоевский с «Преступлением и наказанием». И я уверен на сто один процент, что командир этой авианосной группировки мечтает поймать свою суперрыбину. То есть нас, нашего «Морского льва», и за этой мечтой он не то что в Антарктиду пойдет, но, я даже думаю, и на Луну полетит.

- Значит, эта меч-рыба - это мы? - спросил Карташов.

- Да.

- Но ее-то старик поймал, не случится того же с нами?

- Поймал, только до берега ее не довез: одни только кости болтались у борта ветхой лодки, когда та уткнулась носом в берег... И к тому же он и сам умер. Я не исключаю примерно того же конца. Авианосец «Энтерпрайз» утонет, хоть даже если и нам придется вместе с ним уйти на дно.

- Командир, как мы справимся с подводными лодками, если они также будут входить в группу сопровождения? - сменив тему, спросил Фирсов.

- С ними придется расправиться в первую очередь. Иначе победы нам не видать как своих ушей. Кстати, так, я думаю, и обнаружим себя. Еще есть какие-то вопросы?

- Когда приступаем? - спросил Фирасов.

Захаров глянул на часы: было половина третьего.

- Ложимся на курс в двадцать два ноль-ноль. А до этого, если у офицеров больше нет вопросов, я объявляю генеральную уборку, так как все остальное время нам некогда будет этим заниматься. А сам подумал: «Перед похоронами покойника его обычно обмывают, вот и нам не мешало бы на всякий случай почиститься».

- Командир, у меня есть еще вопрос: сколько продлится операция? - спросил командир команды гидроакустиков Лузин.

- Думаю, недели две как минимум.

- Выдержат ли люди? Мы же, как я понимаю, будем постоянно находиться в режиме готовности номер один, а в воздухе повиснет постоянная угроза нашего уничтожения, - сказал озабоченно Лузин.

- Вы правильно говорите, товарищ Лузин, но люди выдержат, я уверен, потому что, выполнив это задание, мы получим последний приказ - приказ возвратиться на базу. Правильно, товарищ Березин?

- Наверное... я, конечно, не знаю, - ответил Березин на заставшее его врасплох обращение Захарова.

- Конечно, отправимся домой, и это нетрудно понять логически. Сами посудите: наши запасы еды и боезапасы к тому времени истощатся. И «Центру» просто придется нас отправить домой. Тем более «Морской лев» будет нуждаться в серьезном техническом ремонте. Вряд ли мы из этой схватки выйдем, не получив ни одной царапины... Так, всем командирам отсеков довести до подчиненных необходимую информацию. На этом все, через пятнадцать минут начинаем ПХД. К ужину, надеюсь, все закончат, потом короткий отдых - и приступаем к операции. Товарищ Березин проконтролирует все и потом мне доложит о результатах. Да, и чуть не забыл: переход в квадрат поиска продлится полтора дня, за это время всем командирам помыть своих подчиненных, а каптерщику - выдать новые робы. Для этого после ужина собраться с Курехиным и составить расписание.

Березин всегда выполнял обязанности ответственного за уборку на «Морском льве». Захаров не любил руководить и

следить за ходом этого вида работ - ему больше нравился созерцательный процесс без своего вмешательства. Но на этот раз Захаров отказался, и закрывшись в своей каюте, обдумывал все возможные нюансы предстоящей операции

Через пятнадцать минут все и вся на «Морском льве» двигалось, шуршало, чистилось, приводилось в порядок. А в двадцать два часа командир появился собранный и весь преисполненный решимости выполнить и этот безумный, как ему казалось, приказ «Центра», всерьез надеясь потом вернуться домой. Оценив наведенный порядок, Захаров повел «Морского льва» на сближение с авианосной группировкой кораблей.

Запись датирована 3 марта 1991 года

В очерченный Захаровым квадрат поиска, находящийся в юго-западной части Аравийского моря, «Морской лев» прибыл точно по расписанию. Центральный хронометр субмарины показывал тринадцать тридцать, когда двадцатипятиметровый корпус подводной лодки вошел в его воды.

- Всем внимание: «Морской лев» прибыл в квадрат поиска, - голосом, лишенным всяких эмоциональных оттенков, сообщил "папик". Захаров сидел на своем командирском месте и, потягиваясь от скукоты, скомандовал:

- Всем внимание!!! Объявляю готовность номер один. Начинаем поиск нашего авианосца.

И тут же на переднем экране появилось сообщение гидроакустической группы об оперативной обстановке вокруг «Морского льва».

- Ничего существенного, - решил Захаров и посмотрел на центральный экран, на котором была отображена карта Аравийского моря с очерченным квадратом поиска. «Ну, и куда теперь пойдём?» - вопрос назрел сам собой, подобно спелому яблоку. Не выдержавшая его веса ветка хрустнула, и оно упало на голову Захарова, отчего у того, словно у Ньютона, эти слова и отпечатались в сознании. «Так, авианосная группировка пришла сюда с юга, как и мы... - размышлял он. - На запад она не пойдет, так как там есть другие корабли многонациональных сил, и если б мы там были, то она уж, наверное, проявила бы себя... на юг они тоже не пойдут, а вот строго на восток - почему бы и нет: там открытое море, ни одного острова; что еще нужно лодке, чтобы перевести дух после недавних сражений... Сто пудов, что они именно так и думают», - сказал себе Захаров.

- Алексей Николаевич, разворачивайте нас на восток. Курс девяносто, - скомандовал Захаров, утвердившись в своей мысли.

- Есть курс девяносто, - отозвался Алферов.

Спустя несколько минут все в центральном посту почувствовали, как огромный корпус «Морского льва» поворачивает влево.

- Лодка легла на курс, командир, - сообщил штурман, когда «Морской лев» закончил поворот.

- Начинаем углубленный поиск. Внимание гидроакустической команде: выпускаем хвост. Скорость пять узлов.

- Есть выпустить хвост, - повторил приказ Лузин.

«Морской лев» шел на глубине сто пятьдесят метров. В самом его хвосте, где он заостряется, приобретает форму конуса, существует небольшое отверстие для выпуска наружу гибкой протяжной буксируемой антенны. С ее помощью лодка имеет возможность заглядывать за акустический

горизонт, расширяя для себя поле видимости. Толщиной порядка пяти сантиметров, состоящая из отдельных акустических модулей в виде советских пустых деревянных катушек из-под ниток; в них закреплялось порядка ста гидрофонов, которые регистрировали звуковые колебания на различных частотах в водной среде, – антенна, подобно червяку, высунувшемуся из норки, заскользила в открытое морское пространство, ее протяженность составляла несколько десятков метров, далее шел просто кабель-трос, соединявший ее с субмариной. Вся длина высунутого наружу хвоста составляла более восьмисот метров.

- Начинаем работать в режиме дальнего гидроакустического наблюдения, – сообщил Лузин, как только хвост антенны весь вышел из отверстия, вытянувшись за корпусом лодки.

Первые же результаты, полученные с гибкой протяжной буксируемой антенны, не принесли никаких новых сообщений. В округе на двести пятьдесят миль не было ни одного заслуживающего внимания источника искусственного шумоизлучения.

- Куда они делись? Под дно, что ли, зарылись? – сказал в недоумении Захаров.

«Морской лев» шел на восток, двигаясь лесенкой. Все оставалось без изменений. Так, в тишине абсолютного спокойствия подводная лодка дрейфовала в течение двух дней, наконец, сосуд терпения у Захарова был переполнен, и он, поддавшись соблазну встретиться хоть с каким бы то ни было военным соединением кораблей, повернул на северо-восток. Спустя несколько часов изменения последовали, но они лишь ненамного облегчили ситуацию. Гидроакустики «Морского льва» начали регистрировать многочисленные звуковые волны, исходящие от винтов гражданских судов. Захаров был несколько раздосадован безуспешным поиском и решил убрать антенну, чтобы «Морской лев» мог быстрее двигаться в северном направлении. Теперь его капитан решил снова окунуться в опасную игру, задумав самому спровоцировать нападение на ближайшую группу кораблей многонациональных сил, тем самым рассчитывая привлечь к себе охотившегося за ним авианосца «Энтерпрайз».

- Команде гидроакустиков убрать хвост; штурман, курс триста тридцать восемь, скорость пятнадцать узлов, – скомандовал Захаров, надеясь, что теперь искомый объект

сам собой найдется. А пока капитан «Морского льва» пошел к себе отдохнуть перед большой охотой, где теперь он будет охотником.

- Иван Алексеевич, - позвал Карташов Захарова, когда тот возвращался с вахты.

- Что, Сергей Александрович? - обернулся Захаров.

- Иван Алексеевич, быть может, нам стоит прекратить поиск и доложить в «Центр» о неудаче?

- Зачем? - спросил удивленно Захаров.

- Может, что-то изменилось, и «Центр» объявит об отмене своего приказа? - сказал Карташов.

- Как отменит? Вы что, товарищ Карташов, чего-то боитесь?

- Я - нет. Я ничего не боюсь, товарищ командир. Когда пришла шифровка из «Центра», то я слышал о сообщениях, что войска многонациональных сил вот-вот начнут операцию по вторжению. Может, она уже закончилась, а?

- Так быстро? За три дня на войне ничего не меняется, товарищ Карташов. Я уверен, что мы его найдем, и когда мы его найдем, то нанесем ракетный удар. Если нам удастся утопить хоть один корабль американцев, он произведет на них такое действие, что они лишней раз призадумаются, начинать ли агрессию на Ирак. Тем более, если даже вторжение уже началось, мы сейчас придемся как нельзя кстати. Удар в тыл морской группировке должен подействовать на них холодным душем.

- Я слышал, что якобы американцы готовят массированный морской десант. Мне кажется, товарищ командир, что мы, во-первых, уже опоздали, а во-вторых, мы бы сейчас были полезней в Персидском заливе и своим нахождением смогли бы препятствовать высадке морского десанта.

- Ты мне про этот залив больше не говори, хорошо, что ноги вовремя унесли. Знаешь, как они там, наверное, шерстят всю эту лужу? Они бы нас уже нашли и пустили бы на корм рыбам. Чего ты так боишься? Думаешь, нам их не одолеть? Если хочешь знать, я этого приказа ждал всю свою жизнь.

- Как это? - удивленно спросил Карташов.

- А так. Я когда на северном флоте служил - мы для чего в море выходили?

- Для чего?

- Для того, чтобы пройти глобальный противолодочный рубеж и найти противника - лодку с межконтинентальными баллистическими ракетами, ну, там, «Огайо» или «Лайфет», слежку производили за НАТОвскими кораблями, только вот огонь открывать приказа не было. А сейчас есть приказ не просто перед носом комаром полетать, а уничтожить. Понимаешь ты это?

- Не знаю, - чего-то испугавшись, ответил Карташов, пожимая плечами.

- Эх ты, племя молодое, - улыбнулся Захаров, - я этот приказ жду уже пять лет. Нас же к этому и в училище готовили, и на службе. Всегда быть готовым, без дрожи в коленках НАЧАТЬ... Понимаешь?

- Не совсем. Чего начать?

- Войну. И не просто ее начать, но и выиграть. Если нам удастся потопить хотя бы одну посудину, я почти уверен: этот американский флагман или командир группировки... ну, в общем, неважно. Он же, как цепной пес, сорвется. Думаешь, он не ждет этого же приказа? Они мечтают, и мы мечтаем об одном и том же - как бы начать.

- А почему не начинаем тогда? - наивно спросил Карташов, глядя на Захарова как-то рассеянно и удивленно.

- Все боятся ответного удара - возмездия.

- Так, может, и не нужно ничего начинать?

- А ты знаешь, как трудно отказаться от соблазна? Вот ты представь: сколько лет готовились, придумывали разные технологии, разрабатывали различные планы нападения, отражения атаки - и тут все, братцы, кончилась игра, пора остановиться, да рука и так уже сама к кнопке тянется, и остановить ее уже невозможно, иначе придется признать себя идиотами. Зачем, спрашивается, столько средств вбухали, все это раскручивали, людей обучали: чтобы в один прекрасный день понять, что использование ядерного оружия прекратит жизнь на планете? Да даже если и не прекратит, то человечество уж точно обеднеет. Только идиот может воевать в своей собственной квартире. Бросил гранату в соседнюю комнату - и сидишь, думаешь, что у тебя потолок от этого не осыплется. Как это ни банально звучит, Земля-то наш общий дом.

- Ты все знаешь, тогда зачем нам нападать, может, и откажемся, пока не поздно?

- От чего?

- От нападения.
- От соблазна нажать на кнопку?
- Да.
- Но нам же за это ничего не будет. Зачем же отказываться?
- А люди?
- Какие люди?
- Ну, те, что на кораблях, - они же погибнут. Иван, не бери грех на душу.
- Ах-ха-ха-ха, - засмеялся Захаров. - Ты как старая бабка: не бери, сынок, грех на душу, побойся Бога, - передразнил его Захаров.
- Но это же подло так действовать, они же нам не могут ответить.
- В смысле? - спросил Захаров.
- Они же не знают, что на них нападает советская подводная лодка.
- Ох-ох, какие мы честные. Проснись: весь наш мир - большая подлость, и ты это знаешь не хуже меня.
- Знаю.
- Мы не подло действуем - мы-то как раз сейчас в открытую играем, не то что они.
- Как это?
- Так: последние двадцать лет идет скрытная война между нами и ними, только все делают вид, что ничего не происходит. Мы гоняемся за их лодками, а они - за нашими. Если посмотреть сводки за эти годы, сколько погибло или повреждено подводных лодок в результате столкновений, то получится внушительный список. Чем это тебе не война? Вот только никто ни из наших, ни из американцев не признается, что это необъявленная война. Вон в восемьдесят шестом у Исландии нашу лодку утопила американская, задев ее слегка. Так наши промолчали, словно ничего и не случилось, и до сих пор молчат. А лодка-то миллиардов шесть зеленых стоит, я уже не говорю о погибших. А почему? А все потому, что подожди - и мы, может, таким же способом утопим их. И разведем ручками, скажем: извините, мол, несчастный случай. Не хотели-с, мол, так вышло-с.
- А мы как раз и поступим честно: утопим к едрене фене их авианосец, и тогда они поймут, что все, баста, началось, хватит в прятки-то играть, хватит жопничать-то - выходи, и поговорим по-мужски.

- Но это же третья мировая?
- Неважно, главное - поставим точку в этом вопросе. И выясним, кто в доме хозяин.

- Нет, так нельзя, так нельзя, - залепетал Карташов.

- Что за тон, товарищ Карташов? А ну, равняйся, смирно. Отставить панику, вернитесь на свое место и проконтролируйте самолично готовность всех ракетных систем запуска, - зычно скомандовал Захаров.

- Есть, - и Карташов как ошалелый испуганно вытянулся по стойке и побежал выполнять команду. А Захаров открыл дверь своей каюты, сказав про себя: «Хватит с меня игр понарошку - пора обнажить мечи».

Над бескрайними просторами Великой Римской империи стоит восьмидесятый год летоисчисления после рождения Христа. Весь Рим ликует: сегодня открывается новое чудо архитектурной мысли, четырехэтажный, овальный Амфитеатр - Колизей. В честь каменного гиганта император Тит повелел начать стодневный праздник «погребальной жертвы».

Проклятие и любовь, унижение и слава, презрение и восхищение, сковывающий страх и отчаянная смелость, смерть и жизнь - все соединилось в этом зверином зрелище и заставило трепетать сердца патрициев и плебеев, созерцающих в беспамятном возбуждении поединков людей, готовых убивать друг друга ради их неутолимой жажды крови и благоговения втайне перед тихим и немым хозяином этого торжества - этрусским богом Харуном.

Где-то под землей чудо-дворца Колизея, под ногами многочисленных зрителей, в одном из бесчисленных лабиринтов помещений в свете плачущего смолой факела сидели те, ради которых и опустели улицы Рима. Невольники, приковавшие на время к себе свободных граждан города, ставшего царственной столицей почти всей Европы, Ближнего Востока и Северной Африки.

На арене еще не стихли звуки фанфар и грохот барабанов, а беснующаяся публика и не укротила свой возбужденный рев после парадного шествия всех участников будущего зрелища. А среди каменных стен небольшого помещения гладиаторы, привезенные из Помпей, уже готовились порадовать собравшихся пролитой кровью - своей или, быть может, своих соперников.

Один из них, огромный здоровяк самнит, сидел на скамье, его загорелое тело с пестревшими повсюду шрамами свидетельствовало о многочисленных тяжелых битвах, из которых он, видимо, даже не всегда выходил победителем. Рядом с ним лежал шлем с нащечниками. Он примерял свою панцирную перчатку, когда один из молодых, стоящих в общей толпе, спросил его:

- Макиб, сколько ты выиграл битв?

- Я жив, - поднял голову здоровяк, - тебе столько не победить. Только десять раз из пятидесяти нас отпускали стоячих на ногах - все остальные бои заканчивались тем, что моих противников уносили в мертвецкую.

- Макиб, а тебе страшно?

- Чего страшно?

- А вдруг ты в этот раз не выиграешь, и тогда тебя понесут через врата Либитины?

- Сегодня Манух вручит мне меч Rudis и я стану рудиарием.

- А вдруг тебя убьют и ты не станешь рудиарием?

- Нет.
- А как бы мне победить? Макиб, я так жить еще хочу!
- А ты разозлился, ненавидь своего врага, пускай все твое тело рычит от злости, пусть кости хрустят от злости, пусть зубы скрежещут от ненависти. Меня в Вероне один фракиец на жопу посадил. Ха-ха-ха. Но моя жопа так ненавидела его, что не позволила мне долго на ней сидеть - и как подбросит меня обратно на ноги. Задержись бы я на земле еще немного, он бы мне точно башку снес.
- А что ты испытываешь, когда убиваешь?
- Не убивал никогда? – спросил Макиб.
- Нет, только воровал.
- Я чувствую, что я живу. Вот что я чувствую! Ха-ха-ха. Чего притихли? - бросил он остальным гладиаторам. Они, ничего не ответив, остались сидеть скрючившись, держась руками за голову.
- Я слышал, против нас вроде бы выставят гладиаторов из школы в Капуе.
- Это знаменитая школа: я сначала там обучался, это меня потом продали в Помпею. Так ты не дрался насмерть никогда?
- Нет, я лузорием был, - ответил его собеседник, услышав, как на весь Колизей объявили: «Арена свободна».
- Деревянным мечом махал? Вон уже объявили. Ха-ха-ха, это баловство, вот сегодня увидишь настоящую битву, я давно мечтал драться в Риме. Чего сидите, подыхать собрались? - снова обратился Макиб к пятерым сидящим. Здоровяк встал и, закричав на них, начал пинать каждого.
- Макиб, зачем ты их бьешь?
- Мне нужно, чтобы вырвался из меня Марс. Я сам сейчас буду Марсом, а эти все равно сдохнут. Чего, червь, сидишь - вставай, давай вставай, - он ударив одного из них по голове, поднял и бросил его о землю. - Это я разминаюсь, ха-ха-ха. Иди пни одного.
- Зачем?
- Тебе сразу полегчает.
- Не хочу.
- Зато я хочу. Ха-ха-ха. Я бог, я Марс. Все меня поняли? Сейчас Макиб покажет тебе, как драться нужно, сейчас покажет. Ну, вставай, вставай, чего сидишь, говно...
- Ты чего, Макиб, мы же друзья! - восторженно воскликнул его молодой собеседник.
- Какие друзья, ха-ха-ха, из двоих смерть выбирает только одного, только одного. Ты понял? И это будешь ты, ха-ха-ха, - и он сильно ударил своего собеседника в грудь. А в это время над всей ареной уже пронесся глухой траурный трубный зов, возвещающий о начале битв, где конец может быть только один - смерть.

Приказ Захарова последовал под утро двадцать шестого февраля. Авианосная группировка во главе с авианосцем «Энтерпрайз», уже двадцать второго покинула пределы того квадрата, в котором вел поиск «Морской лев», направившись в Оманский залив. На Аравийском полуострове вовсю разворачивалась наземная наступательная операция «Буря в пустыне», и их группировка должна стать вторым кольцом, блокирующим вход в Персидский залив.

Переход «Морского льва» занял двое с половиной суток, и к вечеру двадцать восьмого февраля, когда уже Ирак сигнализировал о своей капитуляции, Лузин сообщил о находящейся севернее от них небольшой авианосной группировке кораблей.

- Всем по местам, готовность номер один, - скомандовал Захаров. - Выпустить хвост. «Здесь где-то должна шнырять подводная лодка, и, может, не одна...» - подумал Захаров.

И вновь из левого углубления выполз червячок буксируемой антенны. «Морской лев» снизил скорость до трех узлов, а Захаров стал дожидаться получения полной оперативной обстановки.

- Говорит акустик: пеленг ноль-один-три, обнаружена атакующая атомная подводная лодка типа «Лос-Анджелес», скорость семь узлов, курс триста тридцать пять, дистанция тридцать миль, - резанул Лузин сквозь зыбкую тишину скрипящей работы аппаратуры центрального поста.

- Штурман, курс два-восемь-пять, - почти рефлексивно отреагировал Захаров, а сам подумал: «Так, торопиться незачем, они нас не видят и вряд ли увидят». - Карташов, включай защиту, контуру противолодочной обороны составить целеуказания, подготовить противолодочную ракету. Внимание, контуру противовоздушной обороны выпустить два буйка РЛС, - смотря внимательно на центральный экран, Захаров спокойным голосом отдавал приказы.

Отчеты о их выполнении тут же фонтаном полились в его наушники. Но Захаров этого не слышал: он продолжал следить за схематично смоделированным компьютером движением «Лос-Анджелес».

- Говорит контур противовоздушной обороны: буйки РЛС начали работу.

Почти одновременно с докладом сверху правого угла центрального монитора высветилась табличка с надписью «Воздух», сигнализировавшая Захарову о том, что компьютер готов преобразовать поступающую электронную информацию с буйков РЛС, отобразить ее на экране поверх трехмерного изображения глубоководного пространства. Захаров движением указательного пальца правой руки дал добро, и компьютер выполнил свое обещание. И его сразу поразило малое количество воздушных целей: в пространстве,

предназначенном для отображения летной техники, где-то вдалеке кружил вертолет и заходили на посадку два самолета. «Видимо, все уехали на уик-энд, - сказал Захаров и добавил: - Тем лучше для нас».

- Формирование целеуказания закончено, начинаем этап программирования и тестирования системы выброса ракет, - доложили из контура противолодочной обороны.

- Глубина четыреста метров, курс два-два-пять, гидроакустической команде убрать хвост, - скомандовал Захаров, предчувствуя скорый уход. «Эту потерю тупоголовые янки с пластмассовым менталитетом нам не простят», - подумал он.

«Морской лев» развернулся и потерял из виду «Лос-Анджелес», но компьютер на мониторе провел ее предполагаемый курс, и силуэт субмарины остался у него на экране, только сплошная окраска стала в крапинку. На правом мониторе включилась система оповещения готовности оружия «Морского льва». Все было готово к запуску. Сознание Захарова с помощью фантазии уже воспроизвело всю панику в командовании группировке кораблей, и поэтому ему стало немного не по себе. Какова будет их реакция? Этот вопрос застрял у него на линии связи между его сознанием и центром принятия решений. Но ненадолго - в следующий миг мощный поток желания выполнить приказ вытолкнул этот вопрос, и он, подобно падающему метеориту, упал в бездну его совести.

- Внимание контуру противолодочной обороны, говорит командир: открыть крышку двадцать второй пусковой шахты.

- Есть открыть крышку двадцать второй пусковой шахты, - повторили из контура противолодочной обороны.

На правом мониторе компьютер отображал работу системы запуска противолодочной ракеты, так что не нужно было сообщать Захарову о том, что крышка пусковой шахты открыта, но из контура противолодочной обороны все же сообщили о готовности системы к запуску. Захаров еще раз бросил траурный взгляд на краповый силуэт «Лос-Анджелес»...

- Двадцать вторая шахта, пли! - Захаров чуть слышно произнес команду, но чувствительный микрофон донес бы до ушей операторов из противолодочного контура его приказ, даже если бы он прошептал.

Система запуска противолодочных ракет была отлична от запуска крылатых ракет. Корпус «Морского льва» даже не содрогнулся, когда капсула ракеты покинула пусковую шахту. За счет своей нулевой плавучести она довольно быстро достигла поверхности, и, как только это произошло, сработала система стартовых двигателей. От пиротехнического патрона произошло их зажигание, о чем операторы в противолодочном контуре получили уведомление. Ракета выпрыгнула на десять метров над поверхностью моря, спустя пять секунд произошел отстрел модуля стартового двигателя и автоматически включился маршевый двигатель. Ракета быстро преодолела барьер большой буквы «М», и одновременно с выполнением горки она сориентировалась в круглом трехмерном пространстве, найдя стороны заката и рассвета, тепла и холода. Превысив в полтора раза распространявшийся от себя звук работающих двигателей, устремилась в то место, где находилась «Лос-Анджелес».

- Штурман, ныряй на максимальную, скорость пятнадцать узлов, - скомандовал Захаров, когда оператор доложил о включении у ракеты маршевых двигателей.

В этот день на всех кораблях ВМС США и других стран - участниц антииракской коалиции праздновали успешное окончание восьмимесячной операции «Буря и щит в пустыне». Поэтому все корабли работали в дежурном режиме, и ПВО группировки, в которую входил авианосец «Энтерпрайз» и подводная лодка SNN-726 «Сиэтл» типа «Лос-Анджелес», из-за полной уверенности в отсутствии какой бы то ни было угрозы заметили ракету лишь на десятой секунде ее полета. Сразу же на всех кораблях прозвучала сирена боевой тревоги, но было уже поздно: прошло чуть более минуты - и ракета, похожая на патрон от автомата Калашникова, вернулась в водную стихию, врезавшись в нее со всей скоростью. Достигнув глубины в пятьдесят метров, вода заполнила специальную камеру, двигая небольшой поршень, который служил своеобразным включателем отсоединения гильзы маршевых двигателей, а пулей служила сверхмалая торпеда с огромным зарядом взрывчатого вещества. Искать ей долго не пришлось - целеуказание с «Морского льва» пришло, как только торпеда освободилась от средств ее доставки; оставалось включить активное излучение лазерного наведения и сличить полученный

результат с заложенным в ее примитивное вычислительное устройство оригиналом. Как только это произошло, торпеда, описав круг вокруг своей жертвы, вгрызлась ей в бок со всей яростью, откусив всю область рубки и центрального поста «Лос-Анджелес», проглотив этот огромный кусок в пятое измерение.

«Сиэтл» шел на глубине всего ста метров, и распахнутая пасть торпеды достигла поверхности, лепестки волн превысили пятнадцатиметровую отметку. Все, кто находился на кораблях, застыли в неожиданности от чудовищного действия, равного тротиловому эквиваленту в пятьсот килограммов, разом почувствовав всем волосьяным покровом траурное прикосновение смерти.

На «Лос-Анджелес» акустик заметил приближение торпеды, и капитан даже попытался как-то избежать ее попадания, но время, отпущенное ему на маневр за жизнь, было ничтожно мало, и отвалившийся хвост винтом вперед, начал проваливаться в морскую глубину. В кормовых отсеках в живых еще оставались люди, до которых не добралась ненасытная пасть торпеды. Перебравшись на самую корму, они попытались покинуть лодку через аварийный люк, но его заклинило от деформации происшедшим взрывом. Вся стальная поверхность корпуса ошетичилась в смертельной судороге, застыв в ней навсегда. И то, что не сожрала торпеда, заглохило море; сжав прессом хвост «Лос-Анджелес» вместе с еще живыми людьми, на первый взгляд, казалось бы, беззубым ртом, но это только кажется на поверхности, что вода ласковая и нежная: весь обман этого чувства проходит, как только начинаешь опускаться в ее чрево, - только тогда познаешь ее жестокую сущность: чем глубже, тем она становится тверже. Единственное, что оказалось не по силам Аравийскому морю, - так это прочные стенки ядерного реактора, его остановка произошла автоматически в момент взрыва, и теперь он камнем лежал на глубине около четырех с половиной километров среди других остатков от некогда целой машины, способной передвигаться под водой. Он лежал там, где живут удивительные организмы, никогда не видевшие белого света.

Когда неожиданно происходит нечто из ряда вон выходящее, в сознании человека, ставшего свидетелем, зажигаются тысячи лампочек-вопросов, которые мешают правильно оценить происходящее. А если к этому еще

добавить и внешние факторы воздействия на хрупкую психику наблюдаемого, то умение вовремя погрузиться, видеть и понимать только необходимые тебе происходящие вещи, которые помогают начать движение вспять, резко снижается.

Флагман группировки кораблей, ведущей поиск «Морского льва», Лесли Джонс обладал этими способностями, и, выбежав на адмиральский мостик, он первым делом посмотрел не в даль, где произошел взрыв, а на расположение кораблей вокруг авианосца «Энтерпрайз», прикидывая, каким образом нужно начинать поиск подводной лодки, за которой он гоняется вот уже около полумесяца. А что это была именно она, он не сомневался.

Взрыв от ракеты докатился до «Морского льва» гулким эхом, отчего тот немного поморщился, продолжая двигаться на юг. А в голове Захарова пронеслось упоительное чувство: «Вот оно - началось, началось... Мы открыли счет в этом бою, и точка. Думать больше не о чем, пора делать дело, конец скрытой войне, теперь мы положим начало новых правил игры».

Захаров был уверен, что теперь американцы последуют за ним хоть к черту на кулички и подгонять их будет жажда мести и ущемленного самолюбия. Единственная для него сейчас была забота в том, как сделать так, чтобы они их не потеряли, но вместе с тем и не утопили. Но ответ пришел сам собой: нужно просто время от времени выключать защиту от излучения, и тогда «Морской лев» будет, подобно маячку, светить им, указывая путь своего движения. Наступал черед игре в «кошки-мышки», и кто будет ловчее - кошка или мышка, должны были показать четырнадцать дней, которые потребуются Захарову для пересечения Индийского океана; по их окончании должны будут показаться спасительные для Захарова белые острова.

Запись датирована 21 марта 1991 года

Как только первые минуты шока от взрыва «Лос-Анджелес» скрылись в глубинах человеческой души, группировка кораблей начала погоню за «Морским львом». В воздух было поднято порядка сорока самолетов различных классов и восемь противолодочных вертолетов для создания непреодолимой противовоздушной обороны и поиска неизвестной субмарины. Все Аравийское море в округе порядка двухсот километров пронизывали электромагнитные волны, около десятка гидроакустиков одновременно прослушивали весь звуковой горизонт. Передовыми в охоте за субмариной были четыре эсминца типа «Спюриенс»: они, увеличив ход, помчались в место, где операторы РЛС впервые зафиксировали старт противолодочной ракеты. Также в авангарде поиска действовали противолодочные самолеты и вертолеты, которые сбрасывали гидроакустические буи, стараясь покрыть как можно большие площади моря. А позади всей группировки кораблей не спеша шло судно

катамаранного типа дальней гидроакустической разведки «Викториес». Оно тащило за собой две огромные антенны: гибкую протяжную линейную длиной свыше двух с половиной километров и протяжную буксируемую на кабеле антенну сверхнизких частот для исследования звукоизлучателей на глубинах до трехсот метров. Эта мощная гидроакустическая аппаратура охватывала вокруг себя около пятисот километров в радиусе освещения звукового эфира.

Захаров, боясь, что его потеряют преследователи, вначале не включил систему шумопонижения работы гребного вала. И при скорости десяти узлов «Викториес» практически без труда нашла «Морского льва» в водном пространстве, благо между ними расстояние было менее сорока морских миль. Четыре эсминца и противолодочные самолеты и вертолеты стервятниками кинулись в место, указанное «Викториес».

- Всем внимание! Говорит акустик: пеленг ноль-один-ноль, дальность двадцать, скорость тридцать два узла, курс один-восемь-ноль, обнаружены четыре американских эсминца типа «Спюриенс». Минут через сорок будут у нас.

- Внимание, говорит контур противовоздушной обороны: обнаружены пять самолетов F/A-18 «Хорнет», четыре F-16 «Томкет», шесть противолодочных самолетов S-3B «Викинг», восемь вертолетов «Си Спрайт». Время подлета «Викингов» десять минут.

«Морской лев» шел на перископной глубине, и вся оперативная обстановка вокруг него как на поверхности, так и воздухе отображалась на центральном мониторе. Захаров видел, как противолодочные силы группировки изменили направление поиска, приближаясь к его подводной лодке.

- Штурман, ныряй на две тысячи метров. Карташов, включай систему шумопонижения и систему поглощения электромагнитных волн, - тут же скомандовал Захаров.

Американские противолодочные силы приближались столь стремительно, что «Морской лев» еще не успел достигнуть заданной Захаровым глубины, когда акустик сообщил о том, что глубинные бомбы оказались в воде. Спустя несколько минут над их головами уже прозвучали первые звуки ярости, вырвавшейся из чрева небольшого стального бочонка. От взрыва лодку легонько потрянуло, и все в центральном посту как по команде начали искать рукой, за

что бы зацепиться, дабы не слететь с кресла при очередном взрыве.

- Штурман, курс один-три-пять, скорость пять узлов, - скомандовал Захаров.

- Говорит контур противолодочной обороны: все американские противолодочные силы уже над нами.

Противолодочные самолеты спешно обкладывали по всему периметру весь район нахождения «Морского льва» гидроакустическими буйками, а противолодочные вертолеты в окружности около места засечки «Викториес» опускали на кабель-тросах гидрофоны, уточняя местоположение субмарины. Четыре эсминца уже были на подходе, когда их акустики вновь засекали подводную лодку.

Ответная реакция Захарова последовала с той же оперативностью, с какой действовали его преследователи. Резко увеличив ход на максимальные обороты, «Морской лев» хотя и засветил себя уже не только в гидрофонах, но и на экранах радаров активного поиска - ему все же удалось преодолеть цепь выставленных на его пути гидроакустических буйков. Но такая игра в открытую не прошла даром: противолодочные самолеты «Викинг» начали сбрасывать по горячим следам «Морского льва» глубинные бомбы, чуть позже к ним присоединились и противолодочные вертолеты. Захаров, стараясь спастись менял курс, постоянно прибегая к скоростным скачкам, чтобы его не сумели запеленговать гидроакустики. Бомбы сыпались буквально градом, лодку мотало из стороны в сторону, периодически возникала угроза ее провала в глубину, где она окажется, подобно железному бруску, между молотком и наковальней.

Акустики «Морского льва» уже продолжительное время ничего не слышали из-за взрывов, а в отсеках творился полный хаос из незакрепленных предметов и людей, у которых уже подводила психика от резких, гулких и плотных взрывов в толще воды. Уже на третьей минуте бомбежки Захарову сыпались доклады о полученных повреждениях, благо сначала со страху сообщали о мелочах вроде разбившихся тарелок и упавшей клавиатуре, но скоро система устранения неполадок начала передавать сбои в электронных системах, иногда выходили из строя целые компьютерные блоки и компьютерные цепочки. Оперативной заменой занимался Карташов: он бегал по всему центральному посту с железными ящиками и платами,

вытаскивая поврежденные платы, не проверяя характер поломок, откладывая этот процесс на потом, вставляя уже новые. Захарову еще повезло в том, что пока оставалась нетронута ходовая часть и из рабочих механизмов сломался только компрессор.

При первой же атаке на «Морской лев» американские самолеты израсходовали в течение пяти-десяти минут весь свой боезапас: лихорадочно освобождаясь от смертоносного груза, они возвращались на авианосец и спустя полчаса взлетали вновь в район поиска. Пока происходила их смена, на помощь им подошли четыре эсминца и также один за другим стали сбрасывать глубинные бомбы.

И все же первая атака у охотников за «Морским львом» получилась в несколько суматошной - бомбежке подвергались целые районы площадью несколько сот километров, где даже при всех «если» не могла находиться субмарина. Наверное, благодаря только этому Захарову и удалось уйти от погони, избежав серьезных повреждений, а может, и самой смерти.

Опомнились американцы спустя шесть часов, когда Захаров был уже за сотню километров на юго-западе от них. Только тогда на акустическом горизонте можно было разглядеть движение группировки кораблей, ведущей поиск «Морского льва». Лесли Джонс был удовлетворен первой атакой на загадочную подводную лодку и считал, что если им и не удалось ее уничтожить, то уж, несомненно, ей причинен значительный ущерб. Лесли, как и говорил ранее Захаров, чувствовал себя главным героем повести Эрнеста Хемингуэя «Старик и море». И охотился он не на каком-нибудь эсминце за огромной рыбиной в лице «Морского льва», а на легендарном авианосце, принимавшем участие во Вьетнамской войне (правда, он тогда не был командиром корабля, а был вторым помощником капитана, но служил именно на этом авианосце).

На центральном посту, как и во всех отсеках «Морского льва», стояла гробовая тишина; кто-то тихо сидел на боевом посту, исполняя свои обязанности, а кто-то еще дрожал от страха после недавних гулких, проникающих звуков от разрывов глубинных бомб.

У Захарова на лбу выступил конденсат от недавно разгоряченной атмосферы на центральном посту. Ему безумно хотелось спать и забыть весь этот кошмар, который

длится вот уже девять месяцев. Но тут к нему подошел Карташов, он почувствовал тяжелое дыхание и, повернувшись, увидел его лицо, покрытое капельками воды из-за динамичных сокращений: тело, подобно губке, выделяло воду, содержащуюся внутри.

- Товарищ капитан, все поврежденные блоки заменены, команда ремонта и восстановления поврежденного оборудования уже работает над их восстановлением, - изнеможенным тоном доложил Карташов.

- Устал, вижу, - сказал Захаров.

- Да ничего, сейчас посижу с полчаса, и все нормально будет.

- Давай, отдохни, но только не более получаса, потому что через полчаса пойдем снова их будить, - сказал Захаров, подняв вверх указательный палец.

- Хорошо.

- Так, всем внимание: объявляю тридцатиминутную паузу. Всем немного отдохнуть, системы управления, слежения и раннего предупреждение перевести на автоматический режим работы. Всем свободным от вахты заняться разноской по боевым постам кофе и сока на выбор, - скомандовал Захаров, а сам поставил локти на стол и вложил голову в ладони, закрыв глаза.

Передышка после яростной атаки американских кораблей и самолетов составила чуть более четырех часов. «Морской лев» отделился от них на сто восемьдесят пять миль. Развернувшись, Захаров вновь обдумывал, как им снова вызвать дракона и увлечь его за собой, не причинив лодке вреда. За это время к основной группировке подошло судно дальнего гидроакустического обнаружения «Викториес», к поиску были подключены все находящиеся в этом районе спутники слежения. Так что стоило Захарову всплыть на перископную глубину, и его тут же практически могли обнаружить по кильватерному следу глаза, скрытые в небесной синеве.

Собрав снова воедино все силы, Лесли Джонс, несмотря на отсутствие прозрачности окружающего пространства, возобновил поиск «Морского льва». А Захаров, заметив, что охотник перевел дух и уже готов к затеянной им игре в кошки-мышки, вновь начал маневры по заманиванию противника на юг.

На этот раз «Морской лев» обозначил себя в двухстах километрах от американских кораблей. Его капитан уже учел все допущенные им ранее ошибки и прибег к тактике маячка. Как и следовало ожидать, в воздух немедленно были подняты противолодочные самолеты, и четыре эсминца устремились на полных оборотах винта в место, где запеленговали «Морского льва». Первыми уже к рассвету на место прибыли самолеты: они покрыли несколько районов, упреждая возможный отход неизвестной подводной лодки.

Тем временем, пока самолеты и корабли приближались, Захаров ушел от места засветки еще на пятьдесят километров. А когда прибыли четыре эсминца, то на их радарах субмарина вновь высветилось в ста километрах от них. Вся американская группировка увеличила было ход; приняв на борт самолеты, посланные еще ночью, и отправив вторую партию, Лесли Джонс понял, что не способен эффективно преследовать неизвестную лодку. «Они уходят на юг. Зачем они манят нас туда?» - думал он. В эту минуту он пожалел, что сорвался с места, поддавшись эмоциям, не запросив помощи в виде трех атомных подводных лодок типа «Лос-Анджелес». «С ними бы было гораздо легче преследовать этого сукиного сына», - выругался он, не в силах сдержать своего отчаяния.

Захаров продолжал уводить авианосец «Энтерпрайз» и группу кораблей сопровождения на юг. Лесли Джонс больше не бегал за «Морским львом», подобно мальчику в пивном баре по первому требованию посетителя. Эскадра американских кораблей следовала на юг со скоростью шестнадцати миль в час, лишь иногда высылая вперед противолодочные самолеты, чтобы те, отбомбив несколько прилегающих к месту обнаружения районов, мешали Захарову неожиданно для них выйти в атаку.

При докладе в штаб флота Лесли отказался принять дополнительную помощь, сказав только, чтобы за ними на расстоянии трехсот километров следовали три атомные подводные лодки типа «Лос-Анджелес», готовые по первому требованию оказаться в авангарде соединения кораблей, начав поиск и уничтожение противника. «Это будет сюрпризом для этого наглеца, возомнившего себя неизвестно кем», - подумал Лесли, и тут же давнишний вопрос снова проявился в его сознании: «Но кто ты такой? Всадник без

головы». Впоследствии «Морского льва» так и будут обозначать американцы в своих донесениях.

Березин же все это время усилил свои старания в проведении исследования морально-психологического состояния экипажа. В ближайшие два дня после первой бомбежки он отправил в стационар десять человек с подозрениями на легкую депрессию. Захаров вновь было вступил с ним в спор, но тот пригрозил ему, что, если командир будет обсуждать его решения, то он еще больше людей засадит на больничную койку, в том числе и его самого, так как у него уже есть на его счет подозрения. А к этому Березин еще прибавил, что он и так вынужден себя ограничивать. По его мнению, необходимо положить в лазарет не десять человек, а добрую половину экипажа «Морского льва».

После действий старпома людей стало не хватать, а нагрузка на оставшихся увеличивалась. Как-то незаметно в проходах начала скапливаться грязь, но командиры отсеков понимали, что сил на то, чтобы начать уборку, нет ни у них, ни у их подчиненных. Короткий сон, прием пищи - и снова на вахту, обе смены работали на износ, и когда «Морской лев» прибыл в точку, где, по соображению Захарова, они должны напасть на авианосец «Энтерпрайз», весь экипаж «Морского льва» был доведен до полного изнеможения. А когда спустя десять дней Захаров пришел к Березину справиться о здоровье тех десяти больных, которых он положил на лечение, и выразил желание поговорить с каждым из них, то Березин сообщил ему то, чего так боялся командир. Оказалось, что трое из десяти не прошли повторно тест и Березин, как и следовало из инструкции, распорядился сделать им «укол смерти». Поразившее до глубины души известие Захаров узнал и от Курехина.

- Иван Алексеевич, Иван Алексеевич, командир, это я, понимаешь, это я, это я сделал им укол. Я не хотел, не хотел, но он приказал, это монстр, это чудовище. Я ему говорил, говорил, что, быть может, нужно подождать... Но он же не слушает, не слушает. Он только твердит про инструкцию, а что я мог - я всего лишь врач, да и они уж больно совсем плохи были. У двоих истерика, психомоторный процесс совсем вышел из-под контроля, они же на меня бросались, спасибо охранникам, защитили... а тот, что с депрессией, - Нарышкин - он уткнулся в угол и ни на какие вопросы и

отвечать не хотел. Все выбрасывал; когда Березин узнал про него, он мне и говорит: давай и его до кучи. Вот ведь чудовище какое. Я, наверное, сам скоро с ними всеми с ума сойду, - с бешеными глазами, задыхаясь от сделанного им ужаса, шептал ему Курехин.

Когда Захаров собственными глазами увидел трупы матросов в черных пластиковых мешках, ему сначала стало плохо, и он чуть не упал. После этого он жестко спросил Березина, знает ли тот, что с ним сделают, если об этом узнает весь экипаж. На что старпом ответил, отойдя от Захарова на приличное расстояние. «Я, товарищ Захаров, выполняю инструкцию, и если кто ко мне прикоснется - того я сам застрелю», - и вытащил пистолет Макарова. На следующий день около дверей своей каюты Березин выставил вооруженных людей из охраны лодки, подчиняющейся только ему.

Дальнейший с ним разговор на эту тему Захаров оставил на время, когда они придут в квадрат уничтожения авианосца. Но не только это волновало командира - на протяжении всего перехода его не оставлял еще один вопрос: «почему американцы так послушно следуют за ним? Неужели они готовы к чему угодно и так легко позволяют себя заманить в ловушку?» Чтобы обезопасить себя от сюрпризов, Захаров несколько раз приказывал выпускать протяжную буксирующую антенну, дабы проверить не северное направление, откуда шло американское соединение кораблей, а южное, опасаясь наткнуться на противника, притаившегося в глубине.

- Ты знаешь, что там, впереди?

- Да.

- Откуда ты это знаешь - ты же спиной идешь? Как ты можешь видеть спиной?

- Но я же иногда поворачиваюсь.

- Но ты не можешь все сразу увидеть: а вдруг ты сбился с курса, вдруг ты не туда идешь? Откуда ты знаешь?

- Знаю.

- Это тебе кажется, на самом деле ты слепо веришь в то, что ты это знаешь, куда ты идешь. Ты знаешь это только наверно, да?

- Нет, я почти уверен, я почти уверен, что дойду.

- Нет, ты не дойдешь, потому что ты сам не знаешь, куда ты идешь.

- Как же я не знаю, если я сам выбрал дорогу?
- Ну и что ж, что выбрал: ты ее выбрал наугад, не подумав, не оценив все «за» и «против». Твой выбор определил не ты, а скоротечный момент. Помнишь, ты сказал: «Куда, куда, куда? Вот сюда», - и ткнул пальцем.
- Ну и что же?
- А то, что у тебя что-то щелкнуло и ты ткнул пальцем в первое же попавшее тебе на глаза место.
- Но я же иду, как видишь, не сворачиваю, не меняю своего решения.
- Ну что же, сейчас идешь, а через секунду запнешься о какую-нибудь корягу. Упадешь, вот смеху-то будет, вот смеху-то будет, вот смеху-то будет...

Захаров поднял голову, открыл глаза, осмотрелся вокруг, а в голове еще звучал девичий тонкий голосок: «Вот смеху-то будет, вот смеху-то будет...»

С приближением к антарктическим водам весна как-то незаметно перешла в лето, а потом лето в осень. Наступило ухудшение погодных условий, и Лесли Джонс, выходя на адмиральский мостик, уже не мог обходиться без своего пиджака, а вскоре он распорядился, чтобы из кладовок всем достали зимнюю форму одежды. «Куда он нас ведет? - спрашивал себя Джонс. - Там, дальше к югу, глядишь, погода совсем начнет портиться, и палуба обледенеет». Подумав еще немного, Лесли воскликнул: «Вот чего добивается этот всадник! Смотри-ка, хоть головы и нет, а соображает».

Переход до плавучих островов, объявивших суверенитет Антарктиде, занял не две недели, как рассчитывал Захаров, а гораздо больше: они там оказались только в двадцатых числах марта. За это время команда «Морского льва» находилась в готовности номер один, принимая все меры безопасности, ожидая каждый час от американского соединения кораблей нападения. К концу перехода Захаров, спавший по четыре часа в сутки, был сильно измотан, под глазами снова появились черные заводи, свидетельствующие о его бездне усталости. И весь экипаж «Морского льва», так же, как и его капитан, буквально изнемогал от постоянного напряжения. Курехин неоднократно говорил Захарову, что люди не выдержат такой продолжительной нагрузки, и даже, несмотря на то, что за многими процессами следил центральный компьютер, все же всегда на месте находилось до десяти человек, готовых в

любой момент подхватить из его «рук» управление «Морским львом».

Двадцать второго марта (начало осени в южном полушарии) «Морской лев» был в трехстах километрах южнее острова Херд, принадлежащего Австралии. Именно здесь Захаров и решил выкопать могилу авианосцу «Энтерпрайз», а в случае неудачи скрыться среди плавучих льдов Антарктиды, благо близится осенний период, и хороший погожий денек на вес золота, так что преследование будет затруднено, и он без труда уведет от опасности «Морского льва».

Запись датирована 23 марта 1991 года

Захаров не верил своим глазам: у него получилось, получилось привести американскую авианосную группировку за тысячи миль к седым берегам необетованной земли.

- Все, финиш, - сказал он, когда «папик» объявил о прибытии «Морского льва» в заданный квадрат. - Товарищи офицеры, мичманы, матросы, я поздравляю вас: нам удалось привести американского быка на бойню. Здесь, недалеко от берегов Антарктиды, мы нанесем ему смертельный удар и продемонстрируем всему миру силу и мощь советского оружия! - сказал торжественно Захаров.

- Тебе сам черт помог, - сказал, проходя мимо, Фирсов.

Захаров молча посмотрел на него, объявил по всем отсекам готовность номер три и дал команду к переходу на полное автоматизированное управление для того, чтобы люди могли отдохнуть за эти многочисленные дни, проведенные в усиленном режиме и повышенном напряжении.

- А, гори теперь хоть все огнем, - выходя из центрального отсека, сказал сам себе Захаров. Дойдя быстрым шагом до своей каюты, он упал в койку и заснул двенадцатичасовым сном.

Неизвестная подводная лодка неожиданно пропала со всех радарных экранов американской эскадры, ее не слышали и многочисленные гидрофоны на «Викториес». Сначала на это никто в походном штабе ударной авианосной группировки не обратил внимания, и корабли по-прежнему шли на юг. Но, когда «Морской лев» не появился спустя сутки, Лесли Джонс забеспокоился и начал запрашивать все службы, ведущие наблюдение за «Всадником без головы».

Захаров проснулся от шуршания мокрой тряпки об пол. Он открыл глаза и увидел, что в проходе стоит Фирсов, а около него, согнувшись пополам, мыл пол вахтенный матрос.

- Ну и грязищи у вас тут, Иван Алексеевич. Разбудили? Да мы тут хотели вам сюрприз сделать, - сказал Фирсов, как только заметил приоткрывшиеся глаза Захарова. При иных обстоятельствах Захаров разразился бы гневом ярости, так как он никогда не позволял рядовому составу заставить себя в неудобном ему состоянии. Но сейчас все изменилось: субординационная напыщенность куда-то исчезла, и вместо нее в душе проросла огромная благодарность всем членам экипажа «Морского льва» за стойкость и мужество, которые

они проявили во время перехода через весь Индийский океан.

- Лучше бы чистое белье принес, а то как-то неприятно мне перед матросом в таком виде просыпаться. А грязь - что ж, ее всегда можно убрать: правильно, товарищ Нилов? - без особых усилий Захаров вспомнил фамилию матроса шестого отсека, а Нилов, никак не отреагировав на это, продолжал делать свою работу.

Покинув свою каюту, Захаров пошел по отсекам, замечая, как весь остальной экипаж только начинал просыпаться. Сон нарочно продлили до обеда, чтобы каждый смог вволю выспаться в этот день. По прошествии времени обеда все отсеки на «Морском льве» обретали чистый вид. Заглянув на минуту в центральный пост, Захаров направился к старпому, чтобы выяснить все обстоятельства с положением дел десяти матросов, находящихся в лазарете, трое из которых уже лежали в холодильнике в плотных черных пластиковых пакетах.

Березина Захаров встретил в ракетном отсеке окруженным несколькими офицерами.

- ...сейчас пойду проверить ваш отсек, а вы, - Березин указал на ближайшего к себе офицера, - пока займитесь аккумуляторными ямами.

- Григорий Олегович, вы заняты? - спросил Захаров.

Захаров подошел к нему из-за спины, и тот, не ожидавший появления командира, вздрогнул.

- Я?.. Мы тут занимаемся согласно распорядку дня, - пролепетал Березин.

- Я понимаю. Я вас спрашиваю, Григорий Олегович, вы сейчас свободны? - улыбаясь, спросил Захаров.

- Да, - ответил Березин, не зная, чего ожидать от командира.

- Я бы хотел пройти с вами в лазарет.

- Ага, сейчас, - перевел дух Березин. - Вы меня все поняли? - строго обратился он к офицерам.

- Так точно, товарищ старпом, - ответили все хором.

- Тогда приступайте к исполнению. Иван Алексеевич, пойдете. Хотите посмотреть на пациентов Курехина - так вы бы и без меня могли это сделать, - и Березин, развернувшись в противоположную сторону, энергично зашагал к лестнице, ведущей на первый уровень.

Дверь лазарета распахнулась, как только Захаров с Березиным подошли почти вплотную к ней. Из-за нее показался Курехин: его лицо не скрывало глубокой озабоченности. Он хотел пройти мимо, но Березин остановил его.

- Николай Игоревич, куда вы? Вы нам нужны. Мы к вам.

- Ко мне? - переспросил Курехин. - Но мне некогда. Я сейчас не могу...

- Что-то случилось? - поинтересовался Захаров.

- Ничего не случилось, - угрюмо сказал доктор.

- Конечно, ничего не случилось: у меня все под контролем. Пойдемте, Николай Игоревич, - и Березин почти взял Курехина под руки и повел того в лазарет.

Захаров откровенно ничего не понимал, но все же проследовал за ними, решив, что развязка наступит сама собой.

- Николай Игоревич, где у вас записи наблюдений за больными? - спросил Березин. - Да, и достаньте журнал трагически скончавшихся.

- Сейчас, но... - Курехин что-то хотел возразить, но, не договорив, начал рыться в столе.

- Какой журнал? - спросил Захаров.

- Черный журнал - не в судовом же писать будем о троих скончавшихся, - сказал удивленно Березин.

- Вот, нашел, пожалуйста, - сказал Курехин, протягивая Захарову карты больных и черный журнал.

Захаров раскрыл его и увидел три абзаца. Внизу каждого из них стояли цифры дней, месяца и года заполнения и подписи Курехина и Березина.

- Не хватает вашего автографа, Иван Алексеевич, - сказал Березин, протягивая ему шариковую ручку.

- Я не подпишу, - строго сказал Захаров.

- Почему? - поинтересовался Березин.

- Потому что вы, товарищ Березин, убийца. И вы это понимаете?

- Стоп, командир, мы же с тобой договорились. Я выполняю свою работу, а ты - свою. Я тебе не мешаю выполнять твою работу, ты не мешаешь мне выполнять свою.

- Я не подпишу эту бумагу, - стоял на своем Захаров.

- Я соблюдаю инструкцию: они не прошли два раза тест. Я поступил, как сказано в инструкции, - упорствовал Березин.

- Ну и что, что не прошли. Сейчас, может, половина экипажа не пройдет тест, потому что люди пахали сутками двадцать дней подряд, пока ты тут с этими бумажками бегал. Понял?

- Товарищ Захаров, вы отказываетесь выполнять инструкцию?

- Да ты пойми: мы же завтра все на корм рыбам пойдем, а ты тут со своими инструкциями лезешь, - Захаров взял Березина за грудки и тряс его, пока говорил.

- Внимание всем: вызываю охрану лодки, - смотря стеклянным взглядом на Захарова, проговорил Березин.

- Ну и что теперь? - сказал Захаров, отпустив его с презрением.

- Ничего, - поправив комбинезон, ответил тот.

Спустя минуту дверь открыли двое высоких, излучавших здоровье молодца из охраны.

- Вызывали, товарищ Березин? - обратился один из них к старпому.

- Да, - как-то смущаясь, сказал Березин.

Последовала немая сцена. Березин в замешательстве смотрел попеременно то на Захарова, то на прибывших ребят в черном камуфляже. Захаров, уловив растерянность старпома, взял инициативу на себя.

- Вы свободны, товарищи. Товарищ Березин просто мне хотел доказать, что его охрана действует подобно молнии. Я убедился, товарищ Березин, - обратился он к застывшему в нерешительности своих дальнейших действий Березину. - Спасибо вам за оперативное реагирование, а я учту на будущее, что не верить своему старпому у меня нет причины. В случае скрытного проникновения врага на «Морской лев» наша доблестная охрана всегда начеку.

Люди хотели уже повернуться и уйти, как Березин тихо произнес:

- Хватит врать, и подпишите свидетельство о смерти.

- Нет, я не подпишу. Можете меня арестовать, тогда вы сорвете операцию «Центра». Я вам больше скажу: вы сейчас немедленно освободите семерых, которые находятся здесь, в лазарете. Иначе я выхожу на связь с «Центром» и сообщаю ему о том, что вы поставили под угрозу выполнение

операции, арестовав (другого слова у меня, к сожалению, для вас нет) семерых очень важных людей и убив еще троих, самых незаменимых.

- У вас все незаменимы, товарищ Захаров, - это ложь, - прошептал в ярости Березин.

- Нет, не ложь, и я могу вам это доказать, но сначала я хочу увидеть тех семерых, которые еще остались в живых. Я сам оценю их самочувствие, а товарищ Курехин меня проконсультирует в этом вопросе.

И Захаров, не обращая внимания на Березина и стоящих рядом охранников, открыл дверь, ведущую в отделение, где находились люди, пригласил знаком своей руки проследовать за ним Курехина. Тот сначала поглядел на Березина и, не найдя в нем запрета, пошел за Захаровым.

- Ладно, живи, - сказал Березин и, хлопнув дверью, вышел из лазарета, за ним последовали двое охранников.

Как только они скрылись, Захаров закрыл дверь и живо начал листать карты истории болезни, спешно просматривая всех семерых больных.

- По каким признакам он их определил на койки? - спросил Захаров.

- Я точно не знаю, - коротко ответил Курехин.

- Это не ваша рука, товарищ Курехин. Кто ведет записи? - спросил Захаров, показывая Курехину журнал.

- Березин.

- Почему записи ведет он, а не вы?

- Это его приказ.

- Давно их положили?

- Две недели назад.

- Что кололи?

- Психотропные препараты, успокоительные.

- И сейчас колете?

- Да.

- В каком они состоянии?... - и, не дождавшись ответа, сам пошел проверить их самочувствие, открыв им же закрытую дверь.

Все семеро лежали, накрывшись одеялом с головой. Захаров замер, не зная, к кому подойти. Сзади к нему приблизился Курехин:

- Они все немного в заторможенном состоянии, - шепотом объяснил доктор.

Захаров подошел к ближайшей койке и сел на край. Под одеялом человеческое тело зашевелилось, и из-под него выглянула голова с взъерошенными волосами.

- Саморуков Николай Игнатьевич, турбинист, положен десятого марта с симптомами психопатии, - прокомментировал доктор

- Кто это определил?

- Товарищ Березин.

- Что вы скажете?

- Я не могу вам ничего сказать.

- Почему?

- Приказ Березина. Я вообще не имею к ним доступа.

- Как это так, вы же доктор?

- Но не психиатр - так сказал Березин.

- А Березин что, дипломированный специалист по психиатрии?

- Это не мое дело, и вам я не советую вмешиваться.

- Почему вы так говорите?

- Я хочу вернуться домой живым.

- А это здесь при чем?

- При том. Меньше знаешь - дольше живешь.

- Хорошо. Как их вернуть к жизни?

- Двух-, трехнедельный курс интенсивной трудотерапии без переутомления плюс повышенное потребление витаминов; хорошо бы, конечно, свежий воздух, открытое пространство, продуваемое теплым ветром, но где его взять?

- Да, воздух здесь, конечно, не тот, - ответил Захаров, пощупав пальцами, словно трогая, воздух, оценивая его качество. - Ответственность за их вы берете на себя: если что-то возразит Березин, отправляйте его ко мне. Словом, валите все на меня, его угроз не слушайте, а Березина не бойтесь - если мы до базы доберемся живыми, его с нами не будет. Вам все понятно?

- Да, командир.

- И никому ни слова о нашем разговоре: просто я вам поручил заняться их лечением, потому что считаю, что это ваша прямая обязанность, а товарищу Березину нечего в ваши дела нос совать. Я просто пытаюсь расставить все на свои места. Так и передайте товарищу Березину. А теперь прощайте и, пожалуйста, сообщайте мне, если у товарища Березина еще раз появится желание кого-то определить

отдохнуть на больничную койку. Нам люди очень нужны, и мы не можем превратить «Морской лев» в здравницу.

- Я все понял, командир.

- Ну и хорошо.

Весь вечер Захаров провел в окружении Карташова, Заленского и Алферова, вырабатывая совместно с ними план нападения на авианосную ударную группировку. И уже на следующее утро Захаров, прекрасно понимая, что одного дня недостаточно экипажу для полного восстановления сил, снова объявил готовность номер один.

После того как «Морской лев» исчез со всех экранов американских кораблей, Захаров увел его на восток на расстояние около двухсот километров. Тем временем ударная авианосная группировка, продолжая следовать на юг, оказалась за спиной у «Морского льва». Прежде чем Захаров начал охоту на авианосец, он выпустил хранившиеся в хвостовой части, на вьюшке, рядом с цистерной главного балласта, обе гибкие протяжные буксируемые антенны для замера уровня звукового, магнитного и теплового поля вокруг «Морского льва». Как только все измерения были произведены и Захаров увидел уровень демаскирующих факторов, он начал поиск оставленных им без присмотра следовавших за его кильватерным следом кораблей американского флота.

Запись датирована 27 марта 1991 года

- Внимание, говорит акустик, - спустя два часа непрерывного поиска прозвучал долгожданный клич, - пеленг два-пять-три, обнаружены два эсминца, предположительно «Спюриенс», скорость двадцать узлов, курс ноль-один-пять, дистанция сто двадцать миль, ведут поиск в активном режиме.

Погода в этот день не блистала великолепием: сумрачный тихий ветерок, наполненный влажностью, пронизывал все вокруг. Одно сплошное облако закрыло солнце, а где-то вдалеке еще оставались следы утреннего тумана.

В двухстах километрах слева по курсу «Морского льва» шли передовые корабли авианосной группировки, а в небе круглосуточно дежурило несколько самолетов, обеспечивая своим присутствием противовоздушную защиту авианосцу и всему соединению кораблей. Как только первые лучики

зажгли синеву небосклона, интенсивность нагрузки на взлетно-посадочные полосы возросла. Авианосец увеличил скорость и пошел по направлению наибольшего сопротивления прозрачной стихии. Предвестником возобновления интенсивного движения в небе стал взлет спасательного вертолета. Он не спеша оторвался от палубы и занял место на траверзе справа по борту на случай неудачного старта или финиша самолета. После того как он начал кружить, демонстрируя абсолютную готовность в оказании немедленной помощи, в воздух начали подниматься другие самолеты: F-14, F/A-18, S-3, EA-6B, E-2C. Все птички, взлетевшие с плавучего гнезда, поднялись на высоту тысяча двести метров и проследовали в район сбора, находившийся в десяти километров от авианосца на северо-востоке. Там заканчивалась зона ответственности командира авиакрыла и начиналась зона ответственности центра управления воздушным движением, расположенного на «острове» - единственной надстройке около взлетной палубы авианосца. Здесь происходило планирование и управление всеми машинами, находящимися в воздухе. Самолет ДРЛО E-2C «Хокай» осуществлял освещение противовоздушной обстановки вокруг группировки, два F/A-18 «Хорнет» дежурили на дальних подступах, наблюдая за воздушной обстановкой, а на ближних подступах четыре F-14 «Томкет» были готовы в любой момент перехватить летящую смерть.

Два крейсера типа «Тикондерога» шли с обеих сторон, осуществляя коммуникацию и сбор всех данных с других кораблей по поиску «Морского льва», переправляя информацию на авианосец. Шесть вертолетов летели за сто пятьдесят километров впереди группы кораблей, опуская на кабель-тросе гидроакустическую антенну, также вели поиск неизвестной подводной лодки.

Позади всей группировки не спеша, со скоростью три узла, шло судно дальнего гидроакустического наблюдения «Викториес», прослушивая и просматривая океанские глубины на удалении до пятисот километров.

- Посту противовоздушной обороны выпустить два буйка, - скомандовал Захаров. - Включить шумопонижение. (Направил «Морской лев» немного севернее, чтобы не сближаться с группировкой кораблей.)

- Буйки на поверхности, - спустя минуту доложили из противовоздушного контура. Одновременно с этим на левом экране высвечивалась информация о воздушной обстановке.

Обходя стороной американскую группировку кораблей, «Морской лев» выставлял за собой РЛС-буйки, таким образом охватывая ими с севера, словно сетью, всю авианосную группировку.

Спустя четыре часа Захаров имел практически полную картину воздушной обстановки над всеми кораблями, наблюдая, как самолеты возвращаются на авианосец и в воздух поднимается новая партия для круглосуточного обеспечения над всем соединением кораблей противовоздушной обороны.

Авианосец «Энтерпрайз» шел со скоростью восемнадцати узлов, а позади него, отставая с каждой секундой, двигалось судно дальнего гидроакустического наблюдения «Викториес», представляющее для «Морского льва» наибольшую угрозу. Только оно со своей мощной гидроакустической аппаратурой могло определить местоположение «Морского льва». Если расстояние между ними станет менее семидесяти миль и скорость лодки будет выше шестнадцати узлов, отметка тут же появится на экране гидроакустического комплекса «Викториес» или же слабый шум отзовется в наушниках ее оператора. Поэтому первой и главной целью поражения Захаров выбрал именно судно дальнего гидроакустического наблюдения, чтобы дать себе простор для дальнейших действий. И это была не единственная цель первого старта противокорабельных ракет. К второстепенным были отнесены два крейсера типа «Тикондерога». Но прежде, по соображениям Захарова, сначала должен быть произведен старт противовоздушных ракет, чтобы упредительным ракетным ударом лишит соединение кораблей возможности реагировать на ранней стадии полета его противокорабельных ракет. После этого Захаров планировал скрыться от преследования и нанести новый удар так же неожиданно и молниеносно, как и предыдущий.

Бортовой компьютер совместно с Карташовым составлял программу запуска ракет и определения целей, шла полным ходом подготовка пусковых шахт к предстоящему старту. На большом экране в глубине

центрального поста отображалась вся оперативная обстановка в воздухе, на поверхности и в глубине.

- Тестирование системы запуска завершено, вся система готова к старту, - доложили из контура противокорабельной обороны.

- Принято, - спокойно ответил Захаров.

- Формирование целеуказания завершено, - доложил Карташов.

- Принято, - вновь повторил Захаров, не сводя глаз с экрана.

Соединение кораблей двигалось в прежнем порядке: впереди, делая дуги, шли два эсминец «Спюриенс», за ними следовали в ряд по овальной траектории три фрегата «Оливер Х. Перри». А в середине находился авианосец «Энтерпрайз», справа от него - крейсер «Тикондерога», слева - эсминец «Спюриенс», чуть позади следовал еще один крейсер «Тикондерога», а на противоположной стороне - фрегат «Оливер Х. Перри». Точно за авианосцем потихоньку плелось судно дальнего гидроакустического наблюдения «Викториес». И замыкали шествие слева фрегат, а справа эсминец. Таким образом, вся процессия была длиной в километр двести метров, а в ширину - около семисот метров.

Крышей над ней служила отличная система ПВО. В воздухе постоянно дежурили шесть самолетов F-14 «Томкет», четыре F/A-18 «Хорнет», два самолета ДРЛО E-2C «Хокай», один самолет радиоэлектронной борьбы EA-6B «Проулер» и два противолодочных самолета S-3B «Викинг». Кроме этого, на ближних подступах действовали четыре противолодочных вертолета HH-60H «Си Хок».

В пятиминутной готовности на палубе авианосца находились два F-14 и S-3B «Викинг», в пятнадцатиминутной готовности - еще пара F/A-18 «Хорнет» и в тридцатиминутной - еще шесть самолетов «Томкет», «Хорнет» и «Викинг». Кроме них на эсминцах, крейсерах и фрегатах, постоянно готовые вылететь по первому требованию, находились на взлетных площадках вертолеты «Си Спрайт». Вся группировка уже в течение месяца работала по готовности номер один.

«Морской лев» уже выходил в точку запуска ракет, Захаров, не отводя глаз со всей процессии, отдал приказ на всплытие на глубину тридцать метров. Автоматическая система управления плавно стабилизировала лодку на

глубине, и позади ее рубки медленно открылись крышки одиннадцати пусковых шахт. Захаров смотрел на отчет времени, и у него возник в голове странный вопрос: «Интересно, мы движемся во времени или оно движется в нас?»

- Штурман, подтвердите готовность маневра отхода, - приказал он.

- Маршрут отхода готов.

- Значит, мы готовы полностью. Всем внимание, шахты: ноль, один, два, три, четыре, тридцать пять, тридцать шесть, тридцать семь, тридцать восемь, - пли!!!

Давно покинувшее чувство вновь вернулось, «Морской лев» девять раз с трехсекундным интервалом вздрогнул. Система выброса ракет зафиксировала выход их из шахт. Спустя десять секунд каждая оказалась на поверхности, а в это время новая партия из шести противоздушных ракет вырвалась из спины «Морского льва». Сама же подводная лодка находилась в ста пятидесяти километрах от американской группировки кораблей, продолжала идти в противоположном направлении.

Старт ракет заметили на третьей секунде полета ракет. Штаб, находящийся на авианосце «Энтерпрайз», мгновенно отреагировал, начав коррекцию движения на море и воздухе. В место, где был произведен запуск, немедленно заспешили все имеющиеся в наличии у Лесли противолодочные силы. В ту же секунду было передано сообщение на дежурившие в двухстах пятидесяти милях к северу три подводные лодки типа «Лос-Анджелес».

Первыми жертвами выпрыгнувших из глубины ракет стали два самолета ДРЛО Е-2С «Хокай». Несмотря на тщательную опеку одного из F-14 «Томкет», который несколько раз выставлял около ракеты ложные цели и создавал радиопомехи, все было бесполезно. Иголоподобные ракеты со скоростью, в три раза превышающей скорость звука, проткнули насквозь небольших размеров самолеты с тарелками наверху, обеспечивающими дальнюю радиолокационную разведку. От них ничего не осталось, кроме хвостового оперения, краев крыльев и этой самой тарелки-антенны, которая, словно на катапульте, была отстреляна в первый же момент взрыва. В центре управления воздушным движением потухли экраны, где отображалась дальняя радиолокационная обстановка. Противокорабельные

и крылатые ракеты, летящие в сторону, стали невидимыми из-за очень низкой высоты полета. Вторыми жертвами противовоздушных ракет стали два самолета S-3В «Викинг»: они действовали в зоне ближнего действия на удалении от авианосца в пятидесяти километрах, выставя гидроакустические буйки. Две ракеты вынырнули точно под ними, и никто не успел даже как-то отреагировать, когда два самолета с довольно толстыми фюзеляжами были подброшены какой-то невидимой силой вверх, и в следующее мгновение, взорвавшись, они дополнительно исторгли из себя несколько взрывов, так что от них уже остались лишь мелкие черные фрагменты, разбросанные на десятки метров вокруг.

- Воздушные цели поражены, - коротко последовал доклад из контура противовоздушной обороны.

- Принято, - ответил Захаров. Его интересовала судьба посланных им противокорабельных ракет, он словно был заранее уверен в том, что зенитно-управляемые ракеты поразят цель, и он даже не следил за их полетом, а вместо этого внимательно наблюдал за продвижением к группировке кораблей противокорабельных ракет.

Ракеты, посланные для уничтожения «Викториес» и крейсера «Тикондерога», благополучно вышли на поверхность и сориентировались в пространстве, для чего поднялись на стометровую отметку. Затем они опустились на высоту пятидесяти сантиметров от уровня моря, отчего их брюхо постоянно задевало волны, и, набрав скорость в девятьсот километров в час, устремились в сторону группировки. Когда два самолета ДРЛО исчезли в воздухе и в командном центре потеряли данные дальней радиолокационной обстановки, никто, кроме операторов, работающих на центральном посту «Морского льва», не видел траекторию полета противокорабельных ракет. Четыре сверхмалые цели, летящие на сверхмалой высоте, были незаметны на корабельных радарх. Единственный из американцев, кто продолжал следить за их полетом, был пилот истребителя-штурмовика F/A-18 «Хорнет» Стив Грег. Он немедленно пошел на сближение, на его радаре они еще мигали, то появляясь, то исчезая. Приблизившись на расстояние около километра, он выпустил две управляемые ракеты «Сайдвиндер». С первой же секундой их активные головки наведения нашли летящие практически по самой поверхности океана ракеты. Спустя менее десяти секунд

раздались два мощных взрыва, и угроза уничтожения крейсера «Тикондерога» миновала.

- Внимание, говорит пост управления ракетной стрельбой: мы потеряли связь с двумя противокорабельными крылатыми ракетами. Возможно, их сбил F/A-18 «Хорнет». Он где-то неподалеку.

Оставшиеся две противокорабельные ракеты благополучно добрались до судна дальней гидроакустической разведки «Викториес», несмотря на заградительный огонь с кораблей: постановки различного рода помех не помогли ему избежать гибели. Два взрыва в середине корпуса «Викториес» одновременно потрясли слух людей. Судно катамаранного типа получило серьезные повреждения в левом киле и накренилась на левый борт, но все же осталось на плаву. О его функциональной деятельности теперь приходилось только мечтать. Черная гарь, соприкасаясь со студеной водой, рождала едкий дым, который окутал все судно, словно одеялом, скрыв его от всех глаз.

Первая ракетная атака «Морского льва» лишила авианосную группировку дальнего гидроакустического и радиолокационного наблюдения. В ответ на эту неслыханную дерзость с каждого корабля взлетели противолодочные вертолеты «Си Спрайт», а с палубы авианосца «Энтерпрайз» спустя пять минут после взрыва на «Викториес» поднялись в воздух оставшиеся четыре самолета S-3B «Викинг». В дополнение к этому три фрегата и два эсминец помчались на всех оборотах в точку запуска ракет.

Сидя на своем командирском кресле, Захаров спокойно наблюдал за ответными действиями американской группировки кораблей. Внезапное уничтожение двух крылатых ракет слегка уязвило его самолюбие. Появилось легкое удивление. «Как они смогли это сделать? Ракеты же летели очень низко. Как их вообще можно было обнаружить в отсутствие самолетов ДРЛО?» - спрашивал себя Захаров. Очевидно, этот истребитель - мастер своего дела.

Ответную реакцию со стороны пострадавших он предвидел. И его упреждающие действия на выходящие в атаку американские корабли и противолодочной авиации не заставили себя ждать.

Когда одиннадцать вертолетов уже были в двадцати пяти километрах от «Морского льва», из-под воды синхронно вышли на поверхность моря одиннадцать ракет. Произведя

захват цели и дополнительно сопровождая их операторами с центрального поста «Морского льва», они полетели навстречу винтокрылым машинам. Скорость полета была настолько велика, что среагировать на противолодочных вертолетах никто даже не успел. Одиннадцать машин с интервалом в одну секунду покрылись черной гарью, после которой их уже не существовало в этом мире. Там, вдали, визуально наблюдали за феерическим действием командиры эсминцев и фрегатов, которые также спешили в место первого старта ракет.

О новом ракетном ударе Лесли узнал практически сразу, как только прервалась связь с противолодочными вертолетами. Годами отработанная тактика борьбы с подводными лодками с помощью авиации не годилась - пришлось что-то придумать новое, но времени на это у него не было. А Захаров уже вел «Морского льва» на сближение с кораблями эскадры, готовясь нанести еще ряд ракетных ударов.

Если капитан «Морского льва» действовал целенаправленно, то Лесли, наоборот, практически вслепую, на ощупь. Сейчас в группировке ни один акустик не мог определить точное местоположение «Морского льва»: вся ориентировка строилась исключительно на произведенный из-под воды ракетный старт. Ракеты словно появлялись из пустоты. Никогда еще акустикам не приходилось наблюдать подобное, из-за чего у них появлялись мысли о нечистой силе. Страх перед таинственной субмариной начал понемногу овладевать всеми следящими за охотой на таинственную подводную лодку.

Взорвавшиеся одиннадцать вертолетов не смутили мчавшихся к месту нахождения «Морского льва» двух эсминцев и трех фрегатов - они продолжали приближаться, изготавливаясь к атаке. На палубе авианосца «Энтерпрайз» суетились люди в синих, красных, желтых и фиолетового цвета куртках, обеспечивая срочную подготовку к полетам поднимаемых из-под палубного ангара самолетов F-14 «Томкет» и F/A-18 «Хорнет». С их помощью - благодаря удачному опыту Стива Грега - Лесли надеялся создать систему ПВО, которая хоть как-то сможет фиксировать и поражать сверхнизколетящие ракеты. И, пока эта работа была в самом разгаре, «Морской лев» вновь начал приближаться к группировке.

- Внимание, контуру противокорабельной обороны произвести старт ракет.

И вновь на всех кораблях зафиксировали появление из темноты экрана ракет. В этот раз их число достигло двенадцати. Два эсминца и три фрегата резко поменяли курс. Разойдясь в разные стороны, они в ответ практически вслепую выпустили зенитные ракеты. С двух эсминцев стартовали шестнадцать зенитно-управляемых ракет, а три фрегата выпустили на перехват всего лишь по две. В общей сложности из двадцати двух выпущенных с кораблей ЗУР «Стандарт» с помощью операторов, которые вручную выводили ракеты на место предполагаемой цели, только одна смогла удачно поразить летящую смерть - остальные же взорвались в воздухе, исчерпав свой топливный ресурс.

Из двенадцати ракет, запущенных с «Морского льва», к цели вышли одиннадцать, все управление ими осуществлялось напрямую с центрального поста. Операторы уже давно разобрали между собой корабли для поражения, три фрегата и два эсминца взорвались практически одновременно. Ракеты вонзились в их надстройки и борта, выворотив все их внутренности наружу. Два фрегата затонули практически тут же из-за взрыва своего боезапаса, у одного из двух эсминцев напрочь оторвало корму, отчего он задрал нос с развороченными надстройками. Второй эсминец накренился набок, две зияющие дыры захлеб глотали забортную воду. На его борту спешно организовывались спасательные работы, и надо заметить, что повсюду отсутствовала какая бы то ни было паника. Люди спешно покидали борт корабля, прыгая в холодную воду. И лишь один фрегат из всей эскадры, намеревавшейся нанести удар по «Морскому льву», остался более-менее в хорошем состоянии: противокорабельная ракета, запущенная с борта «Морского льва», угодила ему в вертолетный ангар - разорвав его, как картонную коробку, она повредила дымовую трубу и взрыхлила посадочную площадку. И, несмотря на то, что фрегат был на ходу, все же он уже был выведен из строя, и о дальнейшем продолжении боевых действий не могло идти и речи: его капитан занялся спасением экипажей тонувших кораблей, сообщив Лесли о постигшей их катастрофе.

День уже давно перевалил за полдень, когда расстояние между «Морским львом» и оставшимися в неприкосновенности шестью кораблями и авианосцем

«Энтерпрайз» составляло около пятидесяти километров. Лесли удрученно посматривал на часы, памятуя о времени прихода трех подводных лодок «Лос-Анджелес» - двадцать ноль-ноль. Оставалось не так-то много времени, всего-то навсего пять часов.

Когда Захаров вновь решился атаковать, вокруг авианосной группировки кораблей на малой высоте патрулировала половина оставшейся у Лесли авиации. Постоянно происходила замена одних самолетов на другие, так что в воздухе всегда находилось до пятнадцати машин. И, несмотря на то, что соединение кораблей потеряло возможность, не оглядываясь назад, атаковать, все же, сжавшись в единый кулак, оставшиеся корабли еще представляли для него угрозу. И Захаров решил: прежде чем заняться авианосцем, сначала подавить оставшееся сопротивление в лице двух крейсеров типа «Тикондерога». Сделать это было значительно труднее, так как «Морской лев» уже находился в зоне поражения их противолодочного оружия, и к тому же в неприкосновенности оставалась многофункциональная система залпового огня «Иджис». Решив себя заранее не обнаруживать, Захаров подобрался на очень близкое расстояние. Теперь их с группировкой разделяло не более двадцати километров. Развернувшись назад для скорого отхода, он решил сразу нанести массированный удар ракетно-торпедным оружием.

Группировка к этому времени снова оказалась повернутой к «Морскому льву» боком. Естественно, с такой позиции было очень удобно производить стрельбу, но также необходимо было думать и об отходе. Поэтому, когда наступило оптимальное время для атаки, «Морской лев» уже был повернут винтом к проходящей мимо его группировке кораблей.

- Всем внимание!!! - сказал Захаров. - Все торпедные аппараты и шахты с первой по девятую и с девятнадцатой по двадцать четвертую - товсь!

Шли секунды, но Захаров почему-то медлил: он чего-то ждал, но вот чего - он и сам точно не знал. Затем посмотрел по сторонам и торжественно произнес:

- Пли!!!

«Морского льва» еще никогда так не сотрясали судороги рождения смертоносного железа. Все люди в центральном посту, не отводя глаз от приборов, словно

боялись увидеть друг в друге тень страха, машинально взялись за поручни.

Шесть торпед и четырнадцать ракет вырвались из чрева «Морского льва» и устремились к соединению кораблей. Захаров наносил избыточный удар с расчетом на то, что некоторые ракеты могут быть сбиты. Хотя чем ближе находилась цель для поражения, тем меньше было времени на реакцию у американской группировки на отражение атаки. И все же, как бы то ни было, четырнадцать ракет и шесть торпед начали свое движение к намеченным целям. И снова американские гидроакустики заметили старт. Реакция Лесли была уже на второй секунде запуска. В воздухе находились один самолет ДРЛО и двенадцать самолетов F/A-18 «Хорнет» и F-14 «Томкет». Все корабли вновь увеличили ход до полного, а самолеты были в срочном порядке переориентированы в район полета ракет. С палубы авианосца взлетали оставшиеся противолодочные вертолеты и самолеты S-3B «Викинг» для нанесения ответного удара. Лесли не хотел сдаваться и верил, что хоть как-то или чем-то ей нужно обязательно ответить. Он не мог и не привык признать себя в роли сельди, на которую охотится огромный кит-горбач. И, чтобы ему насыть свое огромное брюхо, ему непременно нужно проглотить весь косяк рыбы.

Каждая торпеда была нацелена на отдельный корабль, и как ни пытались с кораблей ставить помехи, выбрасывать ложные цели, увеличивать скорость - ничего не помогло: каждая торпеда, телеуправляемая оператором, нашла свою цель, но это было потом, а сначала ракеты, очутившись в воздухе, распределив корабли между собой, летели на огромной скорости к группировке. Суммарное время их полета составило минута пятнадцать секунд. Поразительно, как американские летчики умудрились сбить практически пред самым попаданием две противокорабельные ракеты, плюс ведущий огонь ближней артиллерии сбил еще одну из претенденток на жизнь американских моряков.

В результате из четырнадцати запущенных ракет своей цели достигли одиннадцать. Но и этого оказалось достаточно, чтобы говорить о том, что авианосец «Энтерпрайз» остался без кораблей охранения. Два крейсера «Тикондерога» лежали на боках: в них попало по торпеде и по две крылатые ракеты. В обоих произошел взрыв боезапаса, и у обоих оторвало носы и были разворочены носовые надстройки. В

округе плавали различные предметы и целые куски обшивки. Отовсюду раздавались человеческие крики, просящие о помощи, и тут и там к небу поднималась черная гарь дыма, выедающего все, за что ухватятся его раскаленные зубы. Выйдя на адмиральский мостик, Лесли наблюдал, как вокруг его авианосца распахнул свои ворота дьявольский ад, шесть кораблей, разорванные на части, словно неведомым чудовищем, теперь служили, скорее, декорацией, чем защитой. Они держались на воде, словно бумажные кораблики, готовые вот-вот уйти на дно. А вокруг каждого корабля среди многочисленных обломков барахтались матросы. Шум волн, отчаянные крики людей, тут и там взрывающиеся топливо или остатки от боекомплекта кораблей заполнили слух Лесли. От его эскадры кораблей ничего не осталось, и в этот миг он почувствовал свою беспомощность, но даже и в это время он не желал опускать руки.

Закончив атаку, «Морской лев» на полной скорости уходил прочь от дымящихся кораблей. Теперь уже Захаров не стеснялся засветиться на экранах американских радаров: он был уже во власти выполнения последнего приказа - расстрелять авианосец оставшимися у него ракетами.

В ответ на сокрушительный удар за «Морским львом» в надежде хоть как-то отомстить за содеянное уже летела вся оставшаяся у Лесли противолодочная авиация. Но Захарова это не сильно беспокоило: вся картина, происходившая у него за хвостом, была у него на экране. Система автоматического огня уже составила целеуказания, но, прежде чем Захаров отдал приказ на залп, с вертолетов и самолетов успели выпустить торпеды. На белых парашютах медленно опустились в воду двенадцать смертей. Сообщение о приводнившихся торпедах холодным душем остудило воспаленное сознание Захарова, заставившее задремать его чувство бдительности. Торпедные аппараты были еще пусты, когда пришло роковое сообщение о несущейся за ними американской ярости отмщения. Двенадцать головок самонаводящихся торпед, работающих в активном режиме, жадно искали их в глубине.

- Внимание: ныряем на максимальную, увеличить ход на полные обороты, выпустить ловушки, поставить радиоэлектронные помехи, торпедному отсеку, как только

хоть одна торпеда будет готова к стрельбе, произвести пуск без доклада о готовности, - скороговоркой говорил Захаров.

- Штурман, выпрыгиваем на поверхность, - спустя минуту поменяв свое решение, орал Захаров. «А мы, как дельфины, прыгнем и уйдем на глубину», - сказал сам себе Захаров, и дикая улыбка высветила его лицо.

Лодка находилась на глубине всего сорока метров, и спустя несколько секунд она в тридцати от группировки и в пятнадцати километрах от охотящейся за ней противолодочной авиацией, под углом сорок пять градусов вынырнула наружу. Впервые за всю ее недолгую жизнь прозрачные лучи солнца упали на ее корпус. «Морской лев», словно чудовище, поднявшееся из темной глубины, продемонстрировал свой огромный темный корпус и, ударившись о поверхность брюхом, показав напоследок хвостовой плавник и краешек винта, устремился обратно в родную стихию, на глубину.

- Угол погружения двадцать пять градусов, - скомандовал Захаров. - Врешь, не достанешь, - сказал он уже сам себе.

Теплый поток воздуха обьял небольшое тельце крысы. Ее шерсть, уходящая корнями в кожу, через рецепторы немедленно передала изменение окружающей среды в мозжечок грызуна. Раздумывать было некогда: все ее действия были продиктованы исключительно инстинктом. Серенький комочек с голым хвостом на коротких лапках быстро побежал к ближайшему стогу сена. А в это время к ней сверху, куда крыса даже и не смела поднять голову, приближалась огромная птица с большими глазами, улавливающими малейшее отражение света во тьме. Она еще не видела серого грызуна, но тонкий слух донес до нее шелест травы под маленькими лапками крысы. Вытянув вперед когтистые лапы, сова, немного притормаживая, пыталась ухватить юркое тельце грызуна. Но крыса оказалась проворнее большой совы и ловко забежала в стог сена, пытаясь затеряться среди высохшей травы. Сова приземлилась на лапы и, не теряя надежды поймать добычу, привскакивая, побежала за ней. А та юркнула в траву и начала продираться вглубь, но сделать это было нелегко, так как днем лил дождь и сено все промокло и слиплось, а, следовательно, дырочек, трещинок было мало, да и те, которые были, - в них крыса с трудом протискивалась, лихорадочно работая лапами. Видя, как она застревает в траве, сова начала клювом и когтистыми лапами откапывать ее среди мокрой травы. Две огромные лапы совы против маленьких четырех крысиных работали, подобно комбайну, разгребая траву. И вот сова уже клювом однажды дотронулась до хвоста беглянки, предрекая ей скорую гибель, но та, не веря ей, лихорадочно и даже попискивая, стремилась протиснуться сквозь склеившиеся тяжелые растения. Борьба мышц продолжалась недолго: освободив перед собой дорогу, ночная хищница уже протянула свою четырехпалую лапу для смертельного объятья, как черненькие глазки грызуна узрели под собой небольшую норку, вырытую кротом, и крыса, не

медля ни секунды, забарахталась вниз. Провалившись до земли, крыса юркнула в спасительное подземелье, а сова, черпнув охапку травы, осталась ни с чем.

Где-то за кормой, вдали, слышались шесть взрывов, сотрясших лодку, отчего она плавно зашаталась из стороны в сторону. Погружаясь на глубину, «Морской лев» успел выпустить две торпеды. Ведомые уже не человеком, а бортовым компьютером, они сумели перехватить двух своих сестер, которые прорвались сквозь выставленную «Морским львом» завесу всевозможных помех и ловушек, устремившись на него в жажде разорвать подводную лодку на части. Взрывы прогремели очень близко, и «Морской лев» еще сильнее, чем прежде, зашатался в разные стороны, на секунду мигнул свет.

- Командир, лодка проваливается в глубину, угол погружения двадцать восемь градусов, - доложил Алферов.

- Срочное всплытие, полный назад, продуть главную цистерну, - Захаров совсем забыл о трех торпедах, которые еще искали его. Они прошли мимо «Морского льва» и теперь возвращались обратно, а лодка Захарова продолжала падать в глубину, и отметка ее уже достигала девятисот метров.

- Пузырь в нос, - орал Захаров сквозь шум падающих предметов. Повсюду мигали красные лампочки, сигнализирующие о возникшей нештатной ситуации.

- Внимание, говорит акустик: скоростной объект приближается к нам, дистанция четыре кабельтовых.

- Похоже, командир, торпеда нашла нас, - сказал Заленский.

- Выпустить имитаторы, ударьте по ней ультразвуком, может, у нее выйдет головка самонаведения. Не знаю... сделайте еще что-нибудь... выпустите еще торпеды-перехватчики... - приказал Захаров: его в этот момент не интересовали торпеды - он думал только о глубине, которая засасывает его лодку.

- Торпедные аппараты еще не заряжены, - сообщили из торпедного отсека.

- На такой глубине мы не сможем сделать выстрел, - сказал Заленский.

Отметка, за которую ушел «Морской лев», была тысяча триста метров - мчавшаяся за ними торпеда была раздавлена в ста метрах от них беззубой пастью воды, взорвавшись за его хвостом.

Уровень погружения удалось стабилизировать, когда «Морской лев» находился на глубине тысяча девятьсот

метров. Винт работал на полных оборотах. Продув в третий раз носовые цистерны, а кормовые заполнив по самое некуда, корпус «Морского льва» не спеша, потихоньку начал переходить в горизонтальное положение. Но не успел «Морской лев» до конца справиться с притяжением глубины, как новая опасность свалилась буквально ему на голову.

Два противолодочных вертолета и четыре самолета «Викинг» уже лежали на дне океана, превратившись в осколочные фрагменты, напоминающие о недавней их принадлежности к некоему целому. Один из вертолетов, который уцелел после нанесенного последнего ракетного удара по кораблям, взлетел с кормы поврежденного фрегата, в который попала только что торпеда. Несмотря на полученный тяжелый ущерб, он все же сумел дать старт своему последнему вертолету, который нес на своем борту четыре глубинные бомбы, заряд одной из которой вчетверо превышал заряд торпеды.

«Морской лев» поднимался из глубины, чтобы нанести последний, смертельный удар по авианосцу и оставшемуся вертолету, как вдруг над его рубкой прогремели два парных взрыва. Корпус лодки качнуло, и она, снова клюнув носом, пошла на глубину, из отсеков посыпались доклады о повреждениях. В двух кормовых отсеках образовалась течь, и теперь их заливало водой.

В добавление к этому не работали система шумопонижения, система поглощения радиоэлектронного излучения, в охлаждающей системе реактора появились сбои, разлилась одна секция аккумуляторов: ее сорвало из гнезда взрывной волной. И, помимо этого, в электронике появились сбои мелкого и среднего характера.

«Морской лев» продолжал уходить на глубину, Захаров и вся команда вновь и вновь делала отчаянные попытки вытащить субмарину из лап темной смерти. Отметка, за которую ушел «Морской лев», превышала две тысячи метров.

- Две шестьдесят пять... две семьдесят... - отсчитывал Алферов спокойным голосом на фоне кряхтящего корпуса, который едва сдерживал чудовищное давление воды.

- Еще пузырь в нос, угол всплытия тридцать пять градусов, всем свободным от вахты переместиться на корму, - прокричал Захаров.

И по всем отсекам забегали люди, только вот кормовые отсеки были закрыты: там шла борьба за жизнь всего корабля.

- Две семьдесят три... две семьдесят четыре... - отсчитывал штурман.

- Внимание, шестой отсек: доложить обстановку, - спросил Захаров.

- Все в порядке, течь устранена, начали откачивать воду, - ответили из шестого. Затем пришел точно такой же ответ из седьмого отсека.

- Две семьдесят пять... две семьдесят пять... - спустя минуту повторил Алферов.

- Срочное всплытие!!! Травите весь воздух, что у нас есть! Штурман, полный вперед!!! - заорал Захаров.

Прямо под вертолетом появилось огромное количество пузырьков воздуха, свидетельствовавших о попытке «Морского льва» всплыть на поверхность.

Наконец, лодка, двигавшаяся на скорости около тридцати пяти узлов в час, словно убегая от смерти, начала медленный подъем с глубины.

Как только «Морской лев» потерял свою камуфляжную защиту, Лесли и все офицеры смогли наблюдать за движением «Морского льва», но это было уже слишком поздно, так как не осталось вокруг авианосца ни одного корабля, способного нанести удар по субмарине. И мало того - вся противолодочная авиация уже лежала на дне, кроме одного вертолета, который сейчас спешил на авианосец, чтобы загрузиться еще раз глубинными бомбами и сделать еще один вылет. Оставшаяся авиация (истребители и штурмовики) была не способна причинить хоть какой-то ущерб противнику, находящемуся на глубине.

Тучи рассеялись, и люди увидели, как солнце уже умылось кровью, готовясь умереть, когда Захаров вновь вывел «Морской лев» в атаку. Авианосец «Энтерпрайз» ходил по овальной траектории. Среди еще оставшихся на плаву нескольких кораблей всюду шла спасательная операция, еще около пятисот человек барахтались в океане в спасательных жилетах. Лесли знал, что пришел его черед: он все ждал и смотрел на часы, когда придут к ним на помощь три подводные лодки «Лос-Анджелес», - оставалось чуть более получаса. Предчувствуя неминуемость атаки, Лесли отдал распоряжение поднять все самолеты, способные к вылету.

В пятидесяти километрах в свете уходящего вселенского светила десять противокорабельных ракет вышли из океана, подтвердив живучесть «Морского льва». Спустя три секунды из-под воды вышли двенадцать зенитных управляемых ракет, еще три секунды спустя показались десять противокорабельных крылатых ракет. Финальный аккорд, который дал Захаров, затмил по своей зрелищности все предыдущие. Двенадцать вблизи находящихся самолетов - четыре F-14 и восемь F/A-18 - взорвались с различными интервалами, а двадцать ракет помчались к авианосцу. В воздухе еще оставалось порядка пятнадцати «Томкет» и восемнадцати «Хорнет», они как по команде выпустили свои управляемые ракеты, чтобы нейтрализовать угрозу своему авианосцу. Подвиг Грега, сбившего первым противокорабельную ракету, удался лишь немногим: из двадцати приближающихся ракет поражены были только пять. Положение складывалось отчаянное, оставшихся ракет хватило бы на целых два авианосца. И тогда неожиданно для всех в эфире прозвучал голос все того же Стива Грега.

- Я люблю тебя, Америка!!! Прощайте все. Харрис, передай моей жене и детям, что они самые лучшие люди в этом гребаном мире, и своди за меня моего сына в Диснейленд. Всем привет!!!

Вдруг машина отделившись от основной группы самолетов, пошла навстречу летящим ракетам. Перерезав одной из ракет путь, он взорвался вместе с ней.

- Какого черта, парни? Вы что, в штаны что ли все наложили со страху? Прощайте!!! Я пошел.

- Куда, куда?

- Надо же кому-то эту сраную работу делать, иначе все здесь передохнем.

И еще один самолет также отделился от общей группы и повторил то, что сделал ранее Стив Грег.

До авианосца ракетам оставалось не более пяти километров, когда вся группа самолетов пошла им навстречу. Вспышки в занавешенном от солнца гарью небе следовали одна за другой. Из тридцати трех самолетов в живых остались только десять. Но и они уже, наверное, были не жильцами на этой планете. Увидев, что все брошенные Захаровым зернышки склевали птички и ни одно из них не прижилось и не проросло, он увеличил скорость хода «Морского льва» и практически в упор сделал выстрел. И вот уже на глубине

пятнадцати метров к авианосцу мчались шесть торпед, а из глубины значительно ближе, чем в прошлый раз, вырвались еще пять противокорабельных и пять крылатых ракет. Времени среагировать и что-либо сделать уже не было.

На палубе авианосца находились спасенные с других кораблей люди, было очень тесно, самолеты с филигранной точностью садились, чтобы ненароком не задеть кое-что из стоящей на палубе спасательной техники. Шесть торпед одновременно вгрызлись в борт огромного корабля, пробив в нем дыры, через которые начала поступать забортная вода. Но авианосец лишь слегка только покачнулся, словно огромный зверь, получивший сильный удар, но благодаря мощному организму он смог его выдержать. Следующими, кто принес смерть и разрушения, были ракеты. Две из них попали в палубу, взорвав находившиеся на ней несколько самолетов и оставив после себя неглубокие вмятины где-то по середине между носом и «островом». Одна ракета попала в башню управления, откусив от нее ровно половину. Пять противокорабельных крылатых ракет попали в борт под взлетной палубой, и тут же из пяти проделанных ими огромных дыр вырвалось пламя огня и мелких осколков. Словно пять ртов, они изрыгали из себя черно-красное дыхание. Взрывались вся стоящая под взлетной палубой, в ангарах техника, горюче-смазочные материалы, почти во всех помещениях бушевал огонь.

Оставшиеся две противокорабельные ракеты попали чуть выше ватерлинии, ускорив затопления авианосца. Весь огромный корабль, медленно накрываясь на левый борт, был в дыму. Из кормы авианосца спешно спускались спасательные плоты и шлюпки. Тысячи людей оказались в воде, кто-то, задыхаясь, прыгал, как был, в воду.

Трехсотсорокадвухметровый корабль накренился на левый борт и начал медленно тонуть. Стало ясно, что еще полчаса - и все, его больше уже никто не увидит. Вокруг огромного корабля всюду барахтались тысячи людей - раненых, обгоревших, напуганных до смерти, хватавшихся друг за друга, пытаясь спастись.

Захаров не смог отказать себе в удовольствии полюбоваться шедевром своего творения. Когда картинка тонущего авианосца появилась на двухметровом экране, он встал перед ней и, радуясь, словно ребенок, ликовал.

- Товарищи, я поздравляю вас! Мы вновь и вновь, как и прежде, доказали всему миру мощь советского оружия. Это победа, товарищи! Полная и бесповоротная победа! - говорил он, не отводя глаз от экрана.

Затем он повернулся ко всем и увидел совсем неутешительную картину. Чтобы посмотреть на тонущий авианосец, встали все люди, работающие на центральном посту, только вид у них был не торжественный, как у Захарова. Замученные и уставшие лица говорили, скорее, об обратном: в их глазах ясно читались страх и ужас, который они испытывали перед содеянным. Увидевшего это Захарова посетила растерянность, и он больше не хотел поворачиваться к экрану, в его голове замигал вопрос: «Что теперь будет?»

Запись датирована 28 апреля 1991 года

Но нашелся человек, который все же поздравил Захарова с успешным выполнением приказа.

- Поздравляю, поздравляю, капитан! Вы действительно мастер своего дела, - хлопая в ладоши, подходя откуда-то с боку, говорил Березин. Но Захаров не сразу отреагировал на его поздравления: он продолжал смотреть в лица своих подчиненных, словно загипнотизированный их измученным видом.

- С вами можно хоть на край света идти, - сказал Березин, подойдя вплотную. - Красота! - обращая взор Захарова вновь на двухметровый экран.

- Что?

- Красота, говорю, - с некоторым уже раздражением сказал Березин.

- Ничего особенного. Люди гибнут... где уж тут красоте-то быть, - как бы мимоходом бросил Захаров и добавил: - Впрочем, спасибо за поздравления.

- Нет, смерть всегда прекрасна, - сказал Березин, продолжая любоваться барахтающимися в холодной воде людьми.

Поднимался ветер, и вечерние волны выросли почти вдвое по сравнению с дневными, и люди, не в силах уже бороться с ними, один за другим уходили вниз, падая камнем.

- Все, хватит, уходим, - сказал Захаров, вернувшись на свое место.

И стодвадцатипятиметровый корпус «Морского льва», опускаясь на глубину, лениво отходил на восток, оставляя тонущих американских матросов наедине со стихией.

Лесли в момент попадания ракеты в авианосец находился на палубе, его выбросило за борт ударной волной. Он потерял сознание и очнулся в спасательном плоту лежащим на чьих-то ногах. Коленка сидящего справа человека больно вонзилась ему в левую почку. Лесли заохал, впервые подав признаки жизни. К нему тут же все сидящие в плоту склонились узнать, в чем дело.

Вскоре после того как «Морской лев» покинул акваторию морского сражения, три подводные лодки типа «Лос-Анджелес» прибыли на кошачьих лапах. Осмотревшись вокруг и заметив, что уже опоздали на праздник смерти, они, предварительно связавшись с командованием штаба Военно-морских сил США, всплыли и начали спасательные работы. Позже станут известны вот такие цифры: из 8676 человек, принимавших участие в охоте за «Морским львом», в живых осталось 3854, погибло от взрывов, без вести пропало и утонуло 4822 человека.

А «Морской лев» в продолжение двух недель продвигался на север в район связи расположенного на юго-востоке аравийского моря. Десятого апреля Захаров уже докладывал об успешном выполнении задания. В этот раз ответ вновь пришлось долго дожидаться: в течение двух дней «Морской лев» выходил на связь, и только к исходу третьих суток долгожданная весть посетила его борт. Все, включая Захарова, на «Морском льве» с нетерпением ожидали приказа возвращения на базу. Боезапас был практически весь израсходован, остались только противолодочные ракеты и десяток торпед. Когда, наконец, пришел ответ, сформулированный в виде вопроса (а «Центр» просил сообщить ему о запасе провианта на «Морском льве»), у Захарова родилось нескончаемое удивление. Ответ был послан: с «Морского льва» сообщили, что съестных припасов осталось только на три недели. Тогда «Морскому льву» было предложено снова прибыть в антарктические воды, там, в

квадрате... будет его ждать плавучая база подводных лодок, где с нее будет перегружен провиант для дальнейшего выполнения задания. Узнав это, Захаров пришел в ярость.

- Какое еще задание? Разве нам уже не пора возвратиться на базу? - негодовал он.

Сообщив экипажу о продолжении похода, он сам не знал, на что их нацеливает «Центр», прекрасно понимая, что силы экипажа уже на исходе. Из отрывочных радиоперехватов Захаров понял, что война с Ираком уже закончена и не в их пользу.

Спустя две недели «Морской лев» вновь вернулся в холодные воды Антарктиды, где уже вовсю бушевали шестиметровые волны. Зима, несмотря на то, что ей по календарю рано еще было приходить, уже хозяйничала здесь. Связавшись вновь с центром через спутник, «Морской лев» вышел на базу, ожидавшую его в полутора тысячах километрах на севере от островов Баллени. Двадцать шестого апреля под покровом ночи «Морской лев» всплыл на поверхность в ста двадцати метрах от плавучей базы, замаскированной под исследовательское судно. Огромные волны не давали прочно соединить два корабля вместе для скорейшей перегрузки провианта, и поэтому коробки со съестными запасами перевозили на четырех катерах, которые взад и вперед курсировали между двумя кораблями. И только под самое утро погрузка продовольствия была закончена, и после этого Захарову капитан плавбазы вручил секретный пакет. Раскрыв его, Захаров впал в растерянность. В нем выражалась благодарность за выполнение очередной поставленной задачи и предлагалось выходить раз в неделю на связь в ожидании дальнейших приказов недалеко от островов Крозе, расположенных на юго-западе Индийского океана. Под приказом стояла крестообразная подпись генерала Шкворина.

Когда Захаров прочитал и свернул бумагу нового задания, перед ним снова открылась бездна неизвестности. Тысячи и тысячи вопросов вонзались в его сознание, но он не хотел не только на них отвечать, но и думать о них. Как только закончилась погрузка провианта, он пошел быстрым шагом в свою каюту: он не хотел никого ни видеть, ни слушать. Проходя коридорами, он сделал два поворота направо и на третьем повороте вдруг зацепил краем рукава за торчащий шуруп - разорвав накидку на предплечье,

металл врезался в тело. Захаров не сразу ощутил себя пойманным и еще раз рванулся по инерции, но жгучая боль в ту же секунду остановила его. Заметил, как кровь вырвалась из-под его кожи, начала питать его одежду. И тут из-за угла показался Березин.

- Какие новости, капитан? - спросил он.

- Я рукав разорвал, вот какие новости, - ответил Захаров, лихорадочно высвобождая руку от кровавого щупальца шурупа, которое все еще удерживало его.

- Это я вижу, а из «Центра» что для нас пришло?

- Вот, возьмите, сами прочтите, - отдав пакет Березину, Захаров, наконец, вытащил окровавленный шуруп из своей одежды и пошел в свою каюту.

Тишина, которая его встретила в каюте, с первых же секунд напугала его, но вскоре, освоившись, он лег в кровать. Он оказался где-то на самом дне в кромешной темноте. В голове кружилась мысль: «Они нас тут сгноят, все, это конец, это конец». Она обволакивала невидимой нитью его сознание, а оно, подобно пойманной рыбе, трепетало, не желая умирать.

Поиск кедровых шишек привел его к подножию горы. Глянув на ее вершину, он, не задумываясь, направился к ней. Проходя мимо вековых кедров, он незаметно поднимался над равниной, вплотную примыкавшей к горе. Последнее, что его глаза успели заметить, перед тем как он стремительно начал уходить вниз, - это лежащую палку, по форме напоминавшую морду лешего. Земля под ним провалилась, его ноги потеряли точку опоры, и он, подобно ныряльщику, солдатиком полетел вниз. Ощувив свободное падение, сознание предательски тут же оставило его, и, хотя руки по инерции хватались за все, что могло бы остановить движение тела к центру земли, все же поверхность уходила в небо. Пролетев с двенадцать метров, останавливаясь ненадолго у каждого торчащего корня, он упал на сырую глину заброшенной шахты. Очнувшись и осмотревшись, он увидел над головой синее небо с проплывавшими по нему безразличными к его участи тучками-кораблями. Встав на ноги и вернув на положенное место беглянку, собиратель кедровых шишек, ни минуты не задерживаясь, вбежал в ближайший темный коридор, ведущий неизвестно куда. Но его бег вскоре так же неожиданно прекратился, как и начался. Левая нога, зацепившись за прелую веревку, перевела снова его тело в горизонтальное положение. Вторично поднявшись, он схватился за обидчицу, пытаясь нащупать ее конец, но веревка его звала дальше, в глубь коридора. Он шел за ней, твердо веря, что она его выведет из этого логова тьмы. Двигаясь практически не останавливаясь, в кромешной темноте он преодолевал целые галереи, залитые по пояс водой, проходил узкой тропинкой. Около нее начинался крутой обрыв, за которым его поджидала пропасть. Его вера в свое спасение была настолько сильна, что он, преодолевая даже узкие коридоры, заполненные мышами, не обращал на них внимания, твердо веруя в свое скорое спасение; и вот, выходя в очередную галерею, веревка устремилась вверх, он поднял голову и увидел, что она ползет по каменному склону.

Схватив ее еще сильнее и упершись ногами в стену, он начал свое восхождение, предполагая обнаружить там свое спасение. Поднявшись метров на пять, он увидел из-за каменного выступа, под которым он еще находился, торчащие стрелы белого света, пронизывающего тьму: они больно ударили в его привыкшие к темноте глаза, отчего нога подвернулась, а тело потеряло опору и дернуло веревку. И этого оказалось достаточно, чтобы прелая веревка, натянутая струной, шаркнулась о каменное лезвие выступа, из-за которого он и увидел свет, и оборвалась. Стекло разбилось, а за окном оказалась кирпичная стена. Грохнувшись вниз и оказавшись снова на дне в кромешной темноте, он держал в своих руках остаток своей еще секунду назад спасительницы и не сбывшуюся мечту о солнечном свете. Он продолжал смотреть вверх, ища глазами остатки света, но, кроме темноты, он ничего не видел, и его душа наполнилась теплыми слезами разочарования. Погибла надежда, и теперь придется снова жить на ощупь.

Березин, прочитав очередной приказ, не стал оглашать его всему экипажу. Напротив, он промолчал, а утреннее построение начал с сообщения о том, что теперь каждый член экипажа должен пройти нелегкую проверку временем.

За все время последних событий Березин не мешал своими проверками морального состояния экипажа, но теперь, когда все боевые задания закончились и на лодке наступило затишье, он видел свою задачу - возобновить контроль за морально-психологическим состоянием. На следующий же день после погрузки он приказал Курехину, чтобы тот подготовил для него несколько личных дел с целью подробного их изучения на предмет психологических исследований.

Захарова не было на утреннем построении, он находился в пропасти тоски. Ему было очень плохо оттого, что не сбылись его ожидания и чаянья вернуться на базу, где, быть может, зажглась бы слабенькая надежда увидеть своих жену и сына. Он чувствовал себя стоящим на краю бездны. Куда дальше идти? Чего дальше ожидать? Вокруг него был вакуум, холодный космос сковывал все тело, казалось, оно сейчас замерзнет, а затем треснет и распадется на тысячи мелких кусочков. Проснувшись в холодном поту, он решил пока не участвовать в общественной жизни экипажа, перепоручив все свои функции Березину.

Для себя он решил взять отпуск хотя бы на два дня, чтобы отдохнуть, иначе он уже чувствовал, как нечто таящееся в уголке его сознания готовится выйти наружу и управлять им. Нервы были настолько расшатаны, что он не мог уже спокойно реагировать даже на элементарные огрехи со стороны подчиненных. Тайный зверь, подстерегавший его

в глубине души, постоянно стремился вырваться наружу, и теперь ему стоило больших усилий, чтобы подавить его у себя внутри, не дав проявиться в этом мире. Захаров понимал, что если он один раз ему уступит, то потом его будет уже не остановить.

Черное озеро упиралось в бетонную дамбу высотой метров в двадцать пять, она преграждала путь воде к лежащему неподалеку поселку. Семеныч, приземистый мужичок лет пятидесяти, был когда-то приставлен смотреть за состоянием плотины. Но вот уже прошли времена острой необходимости этого искусственно созданного озера, а поселок, построенный для рабочих, возводивших эту плотину, так и не опустел: то ли людям понравилось здесь жить, то ли не могли переехать в другие места по каким-то иным причинам.

- Здорово, Семеныч! Все дежуришь?

- Да. Кто ж будет-то вместо меня-то? Она, смотри, как прогнулась стена-то, а если не выдержит и ахнет, а... то-то, выбежишь ночью в одних подштанниках, если Семеныча-то не будет.

- Семеныч, когда эту плотину построили? Уж что-то она старовата.

- Сдали как раз, когда товарищ Сталин умер. Надо же было случиться - мы тут плотину открываем, а нам известие: никаких праздников, умер великий вождь. А ведь, почитай, для него и старались. Вон, смотри, как теперь ссыт. Строили-то на миг, а не на века.

И действительно, Семенычу вот уже в течение десяти лет приходилось постоянно латать вновь образующиеся течи. Но в последнее время они появлялись все чаще и чаще.

- Да, водичка камушек точит.

- Все по швам, стерва, прет. Уж с панталыку меня сбила, не знаю, чего еще придумать.

- Слушай, Семеныч, а почему в нашем озере вода черная? Вредная что ль какая?

- Кудемо, вредная: на дне чернозема полно, вот и черная, или вулкан лежит тамана. Знаешь, сколько лавы черной - вот она и красит воду.

Вдруг раздался глухой мощный удар, дамба вся затрещала, а Семеныч тут же засуетился.

- Давай, давай, подсоби скорей.

- Чего это? - спросил его испуганно собеседник.

- Чего, чего - известно чего: у нас тут в озере или кашалот, или здоровущий земляной червь объявился. Видишь, бьется, хочет наружу вылезть.

Меж тем на поверхности началось волнение, а глухие удары повторялись вновь и вновь, отчего течь увеличивалась, грозя и вовсе по частям разрушить дамбу. Два мужика взяли поленья и давай подпирать стены, а Семеныч чего-то прижимал, держа, смотрел в щелку, приговаривая:

- Погоди, погоди, милоч, сейчас поприсохнет и прихватит, тогда порядок будет.

- Каков же червь должен быть? Если он земляной, так бы уже давно подкоп сделал.

- Он сначала был земляной, а потом как отожрался чернозема - так его в воду потянуло, а там он рыть-то разучился, зато плавать научился. Теперь, видишь, рвется наружу: верно, до моря хочет добраться и стать морским червем.

- Врешь ты все.

- Конечно, я она вчера читал в газетах: в Швейцарии на озере Лох-Несс нашли такого же, как у нас.

- Да враки все.

- А кто тогда это? Слышишь?

И где-то около них снова послышались глухие удары и скрежет гнущегося железа, а по стенам полились черные струи воды.

Захаров решил расслабиться и снял ботинки, чтобы то напряжение, которое питает силу, стремящуюся прорвать плотину в его сознании, сошло на нет. Но простой способ выхода из ситуаций, которым он хотел воспользоваться, не удался, и уже утром к нему постучал Курехин.

- Да-да, войдите, - пригласил Захаров, еще не зная, кто стоит за дверью.

Дверь открылась, и на пороге предстало перед глазами Захарова уставшее и одновременно испуганное лицо Курехина.

- Что случилось? - не дожидаясь, когда Курехин начнет, опередил его своим вопросом Захаров.

- Товарищ командир, - вытянувшись из-за мрачного тона Захарова, обратился Курехин. - Товарищ Березин вновь решил возобновить психологическое тестирование экипажа «Морского льва».

- Я так и знал, - прошептал робко Захаров. Сидя на кровати, он собирал последние моральные силы. Потом, переступив через свою усталость и тяжесть, которая тащила его куда-то в темную пучину, сделал рывок. - Так, найдите немедленно Карташова, Алферова, Заленского и Фирсова и пригласите их ко мне, только смотрите, чтобы больше никто не знал об этом. Да и не отвечайте на их вопросы.

Курехин скрылся за дверью, а Захаров пошел к умывальнику. И, как только первый из приглашенных постучал в дверь, он уже вновь был бодрым и подтянутым, готовым вновь к борьбе, хотя предательское чувство, размывающее в сознании дыру, где-то изнутри заявляло о своей черной работе.

Первым вошел Карташов, его чем-то озабоченное лицо не давало никакого повода к налаживанию даже слабого контакта. Захаров решил его не тревожить, молча указав на место. Следующим постучал Заленский; он был в лучшем расположении духа, и Захаров, заметив это, начал разговор.

- Я как-то с этими всеми делами вас даже не похвалил, Павел Витальевич.

- По какому поводу?

- Вы тогда отлично справились с поставленной задачей. Как мы лихо справились с американцами!

- Да командир, мы неплохо поработали, но я бы ничего не сделал, если бы не другие. Вот, например, Сергей Александрович.

- А Сергею Александровичу отдельное спасибо за то, что нас спасал в критические минуты.

- Спасибо за то, что я помог утопить несколько тысяч человек? - Карташов ехидно улыбнулся. - Такие поздравления я не принимаю.

- Ну, уж это ваше дело. Так сказать, дело руководства вас отметить, а вы уж к этому относитесь, как хотите.

В дверь снова постучали, и из-за нее показалась голова Фирсова.

- Собрались уже, - сказал он, входя.

Спустя несколько минут прибыли и Алферов с Курехиным. Стало тесновато: четверо сидели на кровати, Курехина посадили на стул, а Захарову пришлось стоять, так как больше места не было.

- Так, - начал Захаров. - Я собрал вас по очень серьезному делу, товарищи. Вы знаете, что нам «Центр» пока не позволяет вернуться домой. Вы все знаете о существующей инструкции... кто уполномочен ее исполнять и кто наделяется ею необходимыми полномочиями, чтобы успешно ее проводить в жизнь.

- Не все знают, - вмешался в разговор Фирсов.

- Этот человек, Березин - именно ему поручено проводить работы по выявлению нездоровых личностей среди членов экипажа. Нет смысла говорить о том, что его работа по выполнению этой инструкции наносит вред и так замученным пребыванием в этой трубе людям. Если он продолжит свою работу, я не знаю, кто останется в живых. И как его остановить, я не знаю.

- Какой смысл вы вкладываете в понятие нездоровых личностей? У меня есть совершенно другие данные. Я всего лишь знаю о том, что Березину поручено проводить психологическое тестирование, чтобы с его помощью узнавать о морально-психологическом состоянии экипажа с целью предупреждения развития психических заболеваний, - сказал Фирсов.

- В понятие личностей я вкладываю здравомыслящего человека, имеющего самостоятельную точку зрения на все происходящее, которое видят его глаза и слышат его уши.

- Быть на этой лодке здравомыслящим человеком после всего того, что мы пережили и сделали, невозможно, - сказал Карташов.

Последовало молчание.

- Что же, вы считаете, что на «Морском льве» в данную минуту нет ни одного здравомыслящего человека? - спросил Захаров.

Снова последовало короткое молчание

- Я думаю, что нет: мы все здесь охвачены эйфорией смерти, - сказал Карташов.

- Прекрасно, и что тогда прикажете делать? - сила, работающая изнутри сознания, увеличила силу своего разрушения, и Захаров уже находился в некотором раздражении. С трудом поймав себя на этом, он воспрепятствовал его выходу.

- Я не знаю, - просто сказал Карташов.

- Это не ответ, - сказал Захаров. - Более того, я считаю, что все ваши слова не имеют ничего общего с действительной картиной, складывающейся на «Морском льве». На самом деле, товарищи, происходит следующее: после чрезвычайно сложного похода, во время которого экипаж «Морского льва» показал себя с наивысшей точки в служении делу Коммунистической партии и Родине, время, оставшееся до возвращения на базу, рискует быть подверженным беспричинным нападкам со стороны товарища Березина, исходом которых может быть смерть всего экипажа. Пользуясь тем, что инструкция ему предоставляет огромные полномочия (я уже не говорю о том, что даже я ему не могу ничего в этой области запретить), он начинает проводить работу по уничтожению людей, которые честно и бескорыстно послужили Родине.

- А теперь они ей не нужны, - сказал Алферов.

- И вряд ли когда-либо были нужны, - сказал Фирсов. - Но, с другой стороны, он не может эти самые работы, как вы выразились, Иван Алексеевич, не проводить. Люди действительно очень хорошо постарались выполнить все приказы, но вместе с этим они испытали огромную нагрузку на свою психику и может так случиться, что кто-то в результате не выдержит и причинит вред «Морскому льву», а

я уже не говорю об остальных членах экипажа, которые могут стать их жертвами, поэтому считаю, что работа Березина нужная; другой вопрос - как он ее будет проводить? Вот за этим, мне кажется, нужно обеспечить контроль и в случае чего помешать ему сделать ошибку.

Снова последовало молчание, Захаров не знал, что сказать, но, собравшись с мыслями, спросил:

- Значит, пусть проводит тестирование?

- А почему нет? Только товарищу Курехину необходимо тщательно проверять результаты и в случае чего доложить вам.

- Что значит «в случае чего»? - спросил Заленский.

- В случае, если его выводы товарищу Курехину покажутся чересчур поспешными или надуманными.

- А если он примет решение кого-то определить в лазарет? - спросил Курехин.

- А вот если он примет решение - тогда вам необходимо дать очень ответственную оценку относительно психологического состояния человека, помещаемого в лазарет, и немедленно доложить Ивану Алексеевичу. Только необходимо подойти со всей тщательностью, потому что Березин закончил то ли семинар, то ли какие-то курсы прошел (я точно не знаю), и в этой области он имеет хорошую базу данных.

- Он мне доложит, а я что, с этим диагнозом пойду к Березину и начну его убеждать, что он, видите ли, ошибся, у нас есть другие сведения? - сказал в негодовании Захаров.

- Нет, Иван Алексеевич, вы соберете оперативное собрание наподобие этого, пригласив туда, естественно, Березина, и мы уже всем коллективом постараемся убедить товарища Березина в его заблуждениях.

- Вы думаете, что он послушает? - спросил Захаров.

- А почему нет?

- Мне кажется, что он, скорей, решит о тайном заговоре против него, - сказал Курехин.

- Это не исключено, но я все же рассчитываю на его здравомыслие.

- И все же, если предположить самое негативное развитие ситуации, ведь у нас уже не один человек лежит в пластиковом мешке, и никто не смог этому помешать. Почему вы думаете, что в этот раз мы сможем остановить Березина? - сказал Заленский.

- Тогда Иван Алексеевич в одиночку хотел остановить Березина, а теперь он не один, и именно с нашей поддержкой ему удастся противостоять. Я в этом уверен. Помните: один - это ничто, коллектив - это сила. Одному всегда недолго пропасть в любом деле, а вот если коллектив берется за дело - тогда можно с уверенностью сказать, что все получится.

- Это значит, что вы вычеркиваете индивидуальность? - спросил Карташов.

- Почему вычеркиваю? Я всего лишь говорю, что коллектив сделает больше, чем один человек...

- Байки про счастливое коммунистическое будущее - вот что означают ваши слова, товарищ Фирсов, - сказал Алферов.

- Понимайте это, как хотите, но только другого выхода у нас нет: если мы его все вместе не остановим, то его уже никто и ничто не остановит.

- Итак, подведем итог, - вмешался Захаров, пресекая на корню философский спор. - Значит, так: мы, как я понял, пока занимаем позицию наблюдателя и позволяем Березину проводить тестирование экипажа. Так?

- Я думаю, что запретить ему это делать у нас нет никакого основания, - сказал Фирсов.

- Вот это-то мне и не нравится: мне бы хотелось запретить эти исследования. Они же нервируют весь экипаж, и он, как рыбка, клюет на приманку Березина.

- Березин всех ловит на страх, - сказал Карташов.

- Чтобы этого не случилось, нужно провести среди экипажа разъяснительную работу. Я считаю, что вам, Иван Алексеевич, нужно как командиру настоять на этом, и, прежде чем начнет Березин исследования, пусть он сначала проведет эту работу. Чтобы действительно не нервировать понапрасну экипаж.

- Вы считаете, понапрасну? - спросил Заленский. - Я лично считаю, что не напрасно мы все здесь хотим вернуться живыми назад: пусть у нас будут какие-то нарушения психики, но мы же можем потом пройти какую-то реабилитацию. Мы же здесь на службе государства, черт возьми, и, значит, оно должно о нас позаботиться, а не выбрасывать нас, как отслуживший свое гондон.

- Правильно, - поддержал его Алферов. - Почему нас государство может бросить в тяжелый для нас момент?

- Оно вас не бросает, а, наоборот, защищает от тех, у кого не какие-то нарушения, а серьезные повреждения психики. От них и защищает вас государство. Что будет, если какой-то офицер или матрос, у которого крыша съехала, возьмет да и взорвет ядерный реактор? Просто перекроет его охлаждение, и все. И мы все благополучно отправимся к праотцам. Или вон взорвет торпеду, и вся лодка пойдет ко дну.

- Так, все, закончим на этом, - в голове у Захарова уже становилось тесно, и он немедленно хотел выйти из достаточно душной комнатенки. - Мы сейчас вместе с Николаем Игоревичем отправляемся к Березину и скажем ему о необходимости информировать экипаж. А вы, - он обратился ко всем, - начинайте читать лекции, вот, например, Сергей Александрович может помочь всем в освоении компьютерной грамотности - это будет необходимо; Павел Витальевич пусть начнет проводить курсы или (я не знаю уж, как и назвать) работы по частичному восстановлению пусковых шахт, пусть постоянно проводит учения, знакомит других членов экипажа с действием ракетных систем наведения. В общем, я хочу, чтобы каждый из нас начал чему-то учить экипаж: чем больше они начнут думать, тем больше у них шансов будет вернуться живыми домой. А там увидим, как дело сложится. Все, спасибо всем, на этом, я думаю, и закончим наше секретное совещание, - на последнем слове Захаров улыбнулся и тут же почувствовал удар в голове: неведомая сила вновь дала о себе знать.

Запись датирована 25 июня 1991 года

Встреча Захарова и Курехина с Березиным, а позже присоединившегося к ним Фирсова состоялась на следующий день после секретного совещания. В результате продолжительного и убедительного разговора он согласился

проинформировать весь экипаж о целях и задачах проведения психологических тестов.

Во время перехода «Морского льва» к островам Крозе Березин успел практически всех протестировать. А Захаров занимался переоборудованием «Морского льва» из боевой атомной подводной лодки в школу, где началось преподавание всевозможных дисциплин – от навигации до правил по уходу за комнатными растениями. Люди буквально делились всем тем, чему они научились за всю свою жизнь. Преподавательской деятельностью занялись не только пять старших офицеров, но и командиры всех отсеков плюс рядовые, которые могли систематизировать свои знания и достаточно внятно доводить их до умов слушателей. Было составлено расписание занятий, велся журнал успеваемости – словом, все было по-настоящему, а двоечники отрабатывали свои неудачи в интеллектуальной сфере, получая от своих учителей наряды вне очереди. Интенсивность занятий была столь высока, что ни у кого, кроме Березина, который отказался от этой затеи, сославшись на большую загруженность, не оставалось времени ни на что другое. По воскресеньям делали перерыв и люди отдыхали или занимались проверкой закрепленной за ними техники.

Первые результаты тестирования были неутешительны, и Березин уже собирался несколько человек определить в лазарет с тем, чтобы заняться углубленным исследованием их психики. Захарову стоило немалых усилий, чтобы уговорить его пока не делать этого. Он вновь собрал секретное собрание и сообщил всем о планах Березина. Тогда решили снова позвать Березина, и уже всем миром даже не уговорили, а буквально упростили его провести повторное тестирование через две недели и только тогда принимать окончательное решение по госпитализации людей с подозрением на нездоровую психику. В ходе всех проверок Захаров узнал и о своем состоянии психического здоровья: оно, как он и сам чувствовал, находилось в пограничной зоне. То есть, как объяснил Захарову Курехин, у него очень часто проявляются психогенные реакции, которые хоть и не опасны, но все же впоследствии могут привести к тяжелой психической болезни.

Через две недели благодаря организованной Захаровым школе всеобъемлющих наук повторное тестирование, проведенное Березиным, принесло неплохие плоды. Захаров

же, подобно студенту, ожидающему оценки вступительных экзаменов, ждал с нетерпением окончательных результатов тестирования. Положительные итоги психологической проверки вдохновили его на дальнейшую деятельность. И первый месяц работы импровизированной школы он провел на волне вдохновения найденного им решения как противоядия против заразы, стремящейся распространиться в умах экипажа «Морского льва».

Этот месяц ему стоил больших усилий, и первый сбой выстроенной им новой системы произошел на шестом педсовете, который собирался раз в неделю, где обсуждались результаты учебы и выстраивались планы на следующую неделю.

Командир торпедного отсека капитан-лейтенант Хрунин сказал о том, что он уже больше не может исполнять роль преподавателя из-за своей чрезмерной усталости. Всем учителям приходилось готовить после занятий программу следующего урока, и одновременно с этим после лекций им необходимо было еще и выходить на вахту. Но самое главное - он не видел никакого прока в такой двойной нагрузке экипажа, выматывающей всех людей. Хрунин стал первым звеном, разорвавшимся в цепочке Захарова. И хотя ему нашли замену, но это было лишь временно: затем стали жаловаться на перегрузки и другие - тогда Захарову пришлось снизить темп учебы, уменьшив на треть ежедневное число уроков.

Так прошел еще месяц, но уже в конце июня (а ответа из «Центра» по-прежнему не поступало) у людей наступало отчаянье, и, как ни боролся с ним Захаров, все же депрессия постепенно завоевывала умы людей, а вместе с ней пришла и апатия. Люди начали пропускать под различными предлогами сократившийся к тому времени уже на две четверти список занятий. Оставшиеся учителя были только те, кто присутствовал на первом секретном совещании в командирской каюте: Заленский, Фирсов, Курехин, Карташов и Алферов. Но и они уже говорили о том, что рассказывают в пустоту, видя безразличие в лицах слушателей.

«Морской лев» по-прежнему продолжал выходить на связь, и Захаров ждал, когда «Центр» позволит ему возвратиться на базу, но радист получал только однообразные ответы: «Продолжайте патрулирование в данном районе. Следующий сеанс связи...»

Разрушающаяся система, выстроенная Захаровым как крепость вокруг людей, призванная послужить надежным укрытием, чтобы переждать в ней темные дни в средневековую эпоху, обваливалась с каждым днем. В первое время Захаров пытался закрывать собой бреши, но потом ему стало ясно, что его на все не хватит, и тогда он стал удваивать нагрузку на оставшихся учителей, и это лишь ускорило их отказ от дальнейшей работы. Когда его доводы исчерпали свою силу, Захаров начал использовать свою власть и приказывать. Часть людей продолжала исполнять его волю, а другая под различными предложениями все же сумела увильнуть. И даже те, кто остались, выполняли свою работу без особого желания - не остановилось катастрофическое падение внимания, и количество слушателей неизменно сокращалось. За время спасения своей системы Захаров стал еще более раздражительным, и, хотя он усиливал внутреннее сопротивление рвавшемуся наружу зверю, все же его действие рождало со стороны разъедающей сознание черной силы противодействие в арифметической прогрессии.

Березин тем временем исправно раз в две недели проводил проверки, в ходе которых пока не делал резких шагов, а всего лишь примечал; хотя он поначалу и впал в панику, потеряв ориентир в новой сложившейся обстановке, но вскоре, заметив первые трещины в стенах, которые выстроил Захаров, начал успокаиваться, предвидя скорый крах, и так же, как и Захаров, готовился к этому моменту.

Наконец, к началу июля занятия пришлось прекратить, и Захаров в отчетах проведенных психологических проверок, как в зеркале, увидел, что его система уже не только не защищает людей, но и работает им во вред. Несмотря на это, он не отступил и продолжил борьбу за спасение своего экипажа. Даже тогда, когда несколько человек уже попали в заботливые руки Березина, он начал проводить учебные тревоги, проверять, шлифовать боевую готовность всего экипажа. Каждый новый день начинался с тревоги либо с уборки отсеков, чистилось все, даже если уже было вычищено, а Захаров неустанно руководил ходом работ, убеждая себя в том, что борьба еще не проиграна. Но стихийное бедствие в головах его подчиненных уже началось, и вот уже впервые за время похода стали появляться случаи неуставных взаимоотношений. Даже при разборе этих

маргинальных случаев Захаров не мог для себя понять, как-то себе это объяснить, когда двое матросов бьют одного только за то, что он медленно выполнял свою работу. Смотря на избитого в кровь молодого парня, всего скукоженного от потрясений, полученных в ходе похода, дрожащего от страха после перенесенного психологического и физического унижения, Захаров не знал, что делать. Ему хотелось заорать на тех, у кого руки шли в ход по первому раздражению его «я». Но вот пришел Березин, и тех двоих тут же определил в лазарет; это произошло с такой скоростью, что Захаров даже не успел как-то отреагировать. Ему что-то хотелось сказать тем двоим, хоть как-то достучаться до их сознания, сказать, что они топят не только себя, но и всех остальных. В следующую секунду открылась дверь, и вошел Березин с людьми охраны лодки. Быстро и четко, не обращая внимания на Захарова, он скомандовал:

- Вы двое, - он показал на обидчиков, - пойдете со мной. (Те, встав и как будто давно ожидая его, подобно двум коровам, которые идут по первому щелчку хлыста пастуха, поплелись за ним. Захаров даже открыл рот, увидев, с какой бесцеремонностью по отношению к нему все произошло. Позже, когда Захаров пришел к Березину за объяснениями, тот мило извинился, объяснив ему, что это его работа и лучше, если он в нее больше не будет вмешиваться, «...тогда нам обоим будет легче исполнять долг перед Родиной». Захаров как-то безропотно согласился с этим, так как та нагрузка, которую он нес, и так давила его. Черная нечисть при эмоциональных потрясениях увеличивала частоту своей работы, стремясь вырваться наружу. Захаров понимал, что утрачивает перед Березиным свои командирские позиции, но продолжать борьбу с ним у него уже не было сил: он каждый день чувствовал, как его сопротивление Березину отражается на нем и его же черная нечисть бьет изнутри, загоняя его «я» в угол.)

- «Среди зеленых листочков липы тут и там пестрели...» - диктовала учительница русского языка.

За второй партией в среднем ряду сидели Саша и Сережа, старательно записывая за ней произносимое ею предложение. Саша сделал ошибку и, в отчаянии согнув левую руку в локте, положил на ладонь голову. Этим нехитрым движением он подтолкнул Сережу, и тот сделал росчерк, заходящий на верхнюю строчку.

- Ты чего толкаешься? - толкнув в ответ Сашу, спросил рассерженно Сережа.

- Ничего. Смотри, что ты наделал, - у Саши была чернильная ручка, и на соседний белый листок упала жирная черная капля. Коснувшись бумаги, она превратилась в уродливую лужу с выгнутой бугорком середины от переизбытка чернил. Медленно клякса начала разрастаться, захватывая все новые и новые участки белой бумаги. Черная жидкость, казалось, с удовольствием пропитывала, а скорее, пожирала страницу, оставляя взамен непорочного цвета бесконечную глубину темноты.

- Смотри, что ты наделал. Как я теперь буду здесь писать? - сказал Саша.

- Так ты листок вырви, и все, - предложил Сережа.

Саша послушно выдрал испорченный чернилами листок и, смяв его, положил в карман. Но одним листком не обошлось – пришлось после середины вырвать ему парный листок. Затем Саша посмотрел на тетрадь.

- Ну, вот, а ты плакал - смотри, и листок снова белый, - сказал бодро Сережа.

- Только тетрадь стала тоньше..., я вчера тоже выдираю, - ответил Саша, проглаживая руками по корешку тетради, оценивая ее толщину.

Но реальность Захарова ткнула носом, и это случилось пятнадцатого августа, когда Березин пригласил его участвовать в эвтаназии одного из безнадежно психически больных. Захаров начал было отказываться, но Березин напомнил ему о прошлом отказе подписывать заключения о смерти.

- Поэтому я попрошу вас участвовать в этой не очень приятной процедуре, - сказал он, пригласив Захарова в операционную комнату.

Ему ничего не оставалось делать, как только войти в нее, и ему в нос тут же ударил специфический запах врачебной стерильности. Посередине комнаты стояла операционная доска, называемая столом, снизу свисали большими петлями ремни безопасности. Их раньше не было, но теперь, когда этот стол перестал служить жизни и встал на сторону смерти, они появились, чтобы кандидат, который готовится покинуть этот свет, не сильно волновался, когда ему зачитают его приговор.

Они стояли вдвоем, тишина окутала обоих каменной стеной и давила на Захарова: это было единственное место на «Морском льве», которое он ни разу не посещал. Когда он впервые осматривал лодку, только открыв дверь и увидев в темной комнате под потолком огромную, круглую лампу, не опуская глаз, он сразу догадался о назначении этой комнаты и поэтому, тут же закрыв дверь, пошел дальше. Теперь же этот двухсекундный момент из его прошлого почему-то возник на экране, отображающем его мысли в сознании.

Ожидание продолжалось недолго: дверь открылась с каким-то свистом, и на пороге появился Курехин с

пациентом, а за ними декорационно стояли люди из охраны «Морского льва». Это был старшина из восьмого отсека Улюкаев Егор Константинович, он находился под пристальным наблюдением Березина с апреля месяца, тогда он впервые не прошел тест и компьютер сообщил о подозрении на реактивный параноид. Его тут же поместили в лазарет, но Курехин добился от старпома, чтобы тот разрешил ему начать учить его оказанием первой помощи в различных ситуациях. Учеба пошла на пользу, и он прошел повторное тестирование, но, когда система Захарова рухнула и занятия вновь прекратились, очередная психологическая проверка вновь выявила агрессию, и дополнительное собеседование с Березиным закончилось словами «переходящая в маниакальный синдром». Курехин, который был, как и все учителя, измотан процессом преподавания, в добавление к этому помогал остальным учителям, расспрашивая их о различного рода беспокойствах, объясняя им причины возникших недугов и давая различные рекомендации, чтобы те случайно не попали под пресс психологического теста. Когда же Улюкаев вновь попал на койку в лазарете, он уже был в очень плохом состоянии, он постоянно жаловался на всех. Говорил, что все ему желают только зла, говорил о слежке за ним и всегда грозился разоблачить всех - агрессия выходила из него, буквально как из открытого жерла вулкана. Не могла состояться не то что вразумительная беседа, но и мало-мальски осмысленный разговор. Две недели приема аминазина и психотропных препаратов сделали свое дело, превратив его в нечто среднее между чудовищем и человеком. И, когда он зашел в операционную, Захарову сразу бросилось в глаза его дикое выражение лица: оно бессловесно источало огромное количество энергии, которая, словно сходящая с водопада пена, оседала на сознании присутствующих. Он осторожно прошел вперед, представ перед Березиным лицом к лицу. Тот, не поднимая на него глаз, указал ему на операционный стол.

- Ложитесь, - сказал Березин, отвернувшись к стоявшей на столике ванночке со стеклянными шприцами.

Послышался характерный звук, прорезавший сознание Захарова. Его удивила акустика операционной: ему показалось, что процедурные кабинеты специально строят с таким расчетом, чтобы каждый звук, исходящий от бряцанья

медицинского инструмента, врезался в сознание. Тем временем Курехин начал зачитывать историю болезни, и, пока он это делал, к Улюкаеву подошли двое из стоявших в коридоре охранников молча, пристегнули его к последнему месту его пребывания, откуда он уже никуда, как только в другой мир, не уйдет, и так же молча скрылись за дверью. Закончив все приготовления, Березин обратился к Захарову:

- Ваше мастерство, капитан, я видел. Теперь, Иван Алексеевич, у меня есть возможность вам продемонстрировать свое. Ведь мы с вами, в сущности, коллеги.

Захаров ничего не отвечал: его мутило от всей этой процедуры. Ему с детства был ненавистен звук медицинского инструмента, и теперь он давил на его сознание со страшной силой. Он не отводил глаз от дикого лица Улюкаева, которое было, напротив, спокойным и безмятежным. Курехин закончил чтение и подошел к Березину, чтобы тот поставил под заключением свою подпись. Расписавшись, он взял из рук Курехина папку и подошел к Захарову.

- Я надеюсь, вы в этот раз подпишите? - спросил Березин, протягивая раскрытую папку.

У Захарова пелена застлала глаза, он не разбирал текста, видел только, как справа в нижнем углу стояли две подписи, под ними шел какой-то мелко напечатанный текст, а посередине ниже его была проведена линия, на которой и нужно было расписаться. Захаров, подобно кроту, сквозь туман нашел то место, где необходимо было сделать кардиограмму его психологического типа, поставил свой автограф и хотел было отойти от Березина.

- Подождите, подождите, Иван Алексеевич. Это вы поставили подпись под прошлым случаем. Я так и знал, что вы этого не заметите. Сильно разволновались? - Березин посмотрел на Захарова. Тот стоял невозмутимо. - Мы же с вами делаем одно и то же дело, только вы убиваете на расстоянии, не видя своей жертвы, а я смотрю ей прямо в глаза. Понимаете! Я его знаю, - он показал на Улюкаева. - Конечно, вы привыкли в бархатных перчатках все делать, а я потом за вами всю грязь подтираю. Что, неприятно? А мне, мне приятно, мне приятно?

Захаров собрал последние силы и сказал:

- Прекратите, Березин, истерику и займитесь делом, - взяв ручку и перевернув листок, еще раз расписался.

- Все? - спросил Захаров и в это время испытал изнутри сознания удар, но удержался, и ни одна мышца не дрогнула на его лице.

- Все, - ответил Березин и пошел делать укол.

Захаров встал у изголовья, Улюкаев посмотрел ему в глаза. Он улыбнулся звериной улыбкой, но Захаров не подал виду: ему хотелось отвернуться, но он не стал этого делать. Березин уже подошел к Улюкаеву, и тут он впервые подал голос.

- Товарищ командир, возьмите меня за руку, - голос был страшный, словно откуда-то из глубины раздался свистяще-храпящий бас.

Захаров заколебался и посмотрел на Курехина.

- Не беспокойтесь, Иван Алексеевич, ему столько вкололи, что вряд ли он даже понимает, что говорит, - сказал Березин, заметив некоторую растерянность командира.

- Последняя воля умирающего... - тихо сказал Курехин.

Эти слова сдвинули с места Захарова, и он, едва помня себя, подошел к Улюкаеву и вложил его левую ладонь в свою. Жар пошел по всему телу Захарова, и у него чуть не выступили слезы.

- Я с тобой, старшина, - сказал он, смотря прямо в его почти мертвые глаза.

Березин, стоявший по другую сторону, закатал по локоть рукав на правой руке Улюкаева, присел рядом. Захаров не смотрел уже на эту процедуру, но почувствовал, как Березин впустил смерть в организм Улюкаева. Захаров тогда перевел свой взгляд на Улюкаева, но тот лежал смирно с закрытыми глазами, но спустя уже минуту он открыл глаза, ясный взор снова упал на Захарова.

- Все, ухожу, товарищ командир, - сказал спокойным голосом Улюкаев и высвободил свою руку из руки Захарова. Захаров продолжал сидеть как замороженный, прошла еще минута. Березин подошел к голове Улюкаева.

- Все, готов. Чуть тепленький. Отошел, - сказал торжественно Березин, потрогав сонную артерию. - Тихо и спокойно, и никаких истерик. Охрана, охрана!!!

Захаров посмотрел на Березина и пошел на выход, к нему подошел Курехин и предложил валерьянки, но он отказался. Не успел взяться за ручку двери, как дверь сама открылась, и двое здоровых мужиков из отряда охраны шагнули в комнату, волоча за собой пластиковый мешок.

- Забирайте, - услышал Захаров за спиной голос Березина. И это было последнее, что он слышал: закрыв дверь за собой, он пошел в кают-компанию.

Запись датирована 12 сентября 1991 года

Весь июль и август продолжалось ожидание, когда из «Центра» поступит сигнал о возвращении домой. За это время обстановка на «Морском льве» продолжала усугубляться: лазарет, рассчитанный на восемь человек, уже был заполнен до отказа, больных уже было порядка двадцати.

Людей стали определять на места младших офицеров, которые жили по четверо в одной каюте, чтобы изолировать от остального экипажа. Выселенных же офицеров определили на места рядовых и мичманов. Даже те, кто не считался больным по версии компьютерного теста, все же были сильно травмированы, лица их были хмурые от приснившегося очередного кошмара. Непрерывное ожидание возвращения также играло не лучшую роль в психическом здоровье команды «Морского льва». Захаров тоже уже был совсем не тем: его болезнь медленно, но верно прогрессировала, и он чувствовал, что не может ничего сделать. К постоянным черным движениям внутри сознания после его освидетельствования умерщвления Улюкаева добавились сны: бомбежки «Морского льва», зовущего его к себе Улюкаева, - он просыпался в холодном поту после очередного сна, резко отображающего его негативное психическое состояние. Один раз даже Захаров себя обнаружил валяющимся на полу, тихо рыдающим.

После очередного совещания со старшими офицерами Захаров принял решение передать в «Центр» информацию о трагическом состоянии дел на «Морском льве», о невозможности больше продолжать патрулирование в районе островов Крузе. Но восемнадцатого августа пришел приказ о каждодневном выходе на связь. Все на «Морском льве», узнав об этом сообщении, как-то ободрились, питая надежду на скорое возвращение домой. Прошла неделя, и никаких дополнительных сообщений не приходило. И только десятого сентября, когда внутри «Морского льва» уже складывались драматические события (со времени похода было умерщвлено пятнадцать человек, а половина из оставшихся была приговорена к изоляции; в отсеках стало некому убирать, оставшиеся несли дежурство не потому, что его необходимо было это делать (бортовой компьютер сам в автоматическом режиме мог бы вести наблюдение за оперативной обстановкой), а только из-за того, что этим Захаров все еще надеялся спасти оставшихся хоть и не в полном здравии, но все же способных еще к жизни людей), - и вот десятого сентября «Морской лев» получает приказ о выходе из бесконечности в точку встречи с плавучей базой, расположенной в двухстах милях северо-западнее островов Крузе.

У Захарова возникает тысяча вопросов и опасений: «Неужели они хотят нас вновь укомплектовать и направить на задание?» - но всякий раз, как только он себя ловил на этой мысли, тут же отмахивался словами: «Да, нет же. Скорее всего, они подготовили новый экипаж и нам везут замену», - но тогда на смену этой мысли приходила другая: «Но как они могут продолжить на ней патрулирование, если «Морской лев» нуждается в ремонте?» - и так без конца Захаров мучил себя вопросами и ответами на них, и это еще больше его изматывало, и он, уже обессиленный и истощенный собственными пытками, ни о чем не желавший думать, ложился спать.

Долгожданное время встречи настало. «Морской лев», как и в прошлый раз, всплыл глубокой ночью, Захаров первым вышел наверх, оглядывая в бинокль горизонт. В двухстах метрах от них дрейфовало судно: это оказалась та же самая замаскированная под научно-исследовательское судно плавбаза «Камчатка». Море в этот раз было удивительно спокойным; обменявшись опознавательными шифровальными кодами, «Морской лев» осторожно причалил к правому борту «Камчатки». Первый, кто поднялся на борт субмарины, был Канарейкин, его-то Захаров никак не ожидал увидеть.

- Ну здравствуй, капитан. Вот и свиделись, - распростер свои объятия Канарейкин.

Захаров стоял, словно окаменев от неожиданности.

- Что с тобой, Захаров? Это я, Канарейкин, - сказал он удивленно, - ты что, не узнаешь что ли меня?

- Узнаю, - тихо ответил Захаров.

- Чего тогда не рад?

- Рад, но почему вы здесь?

- А... - махнул рукой Канарейкин, - после об этом. Сейчас давай заниматься погрузкой: до рассвета нужно управиться. Вот, на, распишись, - Канарейкин подал Захарову какую-то бумагу.

- Это что? - спросил Захаров, беря из рук Канарейкина листок

- Накладная о получении, - ответил Канарейкин.

Захаров посмотрел на листок, и, действительно, вверху стоял гриф «совершенно секретно», а ниже шло перечисление тип ракет и их количество.

- Кому это нужно? - спросил Захаров, показывая на бумагу.

- А и то правда: я это по привычке тебе сунул, - Канарейкин взял из рук Захарова накладную, скомкав, выкинул ее за борт.

- Мы разве не домой идем?

- Нет, домой теперь нельзя, - сказал Канарейкин. - Ты чего стоишь как вкопанный. Что с тобой случилось? Ты же герой, знаешь об этом? Давай начинать погрузку. Где у тебя погрузочная команда?

- У нас работоспособных людей осталось меньше половины экипажа, и то все уже устали, - тихо ответил Захаров.

- Отчего устали? Вы тут лодыря три месяца гоняли.

- В этой трубе много лодыря не нагоняешь.

- Залег на глубине - спи да ешь. Чего еще надо?

- Так я не знаю - шли бы с нами да посидели. Вон ребят так и распирает от казенных-то харчей, - и Захаров показал рукой на швартовую команду.

- Ах, да, я совсем забыл, ну, ладно, на «Камчатке» этого добра достаточно, - сказал Канарейкин, посмотрев на изможденные лица людей, и позвал по радио капитана плавбазы с просьбой к нему, чтобы тот прислал пару десятков матросов. Через несколько минут с борта корабля спустилась бригада людей, и перегрузка боезапаса на «Морской лев» началась.

Все работы закончились только под самое утро; Канарейкин лично контролировал весь процесс, отправив Захарова отдыхать, сказав, что теперь всем он будет руководить, отдав ему бумагу с распоряжением генерала Шкворина, где весь личный состав «Морского льва» вместе с Захаровым входит в подчинение подполковнику Канарейкину. Захаров на удивление для самого себя спокойно воспринял свою отставку с поста человека номер один. Облегченно вздохнул, у него вырвалось: «Ну, наконец-то», - и, спустившись вниз, он пошел со спокойной совестью отдыхать к себе в каюту.

Когда «Камчатка» отошла от борта «Морского льва», Канарейкин и еще несколько людей остались на субмарине. Первым делом «хозяин секретного погреба» вызвал к себе с докладом Березина. Тот вкратце сообщил ему о состоянии дел на «Морском льве». Канарейкин, почесав свою голову,

махнул рукой и отпустил Березина, сказав: «Ладно, разберемся».

Погрузившись с первыми лучами появляющегося солнца, «Морской лев» направился на восток, к берегам Австралии. А Канарейкин в это время собрал на центральном посту всех офицеров.

- Товарищи офицеры, - начал он, - я вижу, здесь вас немного, но это не страшно: со мной прибыли люди, которые дополнят недостающих. Итак, отныне начальником, или, как бы это лучше сказать, флотоводцем... Так, Иван Алексеевич? - Канарейкин посмотрел на Захарова, а тот безразлично сидел у стены. Не дождавшись никакой реакции со стороны Захарова, он продолжил: - ...у вас буду я, а капитаном по-прежнему остается Иван Алексеевич. Я думаю, всем понятно? Теперь поговорим о том, зачем я прибыл сюда, - Канарейкин, немного помолчав, продолжил, как бы ворвавшись: - Прибыл я к вам, товарищи, с очень плохой вестью. Никто и никогда в мире не мог предположить - да какое предположить, присниться во сне не могло... То, что произошло с нашей Родиной, товарищи, вы себе здесь и представить не можете. Вы здесь, можно сказать, на передовых позициях отстаиваете интересы всего нашего Союза, а за вашими спинами всякие недоумки, жаждущие власти, и только власти, разорвали нашу с вами Родину на клочки. Накинулись они на нее, как голодранцы, и каждый норовит себе кусок оторвать. Личное княжество, дескать, хочу, независимости от всех хочу, а мы же все с вами веками жили вместе, а тут нате-с, получите... Произошло, товарищи, вот что: двадцать первого августа в результате переворота власть в нашей любимой стране перешла к кучке так называемых демократов - приспешников американской идеологии, которые, как пить дать, теперь развалят весь Союз, все дело Коммунистической партии пустят коту под хвост. Это дело уже решенное, и осталось только оформить предательство по отношению к советскому народу официально. Поделить Русь Великую между собою - и конец. Я не знаю, есть ли на нашем «Морском льве» украинцы, казахи, киргизы, но вот они скоро будут жить в другой стране, и не секрет, что эти процессы уже шли, но мы надеялись, что Коммунистическая партия не позволит кучке смутьянов во главе с колхозником Ельциным взять в результате переворота власть в свои руки.

- То есть как «взять власть»? - спросил Захаров, словно очнувшись.

- А так, Иван Алексеевич. Михаил Сергеевич в это время отдыхал в Фаросе, там случился с ним сердечный приступ, и ему необходимо было длительное лечение, поэтому полномочия временно исполняющего обязанности президента взял на себя его вице-президент Янаев. А Ельцин и кучка его приспешников объявили о совершенном якобы перевороте и подняли в Москве вооруженный мятеж: вы же знаете, какая поддержка у него в Москве... Так вот, чтобы избежать кровопролития, все союзное правительство ушло в отставку. Трусые несчастные, кому власть доверилась, а... Ну, это неважно уже. Важно, товарищи, другое - важно то, что мы теперь уже не можем вернуться в нашу любимую страну. Ее больше нет, она уже существует больше на карте, чем в реальной жизни.

- А куда же мы вернемся? - спросил кто-то с задних рядов.

- Мы вернемся домой, товарищи, - сказал после паузы Канарейкин, а слово «домой» он произнес особенно сладко.

- Куда домой, если нашего дома уже не существует? - спросил Заленский.

- И почему нам назад-то вернуться нельзя?

- Мы вернемся в Китай, товарищи.

- Зачем нам идти в Китай? - спросил Захаров.

- Иван Алексеевич, мы с вами отдельно поговорим, хорошо, - сказал, улыбнувшись, Канарейкин. - А теперь, товарищи, за работу, и через две недели, наверное... Сколько до Китая? - спросил Канарейкин Алферова.

- Надо смотреть: ну, недели две - две с половиной, - пожал плечами, ответил Алферов.

- Ну, да не это сейчас важно, товарищи: разницы нет - две недели или три. Главное, что мы возвращаемся домой, а они там все пусть горят синим, красным и белым пламенем. Голодранцы - дорвались до пирога-то, так рады всем руки пообкусать, до чего же жрать-то, видимо, хочется. Мало им было на своих-то должностях сидеть, почуяла собака кусок мяса. Эх, ладно, чего теперь-то руками махать. Теперь, товарищи, по местам: нам нужно хорошо поработать в это время, потому что дорога будет нелегкая.

Группа людей, прибывшая с ним, заплодировала, и на этом собрание закончилось, и все начали расходиться.

- Теперь объясните мне весь смысл вашего вранья, товарищ Канарейкин, - жестко сказал Захаров, не сомневаясь, что Канарейкин все это придумал. А Канарейкин был еще во власти своих эмоций и, продолжая улыбаться, пригласил Захарова к нему в каюту.

- Пойдемте, пойдемте, Иван Алексеевич.

Оставшись вдвоем, Канарейкин, сев, кряхтя, на кровать, сказал:

- Да, беспорядок, конечно, у тебя здесь. Нехорошо, нехорошо это, Иван Алексеевич.

- Об этом после. Ты мне скажи, что ты только что говорил на центральном посту: про какой такой Китай ты говорил? - перебил его Захаров.

Канарейкин немного задумался и сделался серьезнее.

- Дело все очень худо, Иван, - он впервые назвал Захарова по имени.

- В смысле?..

- Вот в том смысле и есть. Нет больше страны под названием Советский Союз: не удержали страну. Сделали свое дело империалисты проклятые. Вот так, Иван Алексеевич.

- О чем ты говоришь - что-то же есть? - ничего не понимал Захаров.

- Есть Российская Федерация, есть республика Украина, есть Беларусь. В общем, раскололся Союз на отдельные республики. Знаешь военную стратегию: чтобы уничтожить большого врага, его нужно расчленить на отдельные части, а затем уничтожать по отдельности? Вот нас и расчленили, а теперь будут душить, как кроликов.

- Кто? - спросил Захаров.

- А ты не знаешь? Империалисты. Америкосам только этого и надо. У них комплекс неполноценности, поэтому им и хочется быть впереди планеты всей, а мы у них - как в горле кость.

- Ты скажи, как дело случилось, - в голове у Захарова была сплошная каша: в эту минуту он еще плохо понимал, о чем ему говорит Канарейкин.

- Как, как? Помнишь мечту Ленина: кухарка может управлять государством?

- Какая кухарка, о чем ты? - спросил Захаров, а его голову начало ломить.

- Я о том, что и рядовой гражданин может управлять государством, нужно только очень хотеть. Вот и воплотило свободное общество голодных и рабов эту мечту. Вон позвали мужика из деревни, которого зовут Ельцин, а он разбираться теперь не будет, кто прав, кто виноват. Он доведет систему до ручки (а чего там говорить - ее уже Горбачев довел). Вон наше подразделение и то пришлось создавать втайне не только от Горбачева, а и от всего высшего руководства КГБ. Ждали, что вместо этого толмача придет наш человек, а пришел, раскудрит епону мать...

- Зачем нам тогда в Китай идти?

- Зачем, зачем? А куда ты предлагаешь? Вас сейчас весь мир ищет. А с китайцами, возможно, удастся договориться Шкворину: он сейчас в Пекин полетел переговоры вести о продаже «Морского льва» китайцам, втихую, у него там когда-то связи были по контрразведке.

- Я к китайцам «Льва» не поведу, - сказал Захаров. - Ты что, меня на измену хочешь подвигнуть?

- На какую измену? У тебя что, совсем мозги грибами заросли? Впрочем, я думаю, если быть здесь столько, сколько ты, то, наверное, еще и не так зарастут. Ты пойми: нам с тобой деваться некуда. Куда нам сейчас?

- У меня еще вопрос: выходит, то, что мы тут воевали, авианосец потопили, никому и не нужно было? Если от нас так легко Родина отказалась.

- Послушай Захаров, о чем ты говоришь? Авианосец в прошлом - ты думай, что теперь делать будем.

- Подожди, подожди, - Захаров начинал соображать. - У тебя авианосец, может, и в прошлом, а у меня и у моих товарищей в настоящем. Понимаешь? Ты видел, сколько народу плавало вокруг него и других кораблей, которые мы потопили...? - Их были тысячи, понимаешь, и я хочу знать, зачем я это сделал. Ярославской области, может, теперь спать не могу спокойно. Они все там орут, друг за друга хватаются и тонут все вместе, а мы сидели в тепле и спокойно смотрели, а могли бы и спасти. Зачем мы это сделали, скажи мне? Зачем?

- А ты не знаешь?

- Я думал, что это делаю во имя Родины. Действительно предотвращаю нападение на Ирак. Но в Ираке все равно американцы вторглись, и позиция Советского Союза была нейтральна, понимаешь?

- Я же тебе сказал, что лодка была сделана втайне от всей верхушки. Но ты защищал интересы Родины, которые кое-кто, там, наверху, уже перестал понимать.

- Тогда бы Родина от меня не отказалась.

- Родина поменяла начальника, понял? Слушай, Захаров, зачем тебе в этом говне копать? Кто тебя просил смотреть на этих людей, которые, как ты говоришь, барахтались в воде? Зачем ты поднимал перископ?

- Я должен был посмотреть на то, что я сотворил, чтобы не превратиться в животное. Я творец, и я должен был увидеть свое творение.

- Какое животное, о чем ты говоришь? Творец...

- О том, что животные действуют рефлекторно, а человеку нужен во всем смысл, и если его нет - тогда он превращается в животное, для которого непонятен смысл всего происходящего, поэтому и реагирует рефлекторно, понял теперь или нет?

- Ты эту философию оставь для других. Я тебе о деле говорю сейчас: весь мир идет к виртуальным технологиям. Ракетчики, если не видят, куда запускают ракету, - что, они животные?

- Нет, они знают, зачем запускают эту ракету, а я до сих пор не знаю, зачем утопил авианосец и еще целый десяток кораблей. Я сначала думал, что так представляю свою Родину... - Захарова затрясло, ему вдруг стало очень холодно, одиноко и как-то тоскливо.

- Тьфу ты, пропасть. Ты как маленький. Какая Родина? О чем ты, Иван Алексеевич? Ты эту патетику оставь своим подчиненным. Ты был на службе в системе КГБ. На этой системе держалась вся твоя разлюбленная Родина, а теперь пришел мужик дремучий из Сибири, который выучил только слово «демократия» и думает, что этим все можно решить. Ты пойми, голова твоя философская, что любое государство держится на системе внутренней и внешней разведки: нет системы - нет страны. А демократия, свобода слова - это всего лишь элементы, прикрывающую систему, антураж, так сказать. У нас, конечно, он был не бог весть какой, закрутили гайки, конечно, по самое некуда, но зато какая система была - будь здоров! И теперь ее развалили, Ельцин думает, без нее проживет. Хрен ему: превратит страну в хаос, и только. Понял теперь?

- Значит, я так понимаю: все, что мы тут делали, в одночасье никому не нужно стало? А может, и никогда и не нужно было - просто кому-то захотелось, но это же подло... - Захаров почувствовал, как черная жидкость прорвалась в сознание и, вязкая, вся липкая, обволакивала все его шестеренки и валики. Нагрузка на крутящиеся механизмы возрастала. Но жидкость с каждым разом проворота шестеренки крепче склеивала ее с соседней, через которую осуществлялась зубчатая передача.

- Ты что, не понимаешь, что ты на службе у системы, ты работаешь в органах и выполняешь их приказы, а Родина существует для идиотов и романтиков, ты понял? - заорал Канарейкин.

- Как вы смеете со мной так говорить?

- Ты, похоже, совсем здесь отупел, Захаров. В общем, так: идем в Китай, и шабаш. Я еще раз тебе говорю: ты на службе у системы, и, куда она прикажет, туды и пойдешь, понял? Ты никто здесь, понял? Ты вошь навозная, и не воняй, а не то раздавим, понял, - Канарейкин встал и хотел было идти.

- Я ОФИЦЕР ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА СОВЕТСКОГО СОЮЗА, а не кагэбэшник, - стуча по столу кулаком после каждого слова, сказал приказным тоном Захаров. В его интонации слышались высокогорная гордость и плодородие достоинства. И это уже было не простое произношение слов - это было рычание льва на всю африканскую саванну, глухое, но бесконечно глубокое, низкое по тону, но бесконечно высокое, величественно царское. И звери, слышавшие его голос, прижимали уши, склоняясь в страхе к земле. Точно так сделал и Канарейкин: тут же как-то осекся, присев обратно на кровать, склонив голову, а Захаров услышал первый треск ломающихся шестеренок в своем сознании. Его лицо исказилось от боли, повисла пауза.

- Я ОФИЦЕР ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА СОВЕТСКОГО СОЮЗА, а не кагэбэшник, - еще раз, с трудом преодолевая боль, повторил он, - и, пока я здесь командир, мы ни в какой Китай не пойдём. Мы возвращаемся на базу. Мы возвращаемся на Родину. Мы идем домой. Вам понятно, товарищ Канарейкин!!! Я ОФИЦЕР ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА СОВЕТСКОГО СОЮЗА, а не кагэбэшник, товарищ Канарейкин!!! И я вам не позволю... пока я здесь командир,

слышите меня!!! Я ОФИЦЕР ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА СОВЕТСКОГО СОЮЗА, а не кагэбэшник!!!.. - снова и снова повторял Захаров. А в это время он слышал и ощущал многочисленный треск, отдающийся электрическими разрядами в голове. Его многоэтажное здание разума теперь рушилось. Ломались доски под невидимой тяжестью черной, вязкой, свинцообразной жидкости, перекрытия трещали по всем швам, словно спички. Провалившийся куда-то в пропасть изъеденный термитами фундамент нарушил всю систему крепления, и теперь тяжелая крыша здания стремительно приближалась к земле, сминая все под собой.

- Ты что, Захаров? А? - Канарейкин даже не ожидал такой реакции, но, видя, что что-то происходит с Захаровым, привстал. Захаров же, наоборот, опустился на пол, схватившись за голову.

- О-о-ой. О-о-ой. Говорит командир, - наклонившись, говорил Захаров к себе в микрофон, - включить громкую связь. О-о-ой. О-о-ой. Измена, товарищи, все офицеры - о-о-ой, о-о-ой - прибыть в каюту командира.

Канарейкин сначала испугался, увидев, как Захаров стоит на коленях, хватаясь за голову, но потом опомнился и побежал за Березиным. Возвратившись назад вместе с ним и Курехиным, он застал поразившую их сцену. Захаров стоял в глубине капитанской каюты, одной рукой держась за стол, а другой по-прежнему за голову, закрывая правый глаз. Он был практически слеп и глух, чувствуя себя в кромешной темноте. Оставшийся глаз был также почти закрыт, его губы искривляясь, шевелясь странным образом, с трудом изрыгали слова-команды.

- ...всем рассредоточиться и взять контроль над «Морским львом», не пускать никого из вновь прибывших... Карташов, Карташов, где ты? Теперь ты... теперь ты... я больше не могу... - говорил Захаров.

Здесь его прервал пробравшийся к нему через толпу людей Березин, вколотив ему прямо через костюм чудовищную дозу снотворного. Захаров начал падать назад и все же замечал, как где-то далеко от него в светлом тумане, остальные офицеры набросилась на Березина. Вся ненависть, сдерживаемая страхом смерти перед этим человеком, вдруг куда-то улетучилась, и пружина гнева распрямилась.

Запись датирована 16 сентября 1991 года

Почувствовав инородное тело в своем организме, Захаров начал терять сознание. Стоявший рядом Алферов, заметив, как капитан медленно уходит назад, простер руки, чтобы его подхватить. Как только другие офицеры увидели, что Березин что-то вколол Захарову, их руки начали движение к его горлу. Все вокруг стремительно переместили свой взор с Захарова на Березина, а Алферов тем временем оттащил падающего капитана на кровать. Тянущиеся руку собравшихся офицеров, достигнув горла Березина, подняли его над всеми собравшимися.

Наблюдавший за всей этой сценой из коридора Канарейкин орал во все горло, пытаясь остановить стихийную расправу над Березиным. Единственным человеком, который действовал не на волне эмоций, а на фундаменте разума, был Карташов. Он подхватил капитанский ноутбук и побежал к шкафу, где хранилось оружие, на ходу давая указания бортовому компьютеру. Добравшись до ящика, Карташов подключил ноутбук в общую компьютерную систему «Морского льва», и, скачав из нее собственноручно созданную им программу, он через

считанные секунды отключил систему охраны арсенала. Щелкнувший замок открыл ему доступ к хранившемуся оружию. Взяв первый попавшийся ему на глаза пистолет Макарова и пару карабинов, он побежал обратно.

Когда Карташов возвратился назад, то увидел, что людей заметно прибыло и они уже толпились не только в каюте капитана, но и в проходе, оттеснив Канарейкина на край к стене, да так, что он уже ничего не видел, что делает с Березиным взбунтовавшаяся команда «Морского льва». На противоположном конце коридора стоял Фирсов, пытавшийся что-либо сделать с обезумевшей толпой. Рядом с ним пробирались к Березину люди из охраны базы: они буквально брали за шкуру тех, кто стоял у них на пути, вырывая, как морковку из земли, и отшвыривая назад.

Карташов поднял вверх пистолет и выстрелил вверх; в пылу эмоций он даже не подумал о том, что он может причинить существенный вред «Морскому льву». Но выстрела не произошло, так как пистолет был не заряжен, и вместо оглушающего шума люди услышали только щелчок. Но и этого оказалось достаточно, чтобы на секунду все замерли на месте, посмотрев на него.

- Экипаж, слушай мою команду!!! - прокричал Карташов. - Вы, - он махнул рукой, в которой был пистолет, в сторону людей из охраны «Морского льва», - да, вы, я это именно вам говорю - назад. Отойдите назад, я сказал. И повернитесь к стене лицом. Вот так, тихо стойте.

- Правильно, так их! Отлично сработано, товарищ Карташов. Наконец-то нашелся единственный здравомыслящий человек, - одобрительно сказал Фирсов, протискиваясь к Карташову. - Ну, что встали? Слышали, что сказано? - отодвигая охрану, двигался Фирсов, продолжая вслух рассуждать о происшедшем; когда он поравнялся с возвышавшейся над всеми головой Березина, он как бы между прочим достал откуда-то пистолет «ТТ» и выстрелил прямо ему между бровными дугами. Стоявшие кругом люди от страха упали ничком на пол. Последним рухнул уже мертвый Березин: он упал прямо на спины тех, кто только что держал его за горло.

- Вот, пока что-то не сделаешь экстраординарное, ничего в этом мире не изменится, так и будет продолжаться бардак, - с этими словами Фирсов подошел к застывшему от

удивления Карташову. Взяв из его рук пистолет и сняв аккуратно два карабина, сказал:

- Ну, вот и все. Наш командир пока больше не может исполнять свои обязанности, и все вы прекрасно знаете, что второе лицо на лодке, не считая вон того товарища без мозгов, является главный инженер, то есть я; и еще вы, товарищ Канарейкин, также входите в мое подчинение. Для вас у меня отдельная бумага от генерала Шкворина, - и он протянул ему плотный листок, где на свету просвечивался значок КГБ. - Я являюсь его личным агентом, исполняющим только прямые его приказы. (Он подошел к Канарейкину, перешагивая через все еще лежащих людей.)

Канарейкин, молча достал из внутреннего кармана очки, начав знакомиться с документом.

- А теперь, - сказал Фирсов, обращаясь ко всем, - разойтись по местам. Мы отправляемся в Китай, там нас всех ждет заслуженный отдых.

После этих слов лежащие на полу люди начали вставать и молча расходиться по отсекам. «Морской лев» перешел на автоматическое управление и взял курс на восток, чтобы пройти через Тасманово и море Фиджи выйти в Тихий океан.

За месяцы, которые прошли после трагической атаки на авианосец «Энтерпрайз», странами - участницами Североатлантического блока НАТО был организован масштабный поиск неизвестной подводной лодки. Все разведывательные управления этих стран объединяли свои усилия по выяснению принадлежности загадочной лодки, по всем каналам осуществлялся сбор информации относительно производства атомных подводных лодок.

Лесли был спасен подошедшими тремя подводными лодками типа «Лос-Анджелес». Его злость и досада перед потерей более четырех тысяч человек и авианосца «Энтерпрайз» чуть не ввергли его в депрессию. Но взять себя в руки помог пришедший вскоре приказ из штаба флота о его назначении консультантом по координации поиска неизвестной субмарины. По всему мировому океану уже разрезали своими носами его голубые волны корабли США, Франции, Великобритании, Германии, Италии и Японии. Лесли находился на крейсере опытного образца «Е-2000», его сопровождали эсминец нового класса «Орли Берк» и английский противолодочный корабль катамаранного типа.

Захаров открыл глаза через три дня после описанных выше событий, яркий свет сразу иголками вонзился в его сетчатку глаз. Испуг и неприятие света родили в его горле крик. Когда эффект солнечного зайчика прошел и Захаров понял, что свет - это хорошо, он закрыл рот, и крик больше не вырывался наружу. Когда мозговые функции возобновили свою работу, он начал монотонно обводить глазами всю каюту. Этот процесс прервал взрыв, случившийся в ста пятидесяти метрах за бортом «Морского льва», прямо напротив каюты Захарова. Гулкие звуки взрыва пришли из прошлого, сотрясая вместе с корпусом подводной лодки его сознание. И вновь страх, парализующий все и вся вокруг, сковал тело помимо его воли - Захаров повалился на пол, закрыв руками уши и выпустив крик, как сигнал своей полной беспомощности.

А в это время в акватории моря, где находился «Морской лев», разворачивалась охота на него. В последние три месяца руководство альянса установило наблюдение за всеми судами, пересекающими сороковой градус южной широты. Группировке кораблей, на которой находился Лесли, было поручено задержать одно из таких судов, но преследование прекратилось, когда акустик уловил шумы неизвестной подводной лодки, и вся группировка кораблей, изменив курс, начала преследование «Морского льва». Когда Лесли увидел отображенный на бумаге индивидуальный почерк шумов обнаруженной подводной лодки, он сразу почувствовал тошноту в горле, сказав всем, что это она. Фирсов не стал уклоняться от преследования. Заметив, что за ними идут только три корабля, он решил быстро и решительно с ними расправиться, одновременно прорвав кольцо блокады.

Когда завязалось очередное сражение, Захаров как раз сидел на кровати, а, услышав первый взрыв, скатился на пол. Пролежав с минут пять, Захаров вдруг встал на ноги и подошел к двери, лихорадочно забарабанив в нее. Как долго бы он еще бил ее своими кулаками, неизвестно, так как все почти были заняты в управлении «Морским львом». Но вдруг за дверью раздались pistolетные выстрелы. Захаров снова упал на пол и закричал, не услышав даже, как в замочной скважине зашевелился ключ. Дверь открылась, и на пороге перед свернувшимся в клубок Захаровым стояли Курехин и

Карташов, а за порогом в коридоре лежали два тела, принадлежавшие при жизни двум охранникам.

- Иван Алексеевич, Иван Алексеевич, вставайте быстрее, одевайтесь, - сказал Курехин и, не дожидаясь, когда он раскачается, начал надевать на него брюки и пиджак. Захаров же не сопротивлялся, а только наблюдал за их действиями.

Курехин и Карташов, спешно одев, поставили его на ноги. И, как только на Захарове, как на вешалке, висела вся необходимая одежда, все трое вышли из капитанской каюты, направившись к корме, где располагалась спасательная капсула. Проходили коридорами; где-то в толще воды раздался взрыв, качнув корпус «Морского льва», а Захаров тут же присел, закрыв голову руками. Карташов и Курехин немедленно начали поднимать его, побуждая двигаться дальше, но Захаров упирался и не хотел идти. В добавление к этому он снова закричал. Карташов и Курехин, перепугавшись из-за того, что крик Захарова привлечет чье-нибудь внимание, оставили его тут же в покое. Корпус «Морского льва» вновь содрогнулся от запуска ракет, и тут Захаров прекратил кричать, а, резко встав, он пошел по направлению на центральный пост. Курехин и Карташов немедленно его остановили и, повернув обратно к спасательной капсуле, чуть ли не силком потащили его туда. Когда они добрались до спасательной капсулы, там их дожидались Алферов, Заленский и еще человек восемь из экипажа.

- А где товарищи Канарейкин, Березин и Фирсов? - вдруг спросил Захаров, залезая в спасательную капсулу.

- Они воюют на центральном посту, мы их там забаррикадировали, - ответил Алферов.

- Я без них никуда не поеду, - сказал Захаров.

- Ну, теперь все, - не обращая никакого внимания на командира, закрывая крышку, сказал Карташов.

В это время на поверхности океана уже тонули эсминец «Орли Берк» и английский противолодочный корабль катамаранного типа, пораженные ракетами «Морского льва», запущенными, когда Захаров с Карташовым и Курехиным проходили по коридору. Крейсер «Е-2000» в ответ запустил двадцать восемь ракет, Лесли находился на нем, но уже понимал, что хорошо это дело не кончится, и, когда капсула с Захаровым вышла на поверхность, их, скорее, вынесло, так

как последний старт ракет с крейсера «Е-2000» достиг результата и поразил «Морского льва». Первое же соприкосновение с его околоторпусным пространством спровоцировало аварийный старт всех ракет, находящихся в шахтах, и ответный удар был ничуть не слабее только что произведенного крейсером. Ракеты «Морского льва» также достигли цели, и, когда первым вылез из люка спасательной капсулы Карташов, то увидел погребальную феерию: девять противокорабельных ракет буквально растерзали крейсер «Е-2000». Из находившихся на крейсере людей мало кто остался в живых. Но Лесли опять повезло, и, оказавшись вновь в воде, он выругался. С ним плавали еще несколько десятков матросов и офицеров, а где-то вдали еще барахтались люди, и кто-то кричал от страха и боли.

Карташов, заметив людей в воде, попытался направить спасательную капсулу к ним навстречу, но люди сами, увидев плавающий на воде предмет, поплыли к ним. Как только первые американские моряки забрались в капсулу и узнали о том, что рядом с ними русские, началась драка. Первый удар получил Карташов, объяснявший им что-то по-английски. Люди все прибывали и прибывали, и вот уже спасательная капсула была перегружена и начала погружаться обратно в пасть океана, из которой она недавно вынырнула. Первым поднял тревогу Лесли, и все, словно очумелые, начали снова прыгать в воду. Образовав круг, русские и американцы продолжили выяснение отношений. Среди фонтана брызг, Захаров оказался рядом с Лесли.

- Ты русский моряк? - спросил Лесли. Кроме этих слов, он еще знал по-русски «спасибо» и «хорошо».

- Я морской офицер Советского Союза, - строго сказал Захаров и тут же, улыбнувшись, добавил: - Но это уже неважно, мы же теперь друзья. (Лесли ничего не понял, но на всякий случай сказал Захарову, что тот арестован американскими военно-морскими силами.)

- Ты можешь хранить молчание. Все, что ты скажешь, будет использовано против тебя, - добавил Лесли после паузы для солидности и подозвал двух матросов, чтобы охранять Захарова.

Затем он криком прекратил драку и объявил всем остальным русским морякам, что они теперь пленники и сопротивление бесполезно. Карташов, слышавший и понимавший, что говорит Лесли, тут же скомандовал о

прекращении сопротивления, сказав ему только о том, что это легче сказать, чем сделать. В округе начинало штормить; помимо шепота волн, стояла строгая тишина, в которой люди, собравшись в небольшие кучки, подняв голову, смотрели на звездное небо Южного полушария. Вылезла полная луна, и в ее появившемся свете неожиданно для всех из воды вынырнул огромный нос большой белой акулы, треугольные зубы ловко вонзились в предплечье одного из американских моряков. Тут же поднялась паника, русские моряки заорали на Лесли. «Что же ты, мистер правосудие, сидишь и ничего не делаешь? Арестуй нас, только не скармливай этой скотине. Или ты мистер правосудие только у себя в Америке, а здесь тебе не Америка. Ты понял?» И вновь началась драка. Акула еще и еще раз выныривала, выхватывая из толпы по человеку. Понемногу вода окрасилась красным цветом, привлекая к этому месту других ее сородичей. Крики сопротивления стали уже слышны и из других кучек собравшихся моряков. На маняще одурманивающий запах крови приплыли еще две большие белые акулы и девять тигровых. Люди самоотверженно боролись за жизнь: голыми руками они все вместе бросались на акулу, как только она хватала одного из них, но их попытки оказать самооборону, несмотря на то, что некоторым и удалось руками выдавить одной из нападавших акул оба глаза и разорвать ей все жабры, все же были очень слабы и нападавшим на них морским хищницам не причинили существенного вреда, лишь только еще больше разозлили их. Человек, оказавшийся в воде без ружья или без какого бы то ни было предмета для самообороны, не смог оказать достойное сопротивление истинному хозяину морских просторов планеты, господствовавшему вот уже сто пятьдесят миллионов лет.

В середине ночи штормить стало меньше, а спустя еще час и вовсе прекратило. Около Лесли уже находился только Захаров, донимавший его глупыми вопросами о том, куда делся свет и почему солнце тухнет. Из тридцати человек, бывших около Лесли, остался только Захаров. Лесли уже понял его неумолимость и поэтому ощущал себя одиноким, тишина страшно давила. То и дело слышалось, как акулы где-то рядом высовывают свой спинной плавник из красной воды. Лесли ждал ее, он чувствовал, как хищница присматривается к ним. В его голове крутилось только одно: кто, кто, кто из них двоих будет схвачен сейчас? Под ними было около трех

километров воды, невозможно было увидеть, где внизу крутится эта голодная пасть, и чувство близкой смерти уже что-то шептало ему, и тогда Лесли поднял голову.

- Я не знаю, где внизу эти твари, - сказал он в отчаянии, - но я знаю, что над моей головой Бог.

- До него далеко, как до Марса, вряд ли он слышит тебя, - сказал Захаров, немного понимавший, о чем сейчас говорил Лесли.

- Молись, сукин сын, раз уж нагрешил, - огрызнулся Лесли и продолжил: - Мы, твои нерадивые сыновья, просим помощи у Тебя. Господи, спаси нас! Спаси наследие Христово! Не дай пропасть, Господи, не дай сгинуть во мраке темноты! Ты, милосердный Отче, спаси своих неблагодарных сынов. На Тебя уповаю, Господи!!! Ты - наша надежда и отрада наша в этом безумном мире! Прости нас, Господи!!!

- А как: я не умею? - спросил Захаров.

- Повторяй за мной, - сказал Лесли.

И оба, находясь по горло в красной от переизбытка крови воде, изрекли в один голос:

- Отче наш, сущий на небесах! Да святится имя Твое, да придет царствие Твое, да будет воля Твоя и на земле, как на небе...

И тогда открылся глаз небесный, из которого свет...

Приложение

Хроника конфликта

Под сердцем Юго-Западной Азии, почти наглухо закрытый изменчивой сушей, в плену лежит в форме полумесяца Персидский залив. С северо-запада его питает полноводная река Шатт-эль-Араб. На юге его воды покоятся на бескрайних песках аравийской пустыни, а на севере свисает на него иранское нагорье. Залив, словно ненасытный ребенок, голубыми с зеленоватым отливом губами замусолил дельту реки, превратив всю прилегающую местность в болото, над которым в дневные жаркие часы поднимается его теплое дыхание паров испарения.

В глубоких недрах древности около четырех тысяч лет назад Залив был значительно больше: его правая оконечность уходила в северном направлении на сто пятьдесят километров, не давая сойтись двум рекам - Тигру и Евфрату. Но спустя тысячелетия Залив отступил, позволив двум братьям слиться. Большая часть русла рек пролегает по Месопотамской низменности, превращая ее в зеленый оазис между песком и камнем. Начиная с Багдадской равнины, Тигр и Евфрат щедро делятся желанной влагой с прилегающей местностью, образуя разветвленные сети каналов, а она в свою очередь становится благодатной почвой для выращивания злаковых культур. Течение рек в этих местах замедляется настолько, что не всегда становится ясно, где пролегает основное русло реки. Береговой покров у обоих братьев различен, и если Евфрат имеет густую шевелюру из финиковых пальм, то Тигр, напротив, окружен ежиком рисовых и пшеничных полей.

Там, где Шатт-эль-Диджла подходит к своему брату Шатт-эль-Фурат так близко, что их многочисленные отростки переплетаются между собой, образуя единое целое, - в этом-то месте, недалеко от

каменных остатков города Ктесифона, столицы царства Сасанидов, на правом берегу Шатт-эль-Диджла в 762 году от рождения Христова аббасидский халиф ал-Мансур («победоносный») на месте небольших поселений заложил роскошный дворец, сказав при этом: «Это великолепный военный лагерь».

Целое десятилетие двадцатого века Ближний Восток горит неугасимым пламенем вражды между евреями и арабами, шиитами и суннитами. Непокойно на земле, где ступала нога сына Бога Отца Всемогущего и Великого пророка всех мусульман Мухаммеда. И вот только одна распря между единоверцами закончилась, а на смену ей уже поднимается другая.

В апреле 1990 года было положено начало новому витку противостояния на Ближнем Востоке, плавно перетекшего из идеологического конфликта между Ираком и Израилем, в котором первый проявил озабоченность по поводу решения палестинского вопроса, взяв курс на милитаризацию. Введя арабскую общественность в заблуждение, Ирак, еще не сумев оправиться от тяжелой войны с Ираном, вновь стал готовиться к военным действиям.

В истории Кувейта уже случалось такое, когда он становился жертвой чьих-то геополитических интересов в аравийском регионе. У нас нет достаточных доказательств говорить о том, что американские спецслужбы спровоцировали очередной конфликт в Персидском заливе. Но все же очень странно выглядит то, что иракская агрессия на Кувейт выразилась слишком смело по сравнению с его прошлыми попытками вооруженного давления с целью получения от своего соседа очередного денежного «кредита» за дальнейшее спокойствие на границе. Но не станем забегать вперед и расскажем все по порядку.

Как следует из японской прессы, в ноябре 1989 года состоялся обмен мнениями между чиновниками спецслужб двух государств, в ходе которых американские коллеги весьма недвусмысленно посоветовали кувейтцам использовать послевоенное время, которое тяжелым бременем легло на иракскую экономику, в достижении взаимного соглашения по демаркации ирако-кувейтской границы, намекнув на поддержку американской администрации в этом вопросе. Но, как видно из истории Ирака, именно в периоды острой нехватки твердой валюты его лидеры и прибегали к политическому шантажу, используя приграничную карту в качестве джокера в обретении желаемой финансовой помощи.

Уже в начале мая 1990 года в Вашингтоне прозвенели два звонка. ЦРУ предупредило о возможном нанесении Ираком ракетного удара по израильской территории, но администрация Белого дома не придала этому сообщению должного значения, расценив это как демонстрацию силы с целью давления.

В мае того же года на проходившей в Швейцарии очередной сессии стран - членов ОПЕК Ирак обвиняет Кувейт и Объединенные Арабские Эмираты в превышении установленной квоты добычи нефти. Действительно, нарушение лимита имело место, и самым злостным нарушителем были Объединенные Арабские Эмираты. Злоупотребление с их стороны составило в первом квартале 83 процента, во втором 93

процента от установленной квоты. Кувейт же зависил планку добычи черного золота совсем ненамного (27 процентов), но почему-то именно на эту страну иракская администрация обрушила свой гнев.

Кувейт еще с семидесятых годов был на положении «дойной коровы», и, если бы иракской стороне Эль-Кувейт вновь предоставил льготный кредит, наверняка весь конфликт был бы исчерпан. Но вот вопрос: почему Эль-Кувейт не захотел ссудить Ираку несколько миллиардов долларов? Быть может, чувствовал за спиной могучего американского друга, который обещал в случае чего подсобить?

11 июля на встрече пяти государств, проходившей в Джидде, было достигнуто соглашение, в котором все стороны обязались придерживаться старых квот до повышения цены в 18 долл./барр. Но истинная причина претензий иракской стороны скоро дала о себе знать. 15 июля 1990 года министр иностранных дел Тарик Азиз направил в Лигу арабских государств меморандум, в котором, как всегда, поднял излюбленную тему пограничного вопроса. Кувейт был виновен в том, что цены на нефть упали, вследствие чего Ирак недополучил в период с 1981 по 1990 года 89 млрд. долл., также Кувейт обвинялся в краже нефти из месторождения Румейли. Абсурдность последней претензии была настолько очевидной, что говорить о воровстве просто несерьезно. Кувейтские нефтедобывающие вышки располагались в районе Ритга, которое находится в пятистах метрах от иракского месторождения, и естественно, добыча шла из одного природного резервуара, и обвинения в том, что Кувейт его разрабатывает быстрее, чем Ирак, становятся смешными, так как глупо обвинять своего конкурента в том, что он быстрее продает свой товар. Как удовлетворение своих претензий Ирак требовал простить ему все долги, сделанные за время войны с Ираном.

Кувейт, не собираясь идти на поводу у иракской администрации, в ответ выдвинул свои претензии по поводу размещения Ираком своих нефтяных вышек на кувейтской территории, призвав арабскую общественность стать посредником в переговорах по демаркации границы.

Понимая всю несостоятельность своих инсинуаций, Ирак начал сосредоточивать на границе с Кувейтом свои вооруженные силы.

Весь июль продолжается «словесная перепалка» между Ираком и Кувейтом

24 июля 1990 года в полной секретности в Джидде прошла встреча иракской и кувейтской администраций с целью урегулирования возникших разногласий.

25 июля 1990 года в Женеве состоялась конференция министров нефтяной промышленности стран ОПЕК. Кувейтский министр был первым, кто назвал требования Ирака о цене в 25 долл./барр. нереалистичными, невзирая на сосредоточенные в приграничном районе с Кувейтом иракские танки. В то же время кувейтский министр отметил, что его правительство готово согласиться с любыми решениями конференции стран ОПЕК - даже с резким повышением цен. И 27 июля конференция определяет новую базисную цену на эталонную корзину нефти - 21 долл./барр.

25 июля иракский лидер Саддам Хусейн пригласил к себе на встречу американского посла Эйприл Глэспи, где та в обсуждении зреющего конфликта между Ираком и Кувейтом заявляет ему об отсутствии у американской администрации готового мнения по территориальным притязаниям Ирака. Трудно судить, спровоцировал ли ответ иракскому лидеру госпожи Глэспи вторжение войск в Кувейт. Но вот что интересно: по возвращении в Америку, после того как Саддам Хусейн распространил по всему миру стенограмму их беседы, она работает в Государственном департаменте в условиях полной изоляции. А с 26 июля начинается серьезная концентрация у границы с Кувейтом вооруженных сил Ирака.

К 30 июля, по данным американской разведки, иракская группировка войск насчитывала до ста тысяч человек.

29 июля Ясир Арафат, лидер ООП, прибывает в Эль-Кувейт с целью передачи эмиру Джаберу иракского плана урегулирования искусственно созданных осложнений в их межгосударственных отношениях. Монарх отклонил его, уведомив того о том, что сам собирается через два дня встретиться с Саддамом Хусейном и решить этот вопрос.

1 августа 1990 года в Пентагоне генерал Колин Пауэл в «цистерне» - кабинете для секретных переговоров, оборудованном защитной аппаратурой от прослушивания, - провел секретное совещание среди начальников штабов по поводу перемещения вооруженных сил Ирака. Тем временем прерываются на неопределенное время, едва начавшись, переговоры между Ираком и Кувейтом.

2 августа в 1.30 утра по местному времени наследный принц Саад проснулся, стоявший рядом телефон настойчиво звонил, требуя снять трубку. В ходе телефонного разговора с министром обороны он узнал о начавшемся вооруженном нападении на его страну.

Сотни танков Т-72 советского производства, сломав пограничные сооружения, встречая незначительное сопротивление, продвигались к столице Кувейта, находясь всего в 60 километрах от нее. Следом шла колонна машин, загруженных иракскими солдатами. Одновременно с этим иракское радио распространила сообщение о проникновении некой вооруженной группы на территорию Кувейта с целью свержения законного правительства.

К четырем часам утра становится понятно, что наступающие иракские армейские части не остановить и падения Эль-Кувейта не избежать. Вся семья монарха и его приближенные покинули дворец Дасман, направившись в американское посольство. Там уже их ждал вертолет. Эмир, наследный принц и несколько ближайших подданных, разместившись в вертолете, поднялись в воздух под залпы иракской артиллерии. Остальные члены семейства Ас-Саббахов, не покидая своих лимузинов, направились к Саудовской Аравии, расположенной всего в пятидесяти километрах. Гвардейский гарнизон эмира занял безнадежную оборону вокруг дворца.

В это время в Каире, в отеле «Семирамис», собрались министры иностранных дел стран-членов Лиги арабских государств. Тема обсуждения - иракская агрессия на Кувейт.

3 августа в Багдаде встретились король Иордании Хусейн и Саддам Хусейн. И к исходу этого же дня иракские войска, сломив последние районы сопротивления, установили свой контроль над всей территорией Кувейта.

Вооруженная агрессия Ирака была похожа на поход муравьев-кочевников. Во главе шли танки советского производства Т-62 и Т-72. За ними следовала военная бронетехника, загруженная солдатами, насчитывающая около ста тысяч человек. Вторая волна состояла из простых грузовиков и автобусов, в которых ехали как мирные жители, так и солдаты. Ворвавшись в город, не встречая практически никакого сопротивления, они принесли с собой хаос и мародерство, став фактическими хозяевами огромного мегаполиса, - началось его разграбление.

В первые дни агрессии погибло, по разным данным, от двухсот до восьмисот кувейтцев. По улицам столицы ходили пьяные солдаты с автоматами наперевес, волоча за собой большие сумки и мешки с награбленным. Мародерством не гнушались и иракские административные органы - уже к исходу второго дня казна Кувейта и весь ее золотовалютный запас оказался на территории агрессоров. Украдены вся дорогостоящая аппаратура с заводов и медицинское оборудование, также не были обойдены вниманием и культурные ценности Кувейта. В городе была парализована вся гражданская жизнь. На второй день, осознав, что если в городе не будут работать элементарные гражданские службы, то в нем будет невозможно жить, иракская администрация отдала приказ всем кувейтским госслужащим выйти на работу и приступить к выполнению своих обязанностей. Цены на самые необходимые продукты питания поползли вверх. Около немногочисленных еще работающих магазинов выстраивались очереди за водой и продовольствием.

Практически тут же было сформировано временное правительство Кувейта. Премьер-министром, министром внутренних дел и министром обороны стал полковник Хусейн Али. В новом правительстве не нашлось ни одного места для кувейтца, и вместе с этим временная администрация выпустила заявление, в котором говорилось, что она намерена начать формировать народную армию, состоящую из кувейтцев и патриотически настроенных арабов, поддерживающих новый режим в Кувейте.

Аннексия Кувейта Ираком вернула давно ушедшие времена средневековья, когда возник Аббасидский халифат, объединивший под знаменем ислама разрозненные кочевые племена: осаждая чужие города, подвергали их опустошению и разрушению. Иракское население, живущее в приграничной полосе, ехало в Эль-Кувейт как на бесплатную ярмарку, где все, что видят твои глаза, может принадлежать тебе и нужно только успеть его взять, пока кто-то другой тебя не опередил. Кувейтское население не могло терпеть нахальное разграбление своего города, и уже 11 августа бойцы сопротивления

провели две военные операции против оккупантов, взорвав склад с боеприпасами и напав на военную колонну, выдвигавшуюся к границе с Саудовской Аравией. Также на улицах кувейтской столицы, прошла мирная демонстрация против захватчиков. Разумеется, все эти действия имели печальный конец: демонстрация была расстреляна, погибли три человека, а за каждого убитого иракского солдата жизнью заплатились десять ни в чем не повинных кувейтцев.

4 августа Ирак заявил о выведении своих войск с оккупированной территории Кувейта, предоставив ее всецело и полностью временному правительству свободного Кувейта.

6 августа Совет Безопасности ООН объявил против Ирака беспрецедентные санкции.

8 августа президент США Джордж Буш направляет в Саудовскую Аравию первые части 82-й воздушно-десантной дивизии.

Конфликт на Ближнем Востоке начал разгораться по всем правилам: несмотря на то что мировая общественность осудила захват независимого государства, тем не менее нашлись страны, которые выразили поддержку Ираку. В августе в Иордании развернулось широкое движение в знак солидарности с Ираком, на улицах демонстранты жгли флаги США, Израиля и Великобритании. Из простого захватнического похода иракские идеологи быстро перевели этот конфликт совершенно в другую плоскость - в борьбу против Израиля и США.

На состоявшемся в Каире чрезвычайном совещании глав арабских государств двенадцатью странами была одобрена резолюция, выражающая осуждение иракской агрессии против Кувейта и не признающая насильственное включение Кувейта в состав Ирака как девятнадцатой провинции, а также требование немедленного вывода иракских войск с захваченных территорий. Среди противников оказались делегации Ирака, Ливии и ООП. Алжир и Йемен выразили нейтралитет, а Иордания, Мавритания и Судан поддержали принятый документ с оговорками. Таким образом, несмотря на выраженное осуждение захватчиков, полного единения среди стран арабского мира достигнуто не было. Тем временем американские военно-морские силы, расположенные в Персидском заливе, уже вели досмотр иракских судов.

Министр иностранных дел Ирака Тарик Азиз выступил с угрозой, сказав, что перехват иракских нефтяных танкеров иракское руководство будет расценивать как акт агрессии против своей страны. Тем временем в Багдаде прошли торжества по случаю маленькой победоносной войны, группа иракских летчиков объявила себя камикадзе, заявив о том, что намерена атаковать американские военные корабли. Весь первый месяц оккупации иракская администрация, видимо, опасаясь жесткой реакции мировой общественности, постоянно выходила с различного рода инициативами. Так, 12 августа Саддам Хусейн выдвинул предложение вывести все оккупационные войска со всех арабских территорий: в частности, он предложил Сирии и Израилю вывести свои войска из Ливана и Палестины, Ирану отвести войска от иракской границы, а он в свою

очередь выведет свою армию из Кувейта. Авантюрное заявление иракского лидера было видно с самого начала, так как Саддам Хусейн постоянно вбрасывал неосуществимые предложения для того, чтобы потом в случае отказа оправдать свое нападение на Кувейт. Так случилось и на этот раз: израильская и американская администрации отвергли его предложение. И Багдад, как считали его идеологи, получил еще один политический козырь.

Конфликт на Аравийском полуострове имел не только политические последствия, но экономические, отразившиеся на мировой экономике развитых стран. Поскольку страны Ближнего и Среднего Востока являются крупнейшими экспортерами нефти, американские экономисты выявили некоторую закономерность: повышение цены на нефть на мировом рынке на один доллар влечет за собой падение национального валового продукта на 0,1 процента. После захвата Кувейта иракскими войсками цены на мировом рынке на «черное золото» поползли вверх. Из-за этого цены на авиаперевозки также немедленно подскочили. Естественно, что, когда конфликт затронул напрямую американские национальные интересы (не говоря уже о политических), трудно было рассчитывать на невмешательство США.

13 августа Пентагон начинает первые переброски военной техники в Саудовскую Аравию, где уже находится американский ограниченный военный контингент. Ирак также, не теряя времени, готовился к войне и стягивал к границе с Саудовской Аравией все новые части.

9 августа министр обороны США Ричард Чейни заявил о том, что цель переброски американских вооруженных сил следует расценивать как предотвращение дальнейшего распространения иракской агрессии, и в частности, на Саудовскую Аравию. В этот же день Саддам Хусейн выступил с заявлением, в котором он сказал, что не намерен нападать на Саудовскую Аравию, обвинив военные круги США в том, что они вводят в заблуждение весь исламский мир и под прикрытием защиты Саудовской Аравии собираются начать вторжение на территорию Ирака.

Итак, на Аравийский полуостров началась массированная переброска войск США. В Залив входит авианосец «Independence», на подходе другой авианосец - «Dwight D. Eisenhower». А какова же в этом конфликте роль Советского Союза? Она проявилась сразу же, с первого момента его начала.

На проходивших 2 августа 1990 года в Иркутске переговорах между министром иностранных дел Э. А. Шеварднадзе и госсекретарем США Дж. Бейкером последний предупредил нашего министра о вторжении иракских войск на территорию Кувейта. Шеварднадзе, отмахнувшись, сказал, что этого не может быть, и тем не менее самолично позвонил в Москву. В столице от него эту информацию скрыли, сославшись на то, что никто ничего не знает по этому вопросу. После переговоров Дж. Бейкер улетел в Монголию и наутро 3 августа из Улан-Батора позвонил Шеварднадзе, когда факт нападения был известен всему миру, с предложением выступить совместно с

заявлением, в котором две страны - СССР и США - осудили бы иракскую агрессию в Кувейте.

Посоветовавшись на «малой коллегии», где собрались заместители министра и начальники некоторых ведомств, решили поддержать предложение Дж. Бейкера, и, когда тот прибыл во «Внуково-2», оба государственных чиновника сделали совместное заявление.

Выступая на пресс-конференции в Белом доме, Дж. Буш, коснувшись совместного заявления СССР и США, сказал: «Невозможно было ожидать более благоприятного ответа, чем получил госсекретарь».

Вот так еще совсем недавно великая держава перестала быть серьезным игроком на внешнеполитической арене. Позиция Москвы ровно и четко легла под интересы Вашингтона на Ближнем Востоке. Далее Москва заняла довольно странную позицию, выступив в роли миротворца. Абсурдность этой затеи была настолько очевидна, что не понимать действия Вашингтона, направленные на сознательное развязывание войны, было преступной близорукостью МИДа. Уж очень усердно политики из Белого дома заботились о жесткой, даже ультимативной форме, в которой действовал Совет Безопасности ООН! Да так, что все остальные попытки решить ближневосточную проблему политическим путем изначально не имели ни одного шанса на успех. Тем более, если знать Саддама Хусейна, который не приемлет по отношению к себе жесткого тона, было очевидно, что чем больше оказывается на него давление, тем больше растет сопротивление с его стороны. И еще один очень странный факт, поражающий воображение любого стороннего наблюдателя: на шестой день после иракского вторжения в Кувейт Пентагон уже перебрасывает свои первые части военного контингента, а спустя еще пять дней США уже начинают массивную переброску боевой техники. Откуда такая спешка? Сама собой возникает мысль: «Словно война идет не в Азии, а в Европе, и жертвой нападения стала не маленькая страна, а государство, входящее в Североатлантический альянс». Ответ, мне кажется, очень простой: в Белом доме, видимо, так давно ждали иракской агрессии, что сами того не замечали, как своим нетерпением к наконец-то представившейся возможности продемонстрировать свой военный потенциал в «миролюбивом» тоне и заодно расширить под этим предлогом свое военное присутствие на Аравийском полуострове чуть ли не выдавали свои действительные намерения. Поэтому в Вашингтоне ни на каких бы условиях не согласились развязать узел Персидского залива мирным способом, а наверняка только и боялись, как бы враг заранее не поднял от страха лапки, в связи с этим и весь суровый тон Совета Безопасности ООН, который под чутким руководством американских дипломатов принимает резолюцию № 665 о мерах осуществления экономических санкций, введенных против Ирака, дабы еще больше раздражить иракского лидера.

Да и вот так просто, в один день, взять и уйти, оставив все лавры Москве как миротворцу, а самим остаться с бледным лицом, - на это рассчитывать было бы очень, очень наивно, и поэтому вся эта возня с мирными предложениями нужна была лишь Москве для поддержания

своего реноме в международных кругах. Саддама Хусейна также спокойный исход дела не устраивал, так как в глазах своего народа и исламской общественности, не питавшей симпатий к американскому присутствию на Ближнем Востоке, ему лучше будет проиграть войну, но с достоинством, чем с позором отступить без всякого сопротивления. Вот поэтому Совет Безопасности ООН 29 ноября и принимает очень жесткую резолюцию (ее еще потом назовут «резолюцией войны») за номером 678, не оставляющую ни единого шанса Саддаму Хусейну покинуть Кувейт с достойным выражением лица. Она напрочь перечеркивает ведение дальнейших переговоров и выталкивает Москву на обочину международной политики. Единственное, чем Москва может похвастаться, - так это обращение 26 февраля Тарика Азиза, министра иностранных дел Ирака, в советское посольство в Багдаде с просьбой передать советскому руководству готовность Саддама Хусейна вывести свои войска с территории Кувейта. Как говорится, обед проспали - так хоть объедки достались. США, как и полагается полноправному хозяину всей сложившейся ситуации, выдержали паузу и отреагировали только в ночь на 28 февраля, когда и вступило соглашение о прекращении огня.

Как итог скажем лишь только одно: осудив иракское вторжение в Кувейт и далее послушное следование в фарватере американской внешнеполитической деятельности на Ближнем Востоке, но не присоединившись к войскам антииракской коалиции, Москва пыталась примерить маску миротворца, не заметив того, что осталась стоять враскоряку и лучезарная слава победы обошла ее стороной. А посредническая деятельность советского МИДа выглядит как беспомощные метания из стороны в сторону беспутной хозяйки, которая не знает, то ли пожар тушить, то ли вещи спасать.

Конфликт в Персидском заливе наглядно продемонстрировал всей мировой общественности, что Москва - уже не тот партнер, с мнением которого необходимо считаться. «Холодная война» уже закончилась в сердцах советских руководителей, но она еще не закончилась в умах западных идеологов. И позиция Советского Союза в этом конфликте была блестяще использована Вашингтоном в качестве инструмента для укрепления своих позиций на Аравийском полуострове.

Вследствие ухудшения погодных условий многонациональная военная группировка испытывала существенные неудобства из-за наступления сезона дождей, а приближение песчаных бурь и вовсе вынуждало командование антииракской коалиции готовиться к более решительным действиям. В ходе тридцативосьмидневной воздушной наступательной операции самолеты коалиции совершили около тридцати пяти тысяч боевых вылетов. Было произведено около трехсот пусков крылатых ракет «Томагавк». За время проведения воздушной операции многонациональной коалиции удалось полностью или частично подорвать объекты различного назначения: предприятия по разработке и производству химического оружия, ядерный исследовательский центр, различные военные заводы. Особенно сильно в ходе длительных бомбежек пострадала энергетическая и нефтехимическая промышленность, последняя буквально лежала в

руинах. Были серьезно повреждены транспортные коммуникации, в том числе разрушено около пятидесяти железнодорожных и автомобильных мостов.

И тем не менее за время массовых бомбежек иракская армия осуществила около ста тридцати запусков баллистических ракет советского производства типа «СКАД». Попадание их в израильские города и столицу Саудовской Аравии поставило перед фактом американских военных, что их противоракетный комплекс «Пэтриот» не в силах полностью обеспечить безопасное существование защищаемого ими объекта.

Во время воздушной операции основная нагрузка ложилась на самолеты F-15, F-16, F-18, F-111 и «Торнадо», наносившие удары преимущественно с малых высот. Также в ходе конфликта было опробовано новейшее оружие - авиабомбы с лазерным и телевизионным наведением и управляемые ракеты класса «Мейверик», крылатые ракеты «Томагавк». Новые системы оружия продемонстрировали высокую эффективность поражения цели. Несмотря на то что на долю высокоточного оружия приходилось всего семь процентов от общего количества использованного в ходе операции бомбового оружия, все же позже эту войну назовут войной новых технологий, где решающее значение исхода битвы стоит не за количеством военной техники, а за ее качественным техническим уровнем. И все же вместе с использованием массы новых технологий американские генералы не отказались и от старого, со времен Первой мировой войны опыта использования для достижения больших разрушений сверхмощных бомб. В качестве примера скажем о новой бетонобойной управляемой бомбе GBU-28 - ее длина шесть метров и масса две тонны. Она способна пробить бетонное перекрытие толщиной в шесть метров.

Несмотря на то что в ходе длительной воздушной операции применялись новые вооружения (помимо перечисленных выше назовем еще и новые управляемые ракеты «Попай» израильской разработки, «Слем» американской разработки на базе противокорабельной ракеты «Гарпун»), новейшие противорадиолокационные ракеты HARM AGM-88A все же не смогли до конца подавить иракскую противовоздушную оборону, и поэтому новейшие малозаметные самолеты F-117 «Невидимка» совершали полеты только ночью и не опускались ниже отметки в шесть тысяч метров. Знаменитые стратегические бомбардировщики B-52, осуществлявшие ковровые бомбометания, для более точного использования своего смертоносного груза вынуждены были полагаться только на штурманские расчеты, испражняясь на достаточной высоте, дабы чудом уцелевшие иракские маловысотные зенитно-ракетные комплексы их не сбили.

Как бы то ни было, климатические условия и дорогостоящее каждодневное содержание огромной военной группировки (в день около миллиарда долларов) вынуждали командование назначить день икс. В этот день наземные войска многонациональной коалиции приступят к своим прямым обязанностям и освободят суверенное государство Кувейт.

Накануне дня наступления, двадцать шестого февраля, президент Ирака выступил с заявлением о выводе войск из Кувейта под тем предлогом, что не удалось захватить Константинополь. Видимо, современная столица Турции была конечным пунктом назначения иракских войск, и после захвата Кувейта, очевидно, планировалось ударить на север. Встретив со стороны международного сообщества достаточно сильную преграду, Саддам Хусейн теперь решил без потерь отвести свои войска на исходные рубежи, при этом сделав оговорку, что Кувейт является тридцать восьмой провинцией Ирака. Но уход под фарсом внешнего давления не получился, и уже утром, игнорируя все заявления иракского диктатора, войска многонациональной группировки вступили в бой за освобождение территории Кувейта.

Начало наземной операции открыла мощная артподготовка. Двадцать четвертого февраля в четыре утра тысячи орудий обрушили свой огонь на оборонительные рубежи иракских войск. Предчувствуя скорое поражение, иракские солдаты заранее оставили передовые линии обороны, отойдя в глубь оккупированной территории. Проведя активное подавление иракских сил ПВО радиоэлектронными средствами, в бой вступила армейская авиация.

Основной удар командование нанесло севернее, напрямую, в обход Кувейта на Басру. Иракская армия, лишенная технических средств ведения боя в ночных условиях, вынуждена была непрерывно запускать осветительные снаряды. Не имея никаких препятствий, авиация многонациональных сил безраздельно господствовала в воздухе, нанося удары по скоплениям врага. Сражение разгорелось на линии фронта более четырехсот километров. Особенно эффективно действовали мобильные вертолетные бригады, состоящие из двадцати вертолетов, преимущественно АН-64 «Апач». Совершая на низкой высоте полеты, они осуществляли разведку боем и наносили ракетные удары, внося хаос и беспорядок в отступающие войска противника. Возведенные иракскими войсками фортификационные оборонительные рубежи, а также минирование на подходах к ним не создало особенной преграды для наступающих войск. Применив удлинительные заряды объемного взрыва, выбрасываемых в виде кабелей на несколько десятков метров, они взрывали все выставленные мины, создавая коридор для прохода сухопутных войск. Также не представили никакой задержки в наступлении и противотанковые рвы, залитые и подожженной нефтью. Они преодолевались с помощью специальных машин, наводивших понтонные мосты.

Наступательный напор многонациональных сил был настолько велик, что руководство операцией теряло из виду целые подразделения, предполагая удар в помощь наступающей роте, в то время как на самом деле получалось, что она уже выполнила свою поставленную задачу. Также не были исключением и танковые сражения среди войск союзников, когда одна из бригад из-за не встреченного ею сопротивления выходила в тыл иракским войскам, и когда тех разбивали основные части наступающих войск, то, встречая их на своем пути, они принимали их за врагов и по ним также открывался огонь, а

те, не зная о молниеносной победе, в свою очередь начинали оборону и вели огонь на поражение.

Также заметную роль в освобождении территории Кувейта сыграли воздушно-десантные операции. Так, утром двадцать четвертого февраля на юге столицы, Эль-Кувейта, был выброшен достаточно крупный десант в составе двух парашютно-десантных батальонов: захватив стратегически важный объект - аэропорт, они сумели удержать его при поддержке корабельной авиации и артиллерии до подхода основных сил многонациональных войск.

К исходу первых суток наземной наступательной операции войска антииракской коалиции вклинились в иракскую оборону в среднем на тридцать километров. В результате боев по всему участку фронта было захвачено около десяти тысяч пленных солдат. Вообще, дезертирство в иракской армии носило стихийный характер: солдаты складывали оружие целыми батальонами, осознавая всю бессмысленность своего сопротивления. Итогом первого дня стали частичное окружение Эль-Кувейта, освобождение сравнительно крупного города Вафра и других нескольких десятков населенных пунктов.

Наутро второго дня наземной операции массированное наступление многонациональных сил продолжилось. Расчлняя иракскую оборону глубокими эшелонированными ударами и также продолжая проводить воздушно-десантные операции, служившие авангардом наступающих сил, к исходу второго дня освободительные войска создали хорошие предпосылки для тройного окружения третьего иракского армейского корпуса, отрезая ему пути к отступлению в Басру, в то время как батальоны Саудовской Аравии и кувейтских ополченцев уже вплотную приблизились к Эль-Кувейту.

Второй день операции также принес и новых пленных, число добровольно сложивших оружие было почти в два раза больше по сравнению с первым днем боевых действий.

В третий день военных действий войска союзников продолжали закреплять достигнутый успех по окружению войсковой группировки в столице Кувейта, расширяя зону прорыва и отрезая наглухо обороняющиеся иракские войска, выходя к северной границе Кувейта, овладев автомагистралью Басра - Эль-Кувейт. Вторая важная задача, которую решали главные стратеги антииракской коалиции, - это разгром резервной иракской группировки в составе четвертого армейского корпуса. Для этой цели в районе города Насирия был выброшен десант в составе сто первой десантной дивизии, дабы упредительным ударом лишить группировку иракских войск возможности нанести контрудар во фланг наступающей восемнадцатой воздушно-десантной дивизии. Несомненно, третий день наземной операции стал переломным в битве за освобождение Кувейта, после чего уже стали очевидными некоторые факты этой чуть более полугодовой кампании.

Иракские войска не только оказались не способными оказать хоть какое-то мало-мальски осознанное сопротивление, но и на поверхность всплыла яркая очевидность всей цели захвата Кувейта:

разорить соседнее благополучное в финансовом отношении государство, чтобы поправить благосостояние своей страны в силу неспособности обеспечить это мирным путем - путем развития торговли и коммерческих отношений с соседними странами.

Президент Саддам Хусейн, сам того не подозревая, выявил свою некомпетентность и свое несоответствие занимаемой должности. Он не только не смог за десять лет своего правления обеспечить свой народ всем необходимым для достойной жизни, но и умудрился вступить на средневековый путь, когда люди грабили и воровали у своих же соседей, и ввергнул свой народ в две бессмысленные войны, пролив кровь своих соотечественников ради осуществления своих безумных идей. Вся история человечества наглядно демонстрирует нам то, что единственные дивиденды, которые сулит война, - это потеря своих родных и близких в обмен на жалкие гроши захваченных богатств, сгорающих за короткий промежуток времени. Правитель, который не ценит жизнь своего народа в каждом проявлении конкретного ее жителя, рискует в скором времени остаться без своих поданных либо обречет на мучительное вымирание верных ему людей, терпящих страдания в силу своей неспособности изменить свою и окружающую его жизнь.

Днем, ставшим, пожалуй, точкой в этом затянувшемся конфликте, стало двадцать седьмое февраля. В этот день бои велись на двух главных направлениях. Первое - это уничтожение военной группировки в районе города Басры, а второе - возле озера Эль-Хаммар у города Эн-Насирия. Совместно с высадившейся за рекой Евфрат сто первой воздушно-десантной дивизией войска западной группировки вели уничтожение отдельных скоплений оставшихся в живых иракских войск. Протокольным днем окончания военной кампании по освобождению Кувейта стало двадцать восьмое февраля: в восемь часов утра боевые действия были прекращены, продемонстрировав всему миру всю ничтожность и беспомощность режима правления Саддама Хусейна. Подобно ребенку, рассчитывающий на попустительство со стороны мировой общественности в ответ на его откровенно бесстыжие поступки по отношению к суверенным государствам и не брезгающий для прикрытия своих грязных действий священными символами веры всего арабского мира, эксплуатируя в своих корыстных целях страдания народа за многовековое течение времени, он, сам того не подозревая, оскорбил души всех верующих, подавая другим негативный пример, как легко можно использовать в качестве агитки зеленое знамя ислама и от имени Аллаха с легкой руки послать на смерть и разграбление таких же верующих, как и его подданные.

Как итог иракской кампании приведем несколько столбцов цифр, которые вновь и вновь убеждает нас в том, что человечество вступает в новую эру войн - войн высоких технологий. И «Буря в пустыне» была лишь только краешком картины, которую мир вскоре увидит на своих экранах благодаря прямым включениям в новостных программах.

К началу завершающего этапа операции «Буря в пустыне» войска антииракской коалиции, готовящиеся к наступлению, имели следующие числовые показатели: около 600 тысяч солдат, до четырех

тысяч танков, более трех с половиной тысяч артиллерийских и минометных стволов, до двух тысяч единиц авиации плюс пятьсот семьдесят противотанковых вертолетов и около двухсот боевых кораблей.

Им противостояла в числовом показателе также довольно солидная группировка иракских войск: свыше семисот тысяч солдатских голов, свыше пяти тысяч танков, более восьми тысяч единиц полевой артиллерии, около семисот самолетов и порядка тридцати единиц плавающей техники (небольшие корабли и катера).

Если посмотреть бегло на эти сухие цифры, то обе стороны имели примерно равное количество вооружений, хотя чувствуется небольшой перевес на стороне многонациональных сил, и тем не менее при столкновении лбами этих двух огромных армий, казалось, и та, и другая сторона должны были понести тяжелые потери, и битва могла быть затянута ну как минимум на несколько недель. И тем не менее она закончилась всего за четыре дня. В чем причина успеха? Быть может, в воздушной наступательной операции, длившейся больше месяца? Конечно, ее эффективное проведение внесло существенный вклад на счета общей победы. И все же если развернуть цифры и посмотреть на них с иной точки - тогда плоскость немых цифр нам раскроет истинное положение вещей. А именно: если сравнить боевую технику в современном ее исполнении и отбросить всю старую малопригодную рухлядь - тогда мы получим несколько другое соотношение цифр. Вот, например, по самолетам - 13:1 в пользу войск союзников (это к вопросу, почему так плохо, а иной раз просто пассивно вели себя ВВС Ирака); по современным танкам - 4,3:1; и такое превосходство будет в любом виде технического оружия. Невозможно еще провести сравнение уровня подготовки американских солдат и командования (именно американский контингент являлся ядром, обеспечившим успех всей кампании) с иракской стороной, но, кажется, если бы это было возможным, соотношение было бы на уровне соотношения самолетов, если не выше.

Разбирая эти числовые данные, не приходится удивляться потерям с той и другой стороны. По разным данным, они составили со стороны антииракской стороны около восьмисот погибших солдат, два десятка танков, семьдесят самолетов и порядка трех десятков единиц вертолетной техники. Иракские же потери намного значительнее: более семидесяти тысяч убитых, до девяноста тысяч сдавшихся в плен (и до тридцати тысяч канули во времени), триста шестьдесят единиц самолетного парка (причем основная часть потерь даже не участвовала в боях, а была уничтожена на взлетных полосах аэродромов), две тысячи семьсот танков (из них больше половины были попросту брошены).

Венец этой войны, опустившейся на голову рядовых иракцев, чудовищен и страшен: сотни тысяч человеческих жертв были брошены иракским президентом на алтарь своего очередного безумства. Не зря, видимо, всех авторитарных правителей называют пожирателями человеческих душ. Наверное, Саддам Хусейн не становится исключением, и он, как и предшествующие ему авторитарные лидеры в

других странах - Сталин, Гитлер и Наполеон, также жаждет крови своих сограждан, ибо в этом есть их чудовищная сила, сила, заставляющая впоследствии людей этих стран восхищаться псевдоподвигами своих вождей. Страх перед смертью в людях настолько велик, что правители, посылающие на гибель свой народ, становятся похожими на древних жрецов, приносящих в жертву кровь своего народа в угоду ими же придуманных богов, пытаясь хоть на минуту примерить их мантию.